

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Издательскій Домъ "Русскій Паломникъ": а/я -9, Москва, 125412, Россія.
Valaam Society of America: P. O. Box 70, Platina, CA 96076 U.S.A.

№ 48

СВ. РУСЬ ВЪ АМЕРИКѢ

ВЛАДЫКА ІОАННЪ ШАНХАЙСКІЙ со своей первой панагіей,
даромъ Епископа Гавріила Челябинскаго.

На обложкѣ: Андрѣвская Башня на Еловомъ, главное зданіе монастыря.
Ея золоченый куполь издалека встрѣчаетъ паломниковъ, подплывающихъ къ
острову. Было заложено въ день Св. Троицы 1997 г.

ПЕРСОНАЖНОЕ ДРЕВО

ПРИЗВАНИЕ РУССКАГО НАРОДА

Завѣты Святителя Іоанна Шанхайскаго Чудотворца

КОГДА МЫ ОСТАВЛЯЕМЪ стѣзи Божіи, то какое-то время можемъ удовлетворяться чисто тѣлеснымъ, но затѣмъ начинаемъ ощущать горечь того, что казалось намъ сладостнымъ.

Господь попускаетъ намъ страдать, съ тѣмъ чтобы мы восчувствовали нашу слабость и стремились болѣе усердно къ Источнику всякаго блага, нашему Творцу, дающему каждому то, что ему полезно.

Всмотримся въ себя самихъ, какое чудное и мудрое сочетание невидимаго и видимаго міра представляемъ мы сами! Тѣломъ своимъ принадлежа къ вещественному міру, мы представляемъ искуснѣйшее созданіе, въ которомъ каждая клетка имѣетъ свое назначеніе.

Особенно же свидѣтельствуетъ о Премудромъ Богѣ нашъ богоподобный духъ, возвышающій человека высоко надъ землей и житейскимъ моремъ и дающій намъ даже въ нынѣшней жизни общаться съ горними силами.

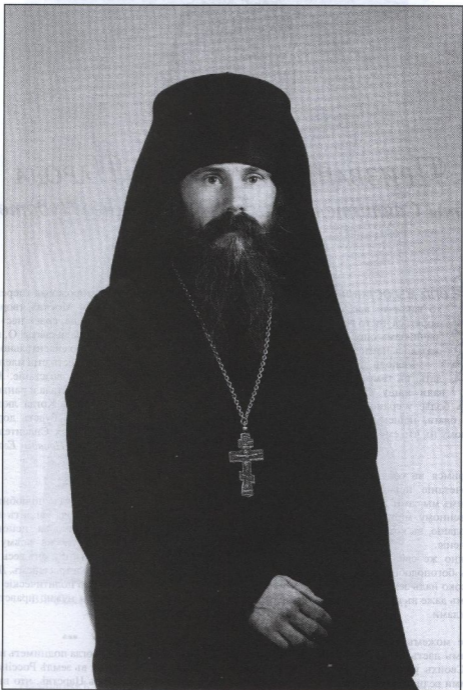
Мы не можемъ видѣть невидимаго Бога. Но Господь намъ даетъ видѣть Себя въ Своихъ подобияхъ, въ Своихъ угодникахъ. Надо, чтобы святые были нашими великими руководителями, чтобы мы всегда имѣли ихъ передъ своими глазами. Самое важное для насъ, самое драгоценное, самое великое — это святость. Это идеаль, это предѣлъ стремленія русскаго народа.

Ночная военная сторожевая перекличка на Кремлевскихъ стѣнахъ въ Москвѣ творилась словами: «Пресвятая Богородице, спаси нас!» То не значить, что и жизнь и люди были святы! О, нѣтъ! Люди всегда грѣшны, но важно, но спасительно, когда есть сознание добра и зла, когда есть стремленіе къ правдѣ, ибо тогда можетъ быть возстаніе. Россія возстанетъ такъ же, какъ она возстала и раньше. Возстанетъ, когда разгорится вѣра. Когда люди духовно возстанутъ, когда снова имъ будетъ дорога ясная, твердая вѣра въ правду словъ Спасителя: *«Ищите прежде Царствія Божія и Правды Его и вся сія приложатся вамъ».*

Россія возстанетъ, когда полюбитъ Вѣру и исповѣданіе Православія, когда увидитъ и полюбитъ православныхъ праведниковъ и исповѣдниковъ. Возстановленная Россія нужна всему міру, отъ котораго отошелъ духъ жизни и онъ весь колеблется въ страхъ, какъ передъ землетрясеніемъ. Для возрожденія Россіи напрасны всѣ политическіе и программные объединенія: Россіи нужно нравственное обновленіе Русскаго народа.

Россія возстанетъ, когда подниметъ взоръ свой и увидитъ, что всѣ святые, въ землѣ Россійской просіявшие, живы въ Божіемъ Царствѣ, что въ нихъ духъ вѣчной жизни и что намъ надо быть съ ними и духовно прикоснуться и приобщиться ихъ вѣчной жизни. Въ этомъ спасеніе Россіи и всего міра.

Свят. Іоаннъ Шанхайскій † Свт. Іоаннъ Шанхайскій

ІЕРОМОНАХЪ ВЛАДИМІРЪ. Фотографія 1960 г.

ПЕРЕСАЖЕННОЕ ДРЕВО

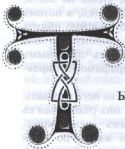
ОТЕЦЪ ВЛАДИМИРЪ

“КРАСНОЕ СОЛНЫШКО” ЗАРУБЕЖЬЯ

Память 7-го Августа 1988

(23 Февраля 1922 - 7 Августа 1988)

Быстрым темпом сгущается нравственная какофония разложения христианства вселенского, заглушается симфония православнаго подвижничества благочестия. Дабы не стухеел еще одинъ живой образъ въ строй массъ нашихъ дней, помпцаемъ свѣтлый ликъ современнаго подвижника — О. Владимира, дабы не погасъ для русскаго смяны борцовъ за св. Русь лучъ «краснаго солнышка».

1. ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ СВ. ВЛАДИМИРА

БЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТЬ восемьдесятъ восьмой юбилейный годъ преисполненъ былъ торжествами по поводу 1000-лѣтія Крещенія Руси, со вседушнымъ прославленіемъ памяти великаго просвѣтителя Руси св. Князя Владимира. Православные люди вѣкъ поколѣній за это тысячелѣтіе прославляли память св. Князя не только за его великое благодѣяніе — приобщеніе русскаго народа къ истинной вѣрѣ, но и за его добродѣтели, прибрѣтенныя имъ послѣ крещенія — любовь, доброту и милосердіе. Поэтому народъ и далъ ему ласковое имя — «Красное Солнышко». Добрые качества характера св. Князя становятся отличительными чертами и русскаго человѣка, часто непокорнаго, но добраго, часто ссорящегося, но любящаго, и даже въ бѣдности милосерднаго.

«Этотъ юбилейный годъ забралъ изъ нашей среды послѣ мучительной болѣзни скромнаго труженника Свято-Троицкой обители, соименнаго великому просвѣтителю Руси, Архимандрита Владимира. Съ полнымъ основаніемъ сей служитель Церкви Христовой заслуживаетъ быть прозваннымъ «солнышкомъ святой обители». На протяжении четырехъ десятилѣтій онъ являлъ образъ исключительной доброты къ многочисленному паломнику, посѣщавшимъ монастырь, а также къ духовнымъ значымымъ чадамъ.

Его имя было извѣстно по всему широкому зарубежью, а также и вѣрующимъ въ Россіи. Милый и ласковый его обликъ, излучающій свѣтъ любви, былъ дорогъ вѣмъ знающимъ его, имѣвшимъ счастье общенія съ нимъ. Часто скороговоркой, мимоходомъ, при всей занятости, онъ въ немногихъ, но искреннихъ словахъ умѣлъ передать «духовную ниточку». А это дороже всего! Исключительная доброта его выявлялась не только въ теплыхъ словахъ или братскомъ отношеніи къ человѣку, но и въ неизмѣнныхъ приношеніяхъ. Уѣзжая изъ монастыря, паломникъ не просто уходилъ, но уносилъ съ собой въ миръ частичку благорасположенія, зарядку духовности. Этими О. Владимиръ являлъ сущность нѣкоего старчества, отнюдь не приписывая себѣ какого-либо учительства или духовнаго избранничества. Просто Господь покрывалъ Своєю благодатью его даръ любви къ людямъ. Такъ писалъ духовный писатель протоіерей Валерій Лукановъ. А ниже привожу личные воспоминанія изъ области общенія съ праведникомъ О. Владимиромъ.

2. ПРИ ЛУННОМЪ СВѢТѢ

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я Пасхи, а потомъ 1-го Юля, когда смогъ бы снова посѣтить Джорданвилльскій монастырь. После обстоятельнаго доклада для молодежи, пріѣзжавшаго въ нашъ городъ профессора Сергія А. Зеньковского, на тему о первоисточнике

жизнеописания Преподобного Сергия Радонежского и о его авторъ — Епифаніи Премудромъ, крайне заинтересовавшимъ меня, я вспомнилъ, какъ О. Константинъ (Зайцевъ) рассказывалъ мнѣ о томъ, что у нихъ въ монастыре хорошая библиотека. Мнѣ хотѣлось прочитать о Преподобномъ Сергѣи болѣе подробно.

Когда Господь сподобилъ меня прѣхать въ монастырь, первымъ дѣломъ я встрѣтилъ О. Константина (похожаго на Блж. Августина съ картины Боттичелли). Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я повидаль библиотечкара почему-то указавъ иди на кухню, куда я и отправился, такъ и не понявъ, какъ библиотека связана съ кухней. Среди шума от котловъ и поварашекъ ко мнѣ подошелъ маленькаго роста монахъ съ рыжей бородой и сказалъ: «Это я библиотечкарь, иногда одновременно и поварь». Взявъ ключи мы пошли въ библиотеку, а по дорогѣ онъ спросилъ, какъ меня зовутъ. Я сказалъ, что зовутъ меня Грѣбомъ. Онъ ответилъ: «А я Владимиръ, мы съ тобой родня». Мы шли по коридорамъ библиотеки и я к своему удивленію увидѣлъ на полкахъ полное собраніе сочиненій Льва Толстого. Я спросилъ, что оно тутъ, въ православномъ монастырѣ, дѣлается. — «Для ученаго мужа все полезно знать», — послѣдоваль отвѣтъ. Я удивился такой объективности.

Наконецъ мы остановились и О. Владимиръ спросилъ: «О комъ ты ищешь книгу?». Я почему-то отвѣтилъ: «О Серафимѣ Саровскомъ», а потомъ спохватился и исправился: «Нѣтъ, о Сергѣи Радонежскомъ», такъ какъ о преподобномъ Серафимѣ я ничегошеньки не зналъ. «Вотъ онъ тутъ, — сказалъ о библиотечкарь, — Прп. Сергій привелъ тебя къ Серафиму. Вотъ бери и читай тутъ, а завтра я найду книгу Епифанія Премудраго о своемъ старца — Прп. Сергѣи. Будутъ вопросы — сегодня вечеромъ послѣ повечерія мы съ тобой обсудимъ». Я взялъ книгу, увидаль тамъ икону Прп. Серафима, которую въ жизни никогда не видаль и диву давался, какъ я могъ сдѣлать такую ошибку, упомянуть имя святого, о которомъ ничего не знаю. Получилось, что Прп. Сергій познакомилъ меня съ Прп. Серафимомъ, какъ сказать О. Владимиръ.

Послѣ обѣда я съ книгой въ рукахъ пошелъ на лоно природы, знакомиться съ Прп. Серафимомъ. Книга была толстая и въ ней глава, которая называлась «Ученіе Прп. Серафима о цѣли христіан-

ской жизни». Это было въ принципѣ отвѣтъ на мой главный вопросъ, чего ради жизнь дана человѣку. Затѣмъ дыханіе, я прочелъ слова святого Серафима, сказанные Мотовилу и они стали откровеніемъ для моей души.

Мы сговорились встрѣтиться на паперти, и послѣ окончанія повечерія я увидаль О. Владимира уже въ другомъ видѣ: онъ казался выше ростомъ въ черномъ клобукѣ и мантіи, и въ веселомъ искреннемъ взглядѣ лучащихся глазъ я вмѣгъ ощутилъ тепло благосположенности ко всему окружающему его. Глаза искрились какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, съ нимъ было легко, но и немножко боязно, потому что явно ощущалась исходящая отъ него нѣкая энергія.

Улыбаясь онъ сказалъ: «Пойдемъ гулять, пока еще свѣтло. Сейчасъ лѣто, скоро выйдетъ луна. У насъ лѣтомъ очень красиво: бродятъ стада, поютъ птицы, только что нѣтъ здѣсь русскихъ соловьевъ. Познакомимся такъ: я расскажу прежде о себѣ, чтобы ты зналъ, кто твой собесѣдникъ, а потомъ говори ты. Я буду вѣчно цѣнить нашу встрѣчу, потому что она связана съ моимъ любимымъ святымъ — Серафимомъ Саровскимъ».

Я смотрѣлъ на него и думалъ: «Подай, Боже, мнѣ сблизиться съ этимъ добрымъ человѣкомъ, чтобы смыслъ жизни до меня дошелъ». И онъ рассказалъ мнѣ о себѣ слѣдующее:

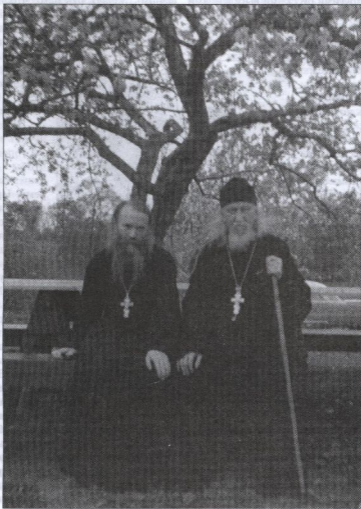
Василій Сухобокъ въ Германіи.

3. ВАСЯ
Родомъ онъ изъ Черниговской области. Въ міру названъ въ честь Василія Рязанскаго. Въ Россіи остались у него мать Александра и сестра Надежда. Отецъ его работалъ въ какихъ-то секретныхъ учрежденіяхъ и былъ разстрѣлянъ еще до прихода нѣмцевъ.

Во время войны, отступая, нѣмцы забрали Василія и его двоюроднаго брата Алексія Сухобокъ въ Германію. Слѣшно вызвали его въ комендатуру, дали нѣсколько минутъ попрощаться съ матерью и отпразднили въ Германію. Прощаясь съ сыномъ, его мама знала, что прощается съ нимъ навсегда. Она шепнула ему на ухо: «Знай, что тебя крестили. Ты принадлежишь Богу». И это было все, больше онъ никогда ни ее, ни сестру не видѣлъ. Его сестренка была слишкомъ маленька, даже не говорила еще. Въ послѣдствіи, черезъ много лѣтъ, она писала О. Владимиру письма, потомъ замолкла. Этими письмами онъ очень дорожилъ и рассылалъ копии

своим друзьям, так как в них ощущалась теплота характера, как и у ея брата. Мать скончалась через какое-то время послѣ развѣзда съ дочерью. Она была почти неграмотна, но от нея сохранилась одна записка, гдѣ съ любовью говорится о Богѣ. Военное время въ Рязанской области было особенно тяжелым, так как линия фронта нѣсколько раз переискала ее наступая и отступая. Нѣмцы забирали молодежь и посылали их въ Германию на работы. Въ Германиі их называли «остарбайтеры». Люди были обязаны носить ленты на лѣвой рукѣ съ буквами OST и трудились на расчисткѣ городов и селъ послѣ бомбардировокъ. Паекъ получали маленький, но все же не умирали съ голоду.

Василій находился въ Берлинѣ, который ежедневно бомбили американскіе самолеты. Точно безъ пятнадцати двенадцать ночи взывала сирена и начиналась бомбардировка. Берлинъ Бомбили по кварталамъ, уничтожая все подчистую, не шадя никакихъ зданій. Во время бомбардировокъ на улице находиться было невозможно. Кроме прочих, американскіе самолеты сбрасывали фосфорныя бомбы, которая сжигали человека и превращала его въ факель; бѣжить человекъ весь въ огонь, а тушить нѣтъмъ, ничего не брало. Иногда бомбоубѣжище проваливалось или его засыпало цѣлыми горами кирпичей.

Подъ свѣтлой яблоней съ Архимандритомъ Поликарпомъ, ученикомъ ученика Прп. Гавриила Казанскаго (Зырянова).

Во время одного такого ночного налета было особенно страшно, т. к. молодой Василій оказался въ незнакомомъ районѣ. Бомбоубѣжище, видно, было не очень крѣпкимъ. Дрожали стѣны и вотъ-вотъ могъ рухнуть потолокъ. Народу было много, сидѣли вдоль стѣнъ и буквально тряслись отъ страха. Бездомные, безличныя, ненужныя люди. Казалось, они были сбранны здѣсь бесцѣльно, на убой. Вдругъ рядомъ съ

нимъ оказался русскій старичокъ, который ласково къ нему обратился и сказалъ, чтобы тотъ не боялся, что все будетъ хорошо. Спросилъ Василія, любитъ ли онъ стихи и Пушкина. Вася кивнулъ головой и тогда старичокъ, придвинувшись къ нему поближе, сказалъ, что знаетъ красивое стихотвореніе о нѣкомъ царѣ, вродѣ сказочнаго царя Салтана. — Давай я научу тебя и, когда тебѣ станетъ страшно, ты читай его, красивое оно. — Съ большимъ вниманіемъ Вася прислушивался къ совершенно незнакомымъ словамъ этого стихотворенія и послѣ нѣсколькихъ фразъ началъ повторять его за старичкомъ. Стихотвореніе было не очень понятнo и требовало поясненій некоторыхъ словъ. Вотъ оно: «Царю Небесный, Утѣшителю, Душе Истинны, иже всѣдъ смы и вся испольный, сокровище благихъ и жизни подателю, прииди и вселиси въ ны и очисти ны отъ всякия скверны и спаси, Блаже, души наша». «Ты только подумай, — закончила старичокъ, — того Царя можно въ любое

время позвать, чтобы Онъ въ тебя вселился и очистилъ, только вспомни о Немъ и тебѣ станетъ небоязно». Не слыхавъ никогда Вася объ этомъ стихотвореніи, но оно ему понравилось и онъ началъ его повторять, не подозревая, что это за «стихотвореніе». Больше онъ никогда не видалъ этого старичка, тотъ исчезъ какъ таинственное явленіе.

Вскорѣ кончилась война. Какимъ-то образомъ Василій оказался съ другими русскими выселенцами въ городъ Кассель въ американской зонѣ. Всякія бѣженскія организации собирали народъ въ группы по національности и устраивали лагеря, въ которыхъ

кормили и готовили на выѣздъ въ разныя страны. Молодежь отправляли въ центры, гдѣ были устроены гимназии. Всѣмъ хотѣлось жить порядочно и устроиться въ странахъ, гдѣ можно было бы жить человѣчески. Вместе с нимъ въ лагерь было собрано много русскихъ, въ основномъ изъ Югославіи, и была устроена хорошая гимназія. Конечно, возрастъ учениковъ былъ различный. Назначили и его въ опредѣленный классъ, хотя ему было уже 19 лѣтъ.

Въ одномъ съ Васей Сухобкомъ классѣ гимназіи въ лагерь для перемѣщенныхъ лицъ, училась Ольга Астромова. Послѣ она вспоминала: «Въ лагерь онъ былъ пріѣзжимъ и поэтому жилъ въ интернатѣ при гимназіи», и еще она запомнила, что «онъ былъ большимъ моральнымъ авторитетомъ въ классѣ и иногда читалъ имъ лекціи насчетъ повѣденія». Среди прочихъ предметовъ всѣмъ преподавался Законъ Божій.

Вотъ открывается дверь и входитъ священникъ въ длинной рябѣ, съ большимъ золотымъ крестомъ на груди. Подъ скуфьей спрятаны длинные волосы. Это былъ О. Митрофанъ, который попривѣтствовалъ дѣтей и сообщилъ имъ, что онъ — законоучитель, что будетъ приходить къ нимъ регулярно и преподавать Законъ Божій. Начали съ молитвы. Въ классѣ была икона, всѣ ученики встали и начали пѣть, къ удивленію Василія, его любимое стихотвореніе о Царѣ. Радости его не было конца, онъ пять его охватили радость и теплота, которые онъ ощущалъ при встрѣчѣ съ незнакомымъ старцемъ, который ввелъ его въ духовный міръ, рѣальность котораго онъ всегда интуитивно ощущалъ.

4. О. АДРИАНЪ ОПТИНСКІЙ

Послѣ проверки познаній, Василія было рѣшено опредѣлить въ послѣдній классъ и вскоре онъ поступилъ въ одинъ изъ самыхъ привилегированныхъ университетовъ въ регионѣ. Выбравъ стоматологію, съ большимъ интересомъ сталъ учиться. Съ большимъ интересъ его сталъ мѣняться въ сторону богословія и онъ, сблизившись съ О. Митрофаномъ, узналъ отъ него, что недалеко отъ города Штутгарта поселился выдающийся священникъ и духовникъ, вокругъ котораго создавалась община, гдѣ совершается ежедневно суточный кругъ богослуженій, и что даже представители монашества собирались вокругъ него. О монашествѣ Василій въ ту пору ничего еще не зналъ.

И вотъ однажды онъ получилъ возможность поѣхать въ городокъ Вайблингенъ, чтобы познакомиться съ этимъ выдающимся пастыремъ. Пріѣхавъ утромъ, онъ прямо съ поѣзда пошелъ къ нему. Домовый храмъ былъ полонъ людей, хотя это былъ будний день. Шла Божественная Литургія. Стѣны были увѣшаны иконами Божіей Матери съ Богомладенцемъ, вездѣ горѣли свѣчи, справа онъ увидѣлъ портретъ въ ростъ живого человѣка — монахъ въ клобукъ съ сияющимъ ликомъ. Это былъ портретъ Прп. Серафима, писанный еще при жизни святого, спасенный изъ Кіева во время бомбежки. (Теперь портретъ называется Новодивѣвскимъ). За годы, проведенные въ Германіи, Василій не разъ бывалъ въ храмахъ, но раньше казавшаяся чуждой обстановка, теперь ему понравилась, она импонировала его внутреннему духу. Ему понравилось все. Его умиляла и вдохновляла совмѣстная молитва, а когда до его слуха доходили слова его любимаго «стихотворенія», то на глаза наворачивались слезы.

Послѣ Литургіи ему предложили чашку чая, а потомъ повели къ О. Адриану Рымаренко, основателю этой общины. О. Адрианъ былъ крайне болѣзненнымъ, постоянныя боли въ животѣ доводили его даже до обмороковъ. Тѣмъ не менѣе онъ принялъ Василія въ своей комнатухѣ, посадилъ возлѣ себя и началъ участливо разспрашивать о его жизни. На

Новопостриженные иноки Владиміръ и Іовъ.

стѣнь висѣли портреты монаховъ въ клобукахъ и скуфьяхъ. Онъ не зналъ, что это были оптинскіе старцы, и что О. Адрианъ былъ ихъ духовнымъ чадомъ. Увидавъ, что пришелецъ жаждетъ знаній о духовной жизни, О. Адрианъ далъ ему почитать книжку, пока самъ занимался дѣлами. Василия отвели въ каморку, онъ селъ у окошка, открылъ книжку объ одномъ изъ оптинскихъ старцевъ — и тутъ ему открылся совершенно новый міръ. Ему захотѣлось прочитать всѣ эти книжки, все время имѣть ихъ съ собой. Дали ему тетрадку и онъ началъ дѣлать въ нее выписки изъ книгъ, которая читалъ. Когда бывала свободная минутка, О. Адрианъ заходитъ къ нему и разъясняетъ непонятныя мѣста, принесли новыя книги. Уѣзжая отъ О. Адриана, онъ не прекращалъ познаніе духовнаго міра, дѣлалъ какъ бы домашнюю работу и по возвращеніи къ О. Адриану дѣлалъ доклады о томъ, что онъ приобрѣлъ. Книги о старцахъ были рѣдчайшими униками. Въ Россіи ихъ сжигали, на Западѣ зачитывали до дыръ, а новыхъ изданій въ военное время не было.

Однимъ изъ ключевыхъ сочиненій, которое О. Владиміръ прочелъ въ то время, была «Мистическая Трилогія» Ладженскаго: «Сверхсознаніе», «Свѣтъ Незримый» и «Темныя Силы». Въ книгахъ были разсужденія о религіяхъ Востока вплоть до «толстовщины». Все это привело его къ рѣшенію посвятить свою жизнь не медицине, а изученію науки изъ наукъ — богословія. Не всѣ учителя знали изъ опыта путь къ правильному пониманію духовной жизни, а О. Адрианъ былъ ученикомъ

О. Владиміръ позируетъ для сестры Надежды, читая ея письмо, на столикъ карточки отца и матери, а слева на коленяхъ лежитъ книга «Отверженные» Виктора Гюго, которую онъ посылаетъ сестрѣ.

последняго оптинскаго Старца Нектарія. Подъ его епитрахилью скончался Старецъ, какъ бы передавъ ему тайну Богопознанія. И, естественно, хотѣлось и дальше быть подъ руководствомъ такого учителя, но къ этому времени начали разселять бѣженцевъ по разнымъ странамъ. Въ душѣ у молодого Василия уже загорѣлся огонекъ Богоискательства, и О. Адрианъ хотѣлъ направить его въ семинарію или монастырь. Самъ О. Адрианъ* уѣзжалъ въ Америку вмѣстѣ со

своей общиной, которая въ послѣдствіи превратилась въ женскій монастырь Новодивѣво в Америкѣ.

Въ Мюнхенѣ открылся мужской монастырь въ честь Прп. Іова Почаевскаго, куда, съ благословенія О. Адриана, и направился Василій, чтобы положить начало иноческому искусу. Прибывъ туда въ 1949 году, онъ вскорѣ узналъ, что многіе изъ монаховъ уезжали въ Америку въ штатъ Нью-Йоркъ, въ монастырь св. Троицы, который быстрыми темпами разрастался и со временемъ превратился въ зарубежную Лавру. Василій загорелся идеей поехать туда. Послѣ многихъ лѣтъ жизни въ шумныхъ городахъ, разномысленныхъ, съ ненормальной жизнью, въ Свято-Троицкая обитель показала ему раемъ.

Окруженная полями и лѣсами, на вѣчно продуваемомъ вѣтрами холмѣ, была расположена святая обитель — монастырь Заіорданская въсь.

Исторія его такова:

5. «ЗАІОРДАНСКАЯ ВЪСЬ»

Еще во времена, когда будущій Патриархъ Тихонъ возглавлялъ Русскую Церковь въ Америкѣ, имъ былъ основанъ Свято-Тихоновскій монастырь въ штатѣ Пенсильванія. Это былъ единственный православный монастырь на всю Америку. Но такъ какъ это было заведѣніемъ епархіальнымъ, то управлялся онъ не по монашескимъ принципамъ съ выборомъ игумена изъ своей братіи, а по линіи архіерейскаго назначенія. Очень часто не получивъ монашескаго воспитанія наместники, не хранили духъ киновіи, и дошло даже до того, что архіерей переформировалъ все монастырское имущество на имя своей дочери (какъ было съ митрополитомъ Платономъ). И такимъ образомъ монахи оказывались жертвами мірскихъ законовъ.

Былъ вѣ томъ монастырѣ одинъ изъ іеромонаховъ, застрявшій в Америкѣ изъ-за революціи въ Россіи — Іеромонахъ Пантелеимонъ. Много переживавъ онъ въ монастырѣ изъ-за засилья немонашескаго настроенія. Но послѣдней каплей переполнившей чашу его терпенія стало водвореніе въ монастырскія стѣны дѣтскаго пріюта съ подростками и задумался онъ о побѣгѣ.

*См. О. немъ см. «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» № 19.

И вот, приходит къ нему, въ одинъ прекрасный день, молодой человекъ и проситъ выслушать его тайну: накопилъ онъ немного денегъ, чтобы внести вкладъ въ монастырь и поселиться возлѣ О. Пантелеимона, или найти гдѣ-нибудь «кусочекъ пустыни», дешевой земли, и поселиться тамъ жить по-настоящему монашески, т. е. основать свою обитель, если на то будетъ воля Божья.

«Потерпи еще немножко и мы найдемъ подходящее мѣсто и будетъ у насъ уже настоящее монашеское житіе» просилъ его О. Пантелеимонъ. Молодой человекъ по имени Іоаннъ согласился и въ одинъ прекрасный день ихъ мечта осуществилась: они нашли кусочекъ земли въ сѣверномъ штатѣ — Нью-Йоркѣ и тайно поселились въ дѣбряхъ, недалеко отъ Заордановой вѣси. Такъ родилась Свято-Троицкая обитель возлѣ деревни Джорданвилль.

Жизнь новыхъ пустынниковъ была тяжелой, нужно было начинать съ нуля. Они приобрѣли кусочекъ пахотной земли и нѣсколько коровъ, фермерамъ продавали молоко и какъ-то существовали, мечтая со временемъ заняться истинно монашескимъ дѣломъ печатанія слова Божія, въ то время какъ въ Россіи шла война противъ Божьего слова, взрывались храмы въ попытке убить вѣру въ Бога.

Сначала ихъ было пятеро: О. Пантелеимонъ и четыре брата Яковъ, Филаретъ, дьяконъ Павелъ и молодой Іоаннъ, будущій Архимандритъ Іосифъ.

Жили они крайне скромно, но довольно скоро смогли сами построить домъ съ храмомъ на второмъ этажѣ и печатню. Не успѣли освятить печатню, какъ во время освященія вспыхнулъ пожаръ и на ихъ глазахъ сгорѣло почти все. Скопившійся народъ съ ужасомъ смотрѣлъ, какъ столпообразно огонь шель въ небо. Рядомъ стоящая старушка сказала О. Пантелеимону: «Смотрите, батюшка, какъ Господь принимаетъ вашу жертву, точно Авеліеву». А рядомъ стоялъ братъ Іоаннъ, О. Пантелеимонъ повернулся къ нему и сказалъ: «Ты все еще хочешь пострига монашескаго?» На что О. Іоаннъ отвѣтилъ: «Да». И О. Іосифа постригли въ монахи. Но чтобы возстановить утерянное, нужно было потрудиться. На помощь пришелъ знаменитый русскій авиаторъ Сикорскій, который далъ работу О. Пантелеимону и тотъ день и ночь напролетъ работалъ съ неистощимой энергіей. Къ пріѣзду новыхъ монаховъ изъ Германіи типографія была уже возстановлена и начали строить соборный храмъ.

Въ 1949 году Василій прибылъ въ Америку. Посѣтивъ своего Старца О. Адриана и благословившись у него на подвигъ монашеской въ новомъ мѣрѣ, получилъ отъ него назиданіе о силѣ благочестія, о томъ, что всѣму нужно относиться съ благоговѣннымъ почтениемъ, ибо въ благочестіи этомъ кроется основа духовной жизни, такъ какъ волю Божію мы не знаемъ и судить намъ запрещено, и остается самое главное — имѣть благоговѣнное отношеніе ко всѣму. Это О.

По дорогѣ къ озеру и томатный огорокъ, съ авторомъ на фонѣ монастыря.

Адрианъ извлекъ изъ поучения своего Старца Нектарія Оптинскаго и посвятилъ свою долгую жизнь приобрѣтенно «тайны благочестія». Съ этимъ О. Владимірѣмъ уѣхалъ на свой монашескій подвигъ въ обитель, которую не покидалъ и былъ похороненъ въ 1988 году среди своей братіи за алтарной стѣной Троицкаго храма.

Принципы, на которомъ Архіепископъ Виталий основалъ семинарію при монастырѣ, были таковы: каждый семинаристъ долженъ получить опытъ настоящей монашеской жизни, т. е. быть отрѣшеннымъ отъ житейской суеты, быть духовно свобод-

закалило его волю и сдѣлало его свободнымъ отъ эмоцій, ибо мѣста для нихъ не оставалось.

Старцемъ его были въ прошломъ главный братскій духовникъ на Валааме О. Филимонъ, Послушникъ Владимірѣмъ привязался къ валаамцу, служилъ у него до конца его дней и на рукахъ у него старецъ скончался въ 1953 году. Вскорѣ послѣ прибытія въ Америку, Василия постригли въ монахи одновременно съ о. Іовомъ. По монашескому обычаю они провели первые три дня и ночи безъ выхода изъ храма, О. Владимірѣмъ въ верхнемъ, а Іовъ въ нижнемъ, Иово-Почаевскомъ.

Отецъ Владимірѣмъ съ юными паломниками, внуками Архіепископа Іоанна, дѣтьми его пріятель.

номъ. Эта идея была развита Достоевскимъ, когда его герой Зосима готовилъ Алешу къ служенію міру съ монашескихъ позицій. Поэтому каждый семинаристъ при этомъ монастырѣ долженъ былъ вести себя какъ монахъ: вставать рано съ монахами, быть на всѣхъ богослуженіяхъ, исполняя всѣ послушанія, а кромѣ того, находить время на изученіе богословскихъ наукъ, т. е. какъ бы двойное послушаніе и для Бога, и для міра. Поэтому всѣ семинаристы утромъ были въ храмѣ, выслушивали лекціи, а послѣ обѣда трудились на послушаніяхъ. Отъ такого напряженного графика они естественно, постоянно засыпали. Василию дали иноческое послушаніе быть главнымъ поваромъ и одновременно бібліотекаремъ. Сначала это давалось ему съ трудомъ, но зато

Каждый день онъ читалъ вслухъ всѣхъ святынь, и даже събитыхъ въ перекладочномъ обиходѣ. Какъ-то разъ О. Владимірѣмъ доилъ корову, съ греческимъ учебникомъ и засыпая. За нимъ пришли братія, сняли съ него фартукъ и отвели въ храмъ рукополагать въ дьяконы. Подобный случай былъ со старцемъ Львомъ Оптинскимъ.

6. МОЕ БЛАГОДАТНОЕ ЛѢТО

Когда О. Владимірѣмъ кончилъ свой рассказъ, то по условію была моя черда открыть душу. Моя, еще неначатая исторія показалась мнѣ такой ненужной. Но сіяла луна, было тепло, небо усыяно звѣздами... Несвязно, нелѣпо потекла моя отвѣтная рѣчь. Онъ меня остановилъ и сказалъ, что для православнаго христианина важно не смущаться грѣхами, а поучаться черезъ нихъ. Я говорилъ много, и когда мы

вернулись къ зданію семинаріи, я полностью изсякъ и съ радостнымъ чувствомъ въ сердцѣ легъ и заснулъ — новымъ человѣкомъ.

О. Владиміръ обладалъ особой сердечной теплотой, внутренней радостью, которая какъ токъ передавалась другимъ, заряжая силой радости во Христа. Это была рѣдкій даръ любви Христовой. Никогда въ жизни я больше не встрѣчалъ ничего подобнаго. Были случаи явнаго преображенія людей, которые я со временемъ записывалъ. Онъ усиленно хранилъ любовь Христову въ сердцѣ, чтобы та не погасла и сознательно ею заражалъ другихъ. Онъ зналъ, что въ такомъ благодатномъ добромъ расположеніи духа у человѣка могутъ возникать святые ощущенія и такимъ образомъ, гдѣ была тьма, становилось свѣтло, куда проникалъ страхъ, этотъ свѣтъ любви уничтожалъ и тѣни его. Эти моменты, когда въ человѣкѣ происходитъ такая перемѣна, могутъ родить духовно-творческіе вдохновенія и освѣтить инымъ свѣтомъ тусклую реальность нашего дихольтія. Иными словами, человѣкъ, имѣя желаніе любить Бога, можетъ соучаствовать въ разпространеніи милости Божіей, было бы только желаніе. Тогда мнѣ это не было ясно, но прожива со временемъ въ семинаріи и ежедневно соприкасяясь съ благодатной личностью О. Владиміра, я убѣдился, что благое настроеніе въ рукахъ каждаго христіанина и онъ можетъ и долженъ дѣлиться этимъ даромъ.

Жизнь О. Владиміра въ монастырѣ была нелегка, у него были завистники, сознательные и несознательные, и даже до какой-то степени онъ былъ гонимъ. Но объ этомъ дальше.

Это лѣто было благодатнымъ въ моей жизни тѣмъ, что мнѣ открылись какъ аскетическая сторона жизни, такъ и практическая. Всѣ монахи были идеалистами до самозабвенія и одновременно суровыми реалистами, большіе критики себя самихъ. Это были воины Христовы. За эти двѣ недѣли я сподобился лицезрѣть монашескій постригъ одного бывшаго Валаамскаго стараго послушника, брата Василия, келейника О. Филимона. На этомъ таинстве я никогда ранѣе не присутствовалъ. Рядомъ со мной стоявшій высокій Іеромонахъ Антоній (Граббѣ), потянулъ меня за рукавъ и сказалъ: «Не пропусайте, это милость Божія, что Вы сейчасъ увидите».

О. Владиміръ на книжномъ складѣ.

Распростертый на полу въ видѣ креста, лежалъ бывший послушникъ — братъ Василій. Съ обѣихъ сторонъ вереницей стояли братья съ зажженными свѣчами и гѣлы умилительный Валаамскій нагѣвъ «Въ объятяхъ Отчихъ». Это плачь падшаго Адама по потерянному раю, возвращающагося какъ блудный сынъ къ своему отцу. Изъ алтара вышелъ архіерей въ епитрахили и мантии и совершилъ чинъ постриженія въ иной мѣрь. Я внимательно слѣдилъ за темъ, что происходило и въ моемъ сердцѣ произошло что-то неиспытанное ранѣе, пришло ощущеніе, что именно этого я хочу, и я себѣ даже повторилъ нѣсколько разъ: «Да, да, этого я хочу». Когда обрядъ окончился, всѣ монахи другъ за другомъ подходили къ новопостриженному, задавая ему вопросъ: «Какое твое имя,

брате?» А тотъ смиренно отвѣчалъ: «Грѣшный Германъ». Шестнадцать лѣтъ спустя точно такъ же стоялъ и я, и такъ же отвѣчалъ: «Грѣшный Германъ». То, что тогда въ храмѣ я явно захотѣлъ, Богъ услышалъ и исполнилъ буквально.

7. СМЫСЛЪ ЖИЗНИ

Настала пора мне ужеть изъ монастыря. Передъ самымъ отъѣздомъ О. Владиміръ пригласилъ меня въ свою келлію, сказавъ, что мне необходимо познакомиться съ тѣмъ, какъ живутъ монахи. Келлія была на второмъ этажѣ, надъ иконостаснымъ флигелемъ. Была въ ней идеальная чистота и

порядокъ, и пахло ладаномъ. Въ углу горѣла зеленая лампадка передъ нѣсколькими иконами, а около окна была книжная полка со старыми книгами съ золотомъ гѣсенными переплетами. Отецъ Владиміръ сказалъ мнѣ, чтобы я вытаскилъ первую попавшуюся книгу, что я и сдѣлалъ. Ей оказалась «Добротолюбіе» «Это, — сказалъ онъ, — главная монашеская Библія». Онъ открылъ ее наугадъ и приложилъ къ моему носу, сказалъ: «Даже пахнетъ святостью». До меня дошелъ слабый запахъ старой бумаги, а въ воображеніи запахло Авономъ. «Ну, теперь, пожалуй, все», — сказалъ онъ и замѣтилъ, что взглядъ мой устремленъ на его четки, которыя были накручены на лѣвой рукѣ. Я спросилъ: «А это что?» и получилъ отвѣтъ, что четками пользуются монахи при многократномъ повтореніи такъ называемой Иисусовой молитвы, и подарилъ мнѣ свои четки.

О. Владиміръ пообѣщавъ прислать мне книгу о Прп. Сергіи и одолжилъ для чтенія о Прп. Серафимѣ,

сказав: «Пусть она будет твоим первым духовным чтением». Вторая — «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», а третья о Старце Амвросии Оптинском, написанная Е. Поселяниным.

Мне не хотелось уезжать, но я об этом промолчал. Он понимая мои чувства сказал: «Да, можешь приехать, когда хочешь, но ты мирской элемент и тебе нужен мирской батюшка» и дал мне имя и адрес какого-то священника в Нью-Йорк. Мое сердце защемило от горя. Я должен ехать в мир. Как бы от меня отнимают то, что я только что пережил. «Ты побей к нему, а потом к нам, и будет с тебя». Я был безоглядно ему благодарен, обещал посетить священника в Нью-Йорк, но скрпья сердце. Кто хочет послать такого рая лезть в городское пекло. Но в угнетении он сказал: «Ты не пожалей».

В канцелярии монахи одарили меня книгами их издания, большей частью о новомучениках Российских, тем более когда узнали, что мой отец тоже был замучен коммунистами и стал новомучеником за Святую Русь. Я ощутил в их гостеприимстве что-то неподдельно родное и, прощаясь со всеми, не зная, как выразить благодарность.

О. Иосиф торопил меня съездом, чтобы поспеть на автобус, но мне нужно было еще выразить благодарность Богу, так как душа была полна. Я побжал в храм, хотел войти, но дверь была заперта. Слышно было, как подъехала машина и О. Иосиф уже укладывал в нее мой багаж с книгами. Я не зная, как выразить то, что клокотало в моем сердце. Дабы никто не видел моего волнения, я забжал за алтарь и ткнулся носом в алтарную стѣну. Поблагодарил Бога, но этого было мало. С правой стороны я увидел могилу с большим большим крестом, на котором висѣла икона с двумя святыми в черных мантиях. Это была могила О. Филимона. В сердечном порыве я побжал к иконѣ, дотронулся и громко крикнул: «Сдѣлайте меня одним из вас!» И все вмг успокоилось в душѣ, я побжал к автобусу, который увез меня обратно в скучный мир, жизнь в котором меня томил. Раньше я думал, что это безусловно, но теперь я был не

один и вѣрил, что Бог меня слышит и может пролить во мне ощущение Его присутствия, дѣлая нудность жизни чѣм-то второстепенным.

Тут надо сказать, что прежде жизнь видѣлась мне в сѣром тусклом свѣтѣ, а теперь вдруг все обрѣло краски и звуки, озарилось ярким свѣтом, я как будто прозрѣл и serene понимал, что есть Истина, и Истина есть Бог.

Я стал впоследствии записывать случаи духовной и душевной помощи от соприкосновения с О. Владимиром. Его теплота, безусловно, была благодатна, чему я живой свидетель.

Вернувшись домой, я съ нетерпением ожидал писем от О. Владимира как дополнение к новой жизни, которую я обрѣл въ монастырѣ. Как то послѣ долгих недѣль я получил толстое письмо с большой цитатой из пушкинского «Моцарта и Сальери» и сразу почувствовал понимание моего настроения. Там шла рѣчь о красотѣ и служении Истинѣ. Письмо, написанное особенным монашеским тоном, красивым почерком и по старой орфографіи, как писалось в старину от одного монаха къ другому. То съ самым стилем дышал другим духом, отвояющим от повседневной скучной реальности. Долго собирался съ отвѣтом. Я понимал, что О. Владимир намѣренно дает мне образец монашеских взаимоотношений. Этот стиль изложения, конечно, чужд современному миру и даже смѣшон въ современном обществѣ, но как крохотное отражение чего-то прошлого он сильно повлиял на мою возрожденную душу.

Через мѣсяц я рѣшил посетить рекомендованного О. Владимиром «мирского батюшку» в Нью-Йорк. Скрпья сердце, я побжал к нему, и как же радостно я был удивлен, что он, хотя и из белого духовства, был учеником оптинских старцев, сам большой духовидѣц и даже прозорлив. Его звали О. Адриан Рымаренко.

Съ нетерпением я ждал слѣдующей поездки въ Джорданвилльскій монастырь. Читаясь книгами, изданными въ монастырѣ, и для меня открылся миръ такъ называемой Воинствующей Церкви, т. е. Церкви Христовой на землѣ, постоянно атакуемой темными силами, пользующимися слабостью земных, но ведущей съ этими силами непрестанную битву. Мне такъ хотелось поскорѣ примкнуть къ

Торговля книгами во время Троицких торжеств.

армии Божіихъ служителейъ этой воинствующей Церкви, но во мнѣ воспитывали терпѣніе, разсужденіе и духовное трѣзвеніе на пути моего возрожденія къ иной жизни. Я готовился поступать въ семинарію, хотя и не надѣялся, что удостоюсь. Ставший моимъ духовникомъ О. Адрианъ не благословилъ меня совѣщаться, оставивъ беспомощныхъ къ существованію мать и сестру, и поступилъ въ семинарію. Я ѣздилъ попеременно то въ Свято-Троицкій монастырь, гдѣ вдохновлялся благоговѣніемъ монастырскихъ традицій, быта и духовной эстетики Православія, то ѣздилъ къ О. Адриану въ Ново-Дивѣевскій монастырь въ Нью-Йоркѣ.

Джорданвилль вдохновлялъ меня своей реальностью Византийскаго міра, продолженіемъ ушедшихъ Византіи и Святой Руси. Этотъ міръ, созданный на прошломъ и поддерживаемый церковной традиціей, давалъ энергію молодому поколѣнію смѣло идти въ бой за Христа. То вдохновеніе могло быть только при усиліи святой вѣры.

И совершенно другой міръ, въ который я попадалъ, прѣѣзжая въ Нью-Йоркъ, это была достоевщина: забитые-перебитые бѣженцы, лышуще другъ къ другу, чтобы сохранить самодостоинство въ мірѣ, чуждомъ славному христіанскому прошлому и даже настроенномъ противъ Самого Христа. Тутъ были толпы плачущихъ женщинъ съ разными трагедіями въ ихъ жизни и одинъ священникъ, старающийся утѣшить ихъ безысходное горе. Отъ этого хотѣлось бѣжать какъ можно дальше.

Конечно, я стремился къ первому и нѣхотя прѣѣзжалъ во второй, сознавая, что по молодости мнѣ предпочтительно первое, но изъ состраданія я долженъ стремиться ко второму. Все это О. Владиміръ зналъ и писалъ вдохновляющіе письма, находя для этого время. Но моимъ духовнымъ чтеніемъ руководилъ Отецъ Адрианъ, направлялъ и указывалъ мнѣ на необходимость чтенія русскихъ классиковъ, тогда какъ я, естественно, склонялся къ духовной литературѣ. Тѣмъ болѣе что я вошелъ, благодаря О. Владиміру, въ переписку съ авоонскимъ старцемъ Схимонахомъ Никодимомъ, и онъ мнѣ присылалъ за небольшую сумму старыя книги святоотеческаго содержанія: сочиненія Свт. Игнатія Брянчанинова, Свт. Феофана Затворника и другіе. Четыре года я ждалъ, поступленія въ семинарію и зачитывался духовной и свѣтской литературой.

Наконецъ пришелъ счастливый день — и поступилъ въ Джорданвилльскую семинарію. Довольно быстро ее окончили и поѣхали на Аляску къ преподающему Герману Валаамскому иноку за благолюбиемъ на миссіонерскую дѣятельность. И уже болѣе не жить въ семинаріи до кончины О. Владиміра.

8. О. ВЛАДИМІРЪ «КРАСНОЕ СОЛНЫШКО»

Кто же былъ О. Владиміръ? Пожалуй, самый популярный человекъ во всей Свято-Троицкой обители. Всѣ шли къ нему. Онъ былъ на самомъ бойкомъ послушаніи — въ паломнической службѣ монастыря. Его тамъ держали, потому что онъ былъ быстръ въ дѣйствіяхъ, очень приветливъ съ паломниками, услужливо отвѣчалъ на тысячу писемъ, будучи всегда при этомъ радостнымъ, буквально бѣгающей, то на церковныя службы, то отслуживъ панихиду на кладбищѣ. Словомъ, душа человекъ. Его цѣнили за этотъ даръ быть доступнымъ каждому, трѣзвое самоодновленіе, что и есть любовь ко Христу. Онъ умѣлъ утѣшать, но до этого умѣлъ нащупать боли и скрывалъ этотъ даръ, покрывъ его шуткой и даже юродствомъ. Тотъ, кто знакомъ съ образомъ оптинскаго Старца Амвросія, пойметъ, о чемъ рѣчь. Самъ Старецъ Амвросій изнемогалъ отъ недуговъ, но тѣмъ не менѣе находилъ силы вдохновлять, шутить и вытаскивать изъ тины человекъ, угасающаго отъ духовнаго унынія. Можно было только взглянуть на О. Владиміра, его прыгающую маленькую фигуру, искришіеся свѣтломъ зеленые глаза, чтобы вмнѣ улегучились тучи унынія. Когда онъ ощущалъ такимъ образомъ возможность войти въ душу человекъ, онъ давалъ книги и указывалъ, что читать. У него были не только читатели, но и почитатели, которые ему вѣчно благодарны за внедреніе въ ихъ души образъ опыта святоотеческаго подвижничества.

Былъ такой случай. Моя знакомая американка рѣшила привести отчаявшуюся въ жизни молодую особу, чтобы какъ-нибудь на нее подѣйствовать духомъ монастыря и встрепенуть ее отъ ужасной депрессіи. Я сообщилъ отцамъ въ монастырь, о планировавшемся прѣѣздѣ данной особы. Къ моему ужасу и къ конфузу моей знакомой, прѣѣзжавшая незнакомка была неподобающе одѣта, какъ будто она прѣѣхала на

О. Владиміръ въ канцеляріи съ авторомъ.

Монастырские мальчишки (слева направо: Виталий Сабельникъ, Юра, Михаилъ Бензаманъ, Вишнепскіе братья Борисъ и Александръ, мой келейникъ, Леонидъ и Степа Сабельникъ) ходятъ съ Рождественской звѣздой на колядки подъ управленіемъ Инока Іоанна (слева), впоследствии Схіеромонаха на Афонѣ, справа О. Владиміръ съ авторомъ на фонѣ Троицкаго монастыря.
(Какъ разъ надъ звѣздой чердачная келлія О. Владиміра).

какой-нибудь свистоплясъ сомнительнаго содержания съ видомъ женщины легкаго поведенія. Я взглянулъ на свою знакомую съ ужасомъ, какъ можно эту бездушную американку представить монахамъ въ такомъ безобразномъ видѣ. Она сама пожимала плечами, не зная что дѣлать.

О. Владиміръ ожидая паломницъ, съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на дверь, откуда они должны были появиться, чтобы ихъ встрѣтить. Я хотѣлъ было отстранить ихъ отъ визита, на что О. Владиміръ сказалъ: «Не смѣй», какъ будто зналъ что произошло. Онъ самъ открылъ дверь и впустилъ моихъ американокъ. Я готовъ былъ провалиться сквозь землю, но О. Владиміръ не только виду не подавалъ, но даже наоборотъ, оказалъ особую любовь, согрѣлъ ихъ своей улыбкой и даже, незная англійскаго языка сумѣлъ передать ей, что онъ не только не осуждаетъ ее, но и не замѣчаетъ ее внешняго вида. Словомъ, онъ зажегъ ее своей любовью. Я диву давался, какъ онъ могъ не видѣть этого визуально смердящаго образа. Онъ подарилъ ей книги, рассказывалъ о гоголевскомъ разсужденіи о Божественной литургіи, много смѣялся, острилъ, одарилъ иконками и вѣрнее взглянувъ на нее я увидѣлъ, какъ съ унылою лицю и до отчаянія доходящая хмурая фигура преобразилась. Въ радостномъ состояніи они вышли. Я посмотрѣлъ

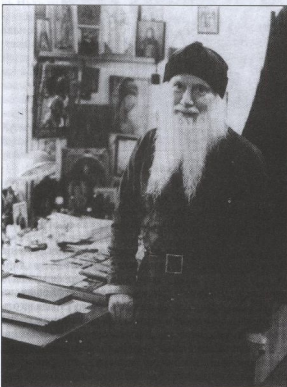
на О. Владиміра, увидѣлъ его сердитое выраженіе лица и услышалъ только звукъ: «Тсъ!».

Любовь О. Владиміра къ Прп. Серафиму была чудотворна. Одна молодая дѣвица, попавшая въ 12-лѣтнемъ возрастѣ въ аварію, много страдала отъ припадковъ нѣкагого затменія случавшихся по нѣскольку разъ въ день. Такъ усложнялась ее жизнь, что она не могла самостоятельно ходить по улицѣ, из-за опасности попасть подъ машину. Когда она пріѣхала въ Троицкій монастырь, то О. Владиміръ увидѣлъ ея припадки и началъ разсказывать ей о Преподобномъ Серафимѣ и въ заключеніе посовѣтовалъ ежедневно читать ему акаѣистъ, “до тѣхъ поръ” пока она не исцѣлится, и передалъ ей книжечку съ этимъ акаѣистомъ. Она приняла это всей душой и ежедневно вычитывала его, несмотря на то что это было нелегко. Читая понемногу въ автобусѣ и на перемѣнѣ въ школѣ, къ концу дня она успѣвала его закончить. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ее болѣзнь исчезла. Какъ она убеждена, по молитвамъ О. Владиміра къ его любимому святому Серафиму.

Надо сказать, что изъ внимательнаго чтенія детальнаго біографіи Прп. Серафима явствуетъ, что онъ былъ гонимъ въ своемъ Саровѣ, хотя официальные версіи стараются объ этомъ не говорить. Ему запрещали бесѣдовать исповѣдовать. А

постригать ему помогать Валаамскій Старець Илларионъ, котораго тоже гнали.

О. Владиміръ сострадалъ гонимымъ праведникамъ, такимъ какъ Святитель Арсеній Маціевичъ, Святитель Павелъ Тобольскій, Святитель Тихонъ Задонскій, Авель "Пророкъ" Валаамскій, Архимандритъ Фотій и Графиня Анна Орлова-Чесменская. Но особо онъ почиталъ убиеннаго праведника Императора Павла Перваго, которому и служилъ панихиды, особенно въ случаяхъ всякихъ бѣдствій и просьбъ о помощи, и Святой Императоръ всегда помогать. О. Владиміръ самъ переписывалъ и

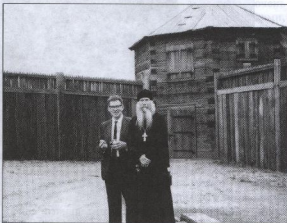

О. Владиміръ въ старости незадолго до смерти, въ своей канцеляріи.

раздавалъ своимъ знакомымъ присланную ему кем-то молитву Императору Павлу. (Смотри на 3-й стр. обложки). Ну и, конечно, панихиды по Государю Николаю Второму и его Августѣйшей Семьѣ были безчисленны.

Однажды утромъ я пришелъ въ канцелярію, гдѣ работала рядомъ со столомъ О. Владиміра. Благословивъ меня, онъ подаетъ мнѣ маленькую старинную брошюрку о посѣщеніи Святой Земли какимъ-то сибирскимъ странникомъ. Брошюра была отпечатана передъ самой революціей и написана тепло и радостно, я былъ доволенъ. Отецъ Владиміръ

говорить: "Ты знаешь, кто авторъ ея?" Оказывается, она была написана Григоріемъ Новымъ Распутиннымъ. Я отшатнулся, оттого что онъ у всехъ пользовался дурной славой и, конечно, я былъ такого же убѣжденія, и поразился, какъ могъ О. Владиміръ положительно отнестись къ такому всѣми признанному мерзавцу. Но вдругъ вспомнилъ, что всѣ вышеупомянутые праведники были такъ же тяжело осуждены запутавшимся свѣтскимъ бездушнымъ обществомъ либераловъ. Вспомнилъ я и несправедливое отношеніе къ Государю Николаю Второму въ американскомъ обществѣ, которое коробило меня въ годы моей учебы въ гимназій. И принялъ мнѣніе О. Владиміра къ сердцу, хотя долженъ былъ молчать.

О. Владиміръ посѣщаетъ Фортъ Россъ съ авторомъ въ 1966 г.

9. ИСПОВѢДНИКЪ

О. Владиміру и самому пришлось много пострадать. Несмотря на всѣ его добродѣтели, онъ пришелъ не ко двору власть имущимъ. Дѣло въ томъ, что О. Адрианъ, духовный воспитатель О. Владиміра еще по Германіи, былъ извѣстенъ какъ «не антисергіанецъ», въ то время какъ большинство прибывшихъ изъ СССР были враждебно настроены къ оставшемуся въ Россіи духовенству, особенно въ Джорданвиллѣ. Это ни О. Владиміру, ни другимъ, приведеннымъ въ обитель О. Адрианомъ, не пришлось, даже до гробовой доски. О. Владиміра на этомъ основаніи не назначали духовникомъ, сознательно игнорировали и обходили, предпочитая назначить на это послушаніе даже въ ущербъ себѣ молодыхъ и неопытныхъ священниковъ, нѣкоторые изъ которыхъ даже были недавно принявшие Православіе американцы. Они исповѣдовали и поучали, говоря съ большимъ трудомъ, съ сильнымъ акцентомъ по русски, въ то время какъ такой въ высшей степени

подходящий для этого русский человек, какъ О. Владимиръ оставался въ тени.

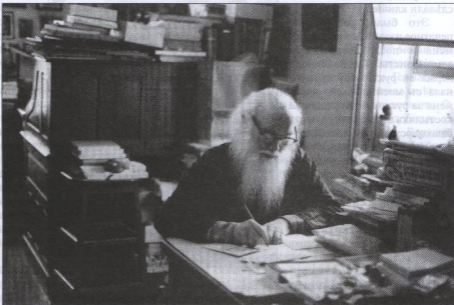
Съ благословенія Владыки Аверкія О. Владимиръ сталъ для меня настоящимъ духовникомъ. Я ежедневно утромъ и вечеромъ приходилъ къ нему для откровенія помысловъ, но даже Владыка не могъ настоять, чтобы О. Владимиръ официально исповѣдалъ другихъ. Моимъ официальнымъ духовникомъ былъ назначенъ О. Константинъ, тогда какъ О. Владимиръ былъ во много разъ болѣе чуткимъ и просто старчески умудреннымъ. Главная причина этой несправедливости къ О. Владимиру была зависть отца благочиннаго.

А тутъ еще такой соблазнъ. Кто-то случайно высказалъ мысль, что хорошо было бы въ долину за озеромъ, гдѣ собирались строить часовню, построить также маленькій домикъ, «хибарку», и поселить туда О. Владимира. Вотъ будетъ скитъ и старецъ! Когда это дошло до О. Киприана и власть имущихъ, то поднялась буча противъ О. Владимира. И онъ невinnie пострадалъ, такъ что даже его хотѣли отправить въ Австралію, когда тамъ открылась вакансія епископа. Но оставила его на мѣстѣ та огромная работа въ канцеляріи, на которой онъ былъ незаменимъ. Также О. Владимиръ преподавалъ въ семинаріи Въроуоченіе и былъ очень любимъ студентами. Говорили, что на его экзаменахъ единственный балъ былъ пятерка.

Онъ принималъ активное участіе въ изданіи первой большой книги объ Оптиной пустыни, которая стала основнымъ текстомъ для канонизаціи старцевъ зарубежомъ. Профессоръ Иванъ Михайловичъ Концевичъ, воспитаникъ оптинскихъ старцевъ, преподавалъ въ семинаріи патологію въ началѣ 50-хъ годовъ. Онъ давно задумалъ трилогию о русской святости и, еще будучи въ Парижѣ, издалъ первую часть «*Стажаніе Духа Святаго въ путяхъ Древней Руси*», а остальные не успѣвъ закончить, умеръ. Чтобы помочь вдовѣ его, Еленѣ Юрьевнѣ, племянницѣ С.А. Нилуса, издать труды мужа, О. Владимиръ обратился ко мнѣ. А самъ онъ былъ главнымъ вдохновителемъ

при осуществленіи этого большого дѣла — изданія второй и третьей частей «Стажаній» въ видѣ книги «*Оптина пустынь и ея время*». Одновременно онъ вдохновилъ насъ издать семь томовъ полныхъ біографій оптинскихъ старцевъ.

А началось все это такъ: работая на сѣнокосѣ, лѣтомъ 1960 г., я свалился съ воза съ сѣномъ и сломалъ себѣ ногу. Заживала нога медленно и, чтобы я даромъ время не терялъ, О. Владимиръ посоветовалъ мнѣ написать что-нибудь для монастырскаго журнала, предложить мнѣ тему объ Оптиной, съ которой онъ познакомился одновременно со своимъ

своей канцеляріи незадолго до своей кончины въ 1988 г. Онъ всегда былъ живымъ и радостнымъ воцерковленнымъ. Мы съ нимъ часто служили панихиды по Оптинскимъ старцамъ. Онъ особенно любилъ Старца Іосифа, а самъ внѣшне былъ похожъ на Старца Амвросія, да и веселымъ своимъ характеромъ, и любовью къ баснямъ Крылова. Его предложеніе смутило меня, т. к. это означало то, что я претендую на писательство. Тутъ я вспомнилъ, что въ концѣ года исполняется 100 лѣтъ со дня кончины Старца Макарія, полное житіе котораго я только что прочиталъ. «Ну вотъ и ладно, — сказалъ онъ, — отмытимъ память Старца, я принесу тебѣ все, что у насъ есть о немъ въ бібліотекѣ. И если пройдетъ редакцію О. Константина и будетъ напечатано, то Оптинскіе старцы будутъ довольны». Со страхомъ, послѣ молебна передъ добрымъ дѣломъ и панихиды по Старцу Макарію, я приступилъ и усиленно трудился надъ статьёй.

По окончании О. Владимиръ взялъ 6 страниц моих каракулей и отнес их нашему строгому редактору, который чуть ли не в тот же день лично принесть мнѣ ихъ обратно со словами: «Я причесять. Неплохо. Перепечатайте, не задерживаясь, ибо скоро будетъ память столѣтія О. Макарія». Признаться, мнѣ было страшно, т. к. по сію пору не было моихъ писаний въ печати. Когда я вернулъ окончательную версію, то О. Константинъ посоветовалъ помѣстить и портретъ Старца. Я даже ѣздилъ въ городъ, чтобы спѣшно сдѣлать клише.

Это было мое первое печатное издание, съ которымъ меня и поздравляли наши семинаристы. О. Владимиръ держа въ рукѣ выпускъ журнала съ моей статьёй, взялъ меня за рукавъ и потащилъ на костыляхъ въ церковь служить благодарственный молебенъ.

Но самое отрадное мнѣ еще предстояло получить — это было письмо отъ проф. И. М. Концевича и его супруги. И оно начиналось такъ: «Слава Богу, нашелся еще одинъ почитатель оптинскихъ старцевъ!» И завязалась большая близость съ авторомъ первой биографіи Старца Нектарія — PRIMA VITA. Господь помогъ мнѣ отпечатать биографію самого Концевича какъ второе опубликованное сочинение. А дружба съ его женой непрерывно пролонгалась до ея кончины 30 лѣтъ спустя.

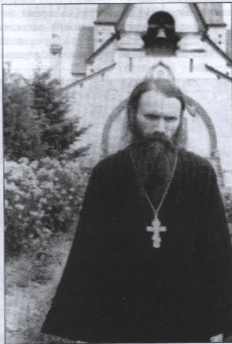
А далее нашимъ братствомъ Преподобного Германа Аляскинскаго была издана цѣлая серия книгъ объ Оптиной. И О. Адрианъ, вдохновившій юнаго Васю оптинскими идеями, духовно ликовавъ: «Всѣ эти житія старцевъ у меня пропали въ Россіи и теперь появились въ моихъ рукахъ какъ сокровище для проходящихъ науку отечественнаго благочестія. И на этомъ можно строить возрожденіе Святой Руси!».

Дошли наши книги о старцахъ и до Россіи, даже въ саму, тогда еще закрытую, Оптину. Въ 1970-хъ годахъ совѣтскаго времени гонений на вѣру намъ удалось

переслать ихъ туда, гдѣ они стали, по выраженію Архм. Венедикта, «краеугольнымъ камнемъ» при возрожденіи Новой Оптины. При нашемъ первомъ посѣщеніи Оптинскаго монастыря въ 1990 году онъ выразилъ эту мысль приблизительно такъ: «Ваши книги и труды оказались живыми звеньями, связующими старую и возрождающуюся Оптину. Какъ живые преемники они передали токъ жизни прежней обители, зажгли сердца новыхъ оптинцевъ и вдохновили духовнымъ образомъ Оптиной пустыни, надъ восстановленіемъ которой трудимся».

Но мнѣ не знаешь, что вымолили появленіе оптинской литературы, которой ни въ Россіи, ни за границей почти не существовало, О. Владимиръ. Не дожилъ онъ до этихъ, и къ нему относящихся словъ, но въ мнѣ иномъ онъ уже давно ликуетъ со всеми своимъ возлюбленными старцами. И по своей любви къ оптинскимъ старцамъ испытывалъ онъ отъ нихъ чудо, когда изъ Австраліи пришло неожиданное письмо съ вложенной маленькой иконкой съ автографомъ самаго Старца Нектарія, какъ бы изъ его рукъ. Для О. Владимира это была большая милость Божія, такъ какъ иконка появилась въ моментъ искушений. Такимъ образомъ отблагодарили его оптинские старцы.

Черезъ руки О. Владимира приходили въ монастырь рѣдкія книги, которыя Господь посылалъ, дабы ихъ переиздать. Такъ была найдена рѣдчайшая биографія Старца Гавриила Казанскаго, ученика оптинскихъ старцевъ, «*Единъ отъ древнихъ*», которую смогли издать, не давъ ей безслѣдно исчезнуть. И эта его любовь къ книгамъ была заразительна. Люди заражались его «страстью» пріобрѣтенія духовнаго мировоззрѣнія, что въ наше время большая рѣдкость. Онъ оказывалъ огромное влияние на молодыхъ людей и они становились семинаристами, будущими пастырями, ибо не такъ-то легко въ наше время быть священникомъ въ обществѣ, которое сознательно отступаетъ отъ христіанства. Изъ всѣхъ семинаристовъ, можетъ

О. Владимиръ на фонѣ монастырскаго храма.

О. Нектарій

Какъ духовную благодарность за труды О. Владимира Господь послалъ ему вознагражденіе отъ Оптинскихъ старцевъ — собственноручную подпись Старца Нектарія.

Джорданвилль вѣсной.

На рисунокъ О. Кипріяна превосходно передано настроеніе, какимъ монастырь былъ въ 50-е годы.

быть, только 10 процентовъ становились священниками, суета житейская засасывала. Но тѣ, кто держался О. Владиміра, сознательно вступали въ борьбу. Такимъ образомъ цѣлая плеяда молодыхъ семинаристовъ, благодаря О. Владиміру, стали выдающимися пастырями и охранителями стада Христова. Нѣкоторые изъ его преданныхъ друзей стали даже епископами и основателями монастырей. Ключомъ къ сохраненію духовной жизни у него было — постоянное чтеніе духовныхъ книгъ, ознакомленіе съ новыми и разпространеніе ихъ. Онъ былъ чѣмъ-то вроде «книгоноши» среди своихъ учениковъ.

Надо сказать несколько словъ о томъ, что О. Владиміръ горячо почиталъ Вл. Иоанна Шанхайскаго. Лѣтомъ 1966 г. онъ получилъ благословеніе и пріѣхалъ къ нему на мѣснцъ. Здѣсь онъ могъ сослужить съ Владыкой Иоанномъ. На престольный праздникъ онъ служилъ у насъ въ Серафимовскомъ храмѣ, когда намъ сообщили, что только что въ Сіэтлѣ скончался Владыка Иоаннъ. Нашему горю не было границъ. Онъ участвовалъ въ торжественномъ богослуженіи при отпѣваніи святого Иоанна и былъ свидѣтелемъ его первыхъ посмертныхъ чудесъ.

10. ПРЕП. ГЕРМАНЪ

Еще во времена Старца Филимона, О. Владиміру стало извѣстно, что гонимые, изъ-за неспрїятія новаго стїля, монахи съ Валаама ожидали на Новомъ Валаамѣ — островѣ Еловомъ что на Аляскѣ. Тамъ проживалъ русскій инокъ пустынникъ О. Герасимъ (Шмальцъ). Его святымъ подвигомъ было хранить могилу Старца Германа. Такъ и не дождавшись прїѣзда гонимыхъ валаамцевъ на Аляску, О. Герасимъ, отправилъ О. Владиміру, какъ келейнику валаамскаго старца О. Филимона, частіицу мощей Прп. Германа, одинъ зубикъ, который О. Владиміръ хранилъ.

Когда же въ 1970 году поднялся вопросъ о прославленіи Старца Германа Русскою Церковью въ Санъ-Франциско, то О. Владиміръ хотѣлъ привезти

хотя бы часть этого зубика, дабы были мощи для прославленія, т.к. Американская Митрополія на Аляскѣ, где были мощи преподобнаго Германа не признавая Зарубежную Церковь, запрешала имѣть съ ней общеніе. Владыка Аверкій благословилъ О. Владиміра лично привезти мощи преподобнаго въ тотъ храмъ, подъ которымъ почиталъ Владыка Иоаннъ, большой почитатель Аляскинскаго Германа. И О. Владиміра довелось снова побывать у гробницы Владыки Иоанна, что вместе с канонизаціей, въ которой онъ принималъ участіе, было для него большой радостью.

Но приходило время и его ухода. Къ этому времени у меня уже была своя пустыня, и О. Владиміръ пріѣзжалъ туда освѣтить землю.

Его часто мучали головныя боли. При обследованіи обнаружили, что причина ихъ ракъ головного мозга. Другъ его юности, докторъ Олегъ Селаври, хирургъ по специальности, взялъ его къ себѣ во Флориду, гдѣ онъ поправился послѣ операціи. Потомъ потребовалась другая.

Я прїлеталъ съ нимъ прощаться. Онъ меня встрѣчалъ, какъ всегда живой и радостный, Потушить въ немъ эту радость жизни было невозможно. И въ такомъ же добромъ расположеніи духа предать онъ свою душу Господу на рукахъ своего духовнаго сына, ученика Владыки Иоанна, Геромонаха Ефрема.

Когда привезли О. Владиміра въ Свято-Троицкій монастырь, которому онъ служилъ всю свою жизнь, его обступили со всѣхъ сторонъ почитатели. О. Владиміръ былъ похороненъ за алтаремъ собора, межъ своихъ собратій заиорданскій вѣси. На его могилѣ часто совершаются панихиды и бывають явленія его духовной помощи изъ потусторонняго міра.

Интересно отмѣтить, что кончина О. Владиміра послѣдовала въ исторически знаменательный 1988 годъ тысячелѣтїя Крещенія Руси, совершеннаго его патрономъ, Св. Благовѣрнымъ Княземъ Владиміромъ, и въ день памяти его любимаго Оптинскаго Старца Антонія.

Игуменъ Германъ.

ЗАПИСКИ О ПАЛОМНИЧЕСТВѢ НА ЕЛОВЫЙ къ Прп. Герману Аляскинскому

Успенскимъ постомъ въ Августъ 2010

СОБИРАЛАСЬ на Аляску ажъ пятнадцать лѣтъ, а собралась и выѣхала за два дня, включая покупку авиабилетовъ и рюкзака (это чтобы пройти по Еловому къ святымъ мѣстамъ безъ посторонней помощи). Попросила благословія у О. Михаила, нашего

1. ГРОЗА, ИЛИ О ПОЛЬЗѢ МОЛЕБНОВЪ ЗА ПУТЕШЕСТВУЮЩИХЪ

священника, который пришелъ въ совершенное восхищеніе, узнавъ, что я їду въ паломничество къ Прп. Герману и тутъ же отслужилъ полный молебенъ въ дорогу отъ противныхъ духовъ воздушныхъ. Если бы я знала, какъ мнѣ это поможетъ! Искушенія не заставили себя ждать. Первая пересадка у меня была

Виды изъ мѣстностей Монашескаго залива. Какъ удивительно похоже на Валаамы!

Смотри снимокъ справа.

Валаамъ. Скитъ Св. Иоанна Предтечи на Предтеченскомъ островѣ въ 4-хъ верстахъ отъ обители. Изъ альбома Балашова "Изъ мѣстностей О. Валаама".

въ Фениксѣ (sic!) Приземлиться мы не могли полтора часа, кружили надъ аэропортомъ въ страшную грозу съ громами и молніями. Въ самолетъ всё притихли. Стояла темнота и невѣроятная тишина, особенно подчеркнутая неистовымъ штормомъ снаружи. Казалось, всё уфривали въ Бога въ этомъ самолетѣ и чувствовалась невыраженная въ словахъ общая молитва пассажировъ. Всё мои пересадки уже были пропущены, а мы все еще не получили добро на посадку. Мой соседъ оказался мѣстнымъ изъ Феникса и посоветовалъ все равно идти на посадку, хотя мой самолетъ на Анкориджъ долженъ былъ улѣтъь часъ назадъ. Однако, молитва была сильнѣе обстоятельствъ — мой самолетъ ждалъ меня и другихъ задержавшихся пассажировъ 2 часа, такъ что слѣдующая пересадка въ Анкориджъ сократилась съ пяти до двухъ часовъ. Маленькій самолетъ мѣстной аляскинской авиакомпаніи подбросилъ насъ на Кодьякъ за часъ съ небольшимъ. И вотъ наконецъ я на вожденной Аляске! День выдался яркій и солнечный, все вокругъ было какимъ-то невѣроятно свѣже-зеленымъ. И вся эта мощь и великолѣпіе Аляски охватили все мои чувства и я захохоталась отъ восторга и какого-то совершенно особеннаго аляскинскаго кислорода!

2. АКАДЕМИЯ СВТ. ИННОКЕНТІЯ, ИЛИ ПОПРОСТУ ПРИНТЬ FOR TROUBLED YOUTH*

Сразу по прибытіи въ Кодьякъ-сити паломникъ попадаетъ въ гостепріимные объятія Свято-Инно-

кентіевской Академіи, сотрудники которой помимо своей непосредственной заботы о юношахъ съ трудной судьбой взяли на себя хлопоты о паломникахъ по святымъ мѣстамъ когда-то православной Русской Аляски. Ректоръ и главный душепопечитель Академіи, священникъ О. Паисій. Вдохновленный идеями Игумена Германа о возрожденіи монашеской и православной жизни на Аляскѣ, онъ прибылъ на островъ Кодьякъ со своей семьей и единомышленниками изъ православной общины въ г. Санта-Роза, Калифорнія. За 12 лѣтъ эти люди создали уникальную православную среду въ Кодьякѣ, основавъ Академію, или попросту школу-приютъ для подростковъ, которые поступали въ эту школу, не слѣвая послѣдняго необратимаго шага. Эти мальчики изъ неблагополучныхъ семей попадали къ нимъ буквально со скамьи подсудимыхъ — имъ давался рѣдкій шансъ между православной школой и тюрьмой. Вотъ такой необыкновенный въ наши времена подвигъ спасенія юнхъ душъ отъ погибели несутъ эти люди. И для этого требуется больше, чѣмъ чистота и твердое намѣреніе... Добавлю, что школа эта, разумеется, не получаетъ государственныхъ дотаций, а живетъ на добровольныхъ пожертвованія и на собственными трудами сотрудниковъ и учениковъ заработанные средства. Небогато, но такъ искренно и вдохновенно. Учителями и воспитателями приходятъ работать молодые американцы, повѣрившіе въ необходимость и благородство замысла основателей. У нихъ есть своя церковь, потолокъ которой какъ звѣздочки украшаютъ елочные гирлянды, съ простыми бумажными иконами и незамысловатой собственной

* Приютъ для трудныхъ подростковъ.

производства церковной утварью и одеждами. Но надо слышать, как поют эти подростки церковную службу, надо видѣть ихъ вдохновенные лица, чтобы понять, что эта школа — не просто колледж для нихъ, это ихъ семья, въ ней — ихъ надежда и вѣра въ человеческое добро и Божью милость. Будучи когда-то каждый самъ за себя со своимъ горемъ, они поняли здѣсь, что нельзя быть независимымъ въ несчастьяхъ, и что счастье только тогда по-настоящему счастье, когда оно раздѣленное. Они здѣсь въ

мѣстамъ Америки, весьма скромно, на собственномъ автобусѣ, водителемъ котораго становится на каникулахъ самъ директоръ О. Паисій.

3. МИЛОСТИ ПРП. ГЕРМАНА АЛЯСКИНСКАГО

Ничего не случается на Аляскѣ, все происходитъ по благословенію Прп. Германа Аляскинскаго. Въ это мѣстные жители свято вѣрятъ. Вообще здѣсь очень развиты эти горизонтальныя связи въ устройствѣ міра. На Преображеніе

Видъ на Кодьякъ сити съ вершины горы Колонна.

Настоятель Воскресенской церкви въ Кодьякъ, Отецъ Иннокентій съ дочерью.

соборномъ своемъ существованіи стали личностями, отъ слова **лицо**, которое должно быть обращено къ другому лицу, и къ лику Божьему.

Объ ихъ жизни вмѣстѣ они пишутъ въ собственный журнальчикъ подъ названіемъ «Орель» въ память о прирученномъ святымъ Владыкой Иннокентіемъ орломъ, котораго онъ кормилъ съ рукъ. Владыка Иннокентій — знаменитый просвітитель Аляски и покровитель Академій. Все лѣто подростки вмѣстѣ съ воспитателями путешествуютъ по святымъ

Иконостасъ Воскресенской церкви въ Кодьякъ.

Семья Мэй, дьяконица Мэри съ супругомъ и дѣтьми.

опыта. Я насчитала 25 человекъ въ церкви, изъ нихъ 17 алеутовъ и всего 8 насъ остальныхъ вмѣстѣ со священниками. Такова статистика на Аляскѣ. При этомъ во многихъ храмахъ Аляски алеуты помнятъ

Рака съ мошами Прп. Германа въ Воскресенской церкви. Подъ стекляннмъ колпакомъ клубокъ святого, слыва видны его вериги.

Прп. Германъ оставилъ меня въ Кодьякъ. Здѣсь въ Воскресенскомъ соборѣ почитаются съ нѣкоторого времени его святые моши. Всенощное бдѣніе на Преображеніе Господне... Я не припомню такого «убогого» во всей своей жизни, правда это съ учетомъ русскаго и въ частности Валаамскаго опыта. Я насчитала 25 человекъ въ церкви, изъ нихъ 17 алеутовъ и всего 8 насъ остальныхъ вмѣстѣ со священниками. Такова статистика на Аляскѣ. При этомъ во многихъ храмахъ Аляски алеуты помнятъ

службу на русском языке, и Аляскинская епархия — единственная во всей Автокефальной Американской Церкви, которая сохранила старый юлианский календарь. Да, не было здесь византийской пышности и торжества, но чувствовалось почти живое присутствие смиреннейшего из русских святых Прп. Германа, простого монаха-миссионера с Валаама, благодаря которому теплилась лампада Православия на Аляске. Время стало неопределимым, проступила вѣчность. Вотъ здѣсь онъ, Преподобный Германъ празднуетъ дорогой его валаамскому сердцу праздникъ Преображенія, здѣсь собрались его вѣрные алеуты. Они такъ трогательно молитвенны и благочестивы, женщины со спеціально для церкви сдѣланными кружевными накидками на головахъ, украшенными бисеромъ въ формѣ креста, дѣти притихшіе и сосредоточенные. Много студентовъ-алеутовъ изъ мѣстной семинаріи — хотятъ быть священниками!

на землю Аляски и Америки. О чемъ говорятъ намъ эти русскіе святые?

4. «Я — НИЖАЙШІЙ СЛУГА ЗДѢШНИХЪ НАРОДОВЪ И НЯНЬКА»

Прп. Германъ происходилъ изъ купеческой семьи, мірское его имя въ точности неизвѣстно. Уже въ 12 лѣтъ онъ принялъ послушаніе въ Саровской пустыни. Черезъ пять лѣтъ, желая большего уединенія, преподобный Германъ отправился на Валаамъ, гдѣ послѣ различныхъ послушаній устроился на постоянное жителство въ лѣсной пустыни въ полтора верстахъ отъ обители. Тамъ, на Валаамѣ, духовнымъ руководителемъ и наставникомъ будущаго миссионера сталъ Игуменъ Назарій, саровскій старецъ, установившій на Валаамѣ уставъ Саровской пустыни.

Святитель Иннокентій
(Веніаміновъ), митрополитъ
Московский и Коломенскій.

Хоръ учащихся въ академическомъ храмѣ въ
честь свят. Иннокентія (Веніамінова).

О. Паисій съ семьей на фонѣ
знаменитаго паломническаго
автобуса.

Хорошо, слаженно пѣлъ хоръ. Была во всемъ этомъ красота Русскаго Православія, его теплота и простота, но и торжественность таинства изливающейся здѣсь любви Божіей.

Святость Прп. Германа особая, но, впрочемъ, характерная для Русской культуры. Не было въ русской святости ничего героическаго или театрально-самодовольнаго. Первые русскіе святые были страстотерпцы, отъ словъ страсти — то, что предостерегаетъ, нѣчто пассивное, и терпѣніе — тоже пассивность. Не говоря уже о типично русскихъ святыхъ — юродивыхъ, когда ликъ Христа открывается не въ царственномъ, а въ униженномъ видѣ. Но онъ сияетъ ярче, чѣмъ когда бы то ни было въ исторіи. Г. П. Федотовъ опредѣляетъ этотъ господствующій типъ русской святости какъ церковный эвангелизмъ. Таковъ былъ и Прп. Германъ, и всѣ они, Валаамскіе простецы, принесли Евангеліе Христово

1793 году, Прп. Германъ, среди другихъ иноковъ монастыря, вошелъ въ Кодьякскую духовную миссію, созданную для проповѣди Евангелія среди «дикихъ» языческихъ народовъ Аляски и прилегающихъ острововъ. Прп. Германъ стойко несъ послушаніе въ тяжѣлыхъ условіяхъ миссіи, и въ 1807 году былъ назначенъ ея главой. «Я — нижайшій слуга здѣшнихъ народовъ и ихъ нянька», — говорилъ о своемъ служеніи Преподобный Германъ.

Черезъ нѣкоторое время Германъ Аляскинскій переселяется на ближайшій къ миссіи островъ Еловый, который называлъ Новымъ Валаамомъ. Послѣ многихъ трудовъ именно здѣсь онъ и обрелъ успокоеніе, предсказавъ время своей кончины, 15-го Ноября 1836 г. 13-го Декабря онъ былъ погребенъ.

Преподобный Германъ Аляскинскій весьма распространялъ православную вѣру въ Русской Америкѣ, покрестился десятки тысячъ мѣстныхъ жителей. Онъ приводилъ алеутовъ къ вѣрѣ любовью,

Черезъ 15 лѣтъ житель-

ства на островѣ Валаамъ, въ

состраданием и прощением. Его Богъ не былъ Богомъ насилья. И даже на иконахъ онъ изображенъ съ доброй тихой улыбкой на устахъ.

Онъ велъ жизнь полную самоотрѣченія, пренебрегая всѣми удобствами. Современники вспоминали о его поразительномъ умѣ и ясности мысли, быстротѣ и отчетливости суждений. Въ частности, съ благоговѣниемъ о бесѣдахъ со старцемъ вспоминалъ правитель Русско-американской кампании Семенъ Ивановичъ Яновскій, обращенный Прп. Германомъ въ Православіе изъ деистическихъ идей того времени. Въ его воспоминаніяхъ описана одна изъ бесѣдъ Преп. Германа о любви къ Богу.

«А любите ли вы Бога?» — спросилъ тогда Старецъ. Всѣ отвѣчали: «Конечно, мы любимъ Бога. Какъ не любить Бога?» — «А я, грѣшный, болѣе

Аляскинскіе грибы.

сорока лѣтъ стараюсь любить Бога и не могу сказать, что совершенно люблю Его», — возразилъ имъ Отецъ Германъ, и сталъ рассказывать, какъ должно любить Бога.

«Если мы любимъ кого, — говорилъ онъ, — мы всегда поминаемъ того, стараемся угодить тому, день и ночь наше сердце занято тѣмъ предметомъ. Такъ ли же вы, господа, любите Бога? Часто ли обращаетесь къ Нему, всегда ли помните Его, всегда ли молитесь Ему и исполняете Его святая заповѣди?» — Должны были признаться, что нѣтъ!

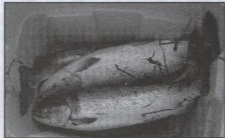
«Для нашего блага, для нашего счастья, — заключилъ Старецъ, — по крайней мѣрѣ дадимъ себѣ обѣтъ, что съ сего дня, отъ сего часа, отъ сей минуты, мы будемъ стараться любить Бога уже выше всего и исполнять Его святую волю!»

Могила Германа Аляскинскаго на островѣ Еловый быстро сдѣлалась мѣстомъ почитанія и паломничества. Закрѣпляя многолѣтнюю традицію, въ мартѣ 1969 года Соборъ епископовъ Русской Православной Церкви въ Америкѣ причислилъ его къ лику святыхъ. 9-го Августа 1970 года состоялось открытіе мощей и прославление Преподобнаго Германа. Вслѣдъ за этимъ Священный Синодъ Русской Православной Церкви своимъ опредѣленіемъ от 1-го Декабря 1970 года внесъ въ мѣсяцесловъ Русской Церкви имя Преподобнаго Германа Аляскинскаго, «всѣя Америки Чудотворца».

Въ основѣ святости Прп. Германа — тайна смиренія, полное отвлечение отъ самого себя, сверхчеловѣческое христіанское совершенство.

О. Андриѣй закладываетъ раздѣланный для копченія лосось въ копильню.

Серебристый лосось, уловленный на Еловомъ островѣ.

Паффинъ (тупейикъ) на Ниловомъ островѣ.

Мать Нина раздѣлываетъ лосося.

5. АКАОИСТЪ ПРП. GERMANU

Saint Herman smiles on me... Таково аляскинское опредѣленіе высшей степени благопріятствованія паломнику. Штормовой вѣтеръ перваго дня моего прибытія въ Кодьякъ смѣнился полнымъ штилемъ. Яркое голубое небо и солнечное сіяніе на Аляскѣ, которую я представляла себѣ не иначе

какъ страной тумановъ, штормовъ и горизонтальныхъ дождей, и правда было просто чудомъ Прп. Германа. Сіяло море, отражая солнечное сіяніе. Сіяли лица свидѣтелей Христова Преображенія, покидавшихъ церковь съ окончаніемъ Литургій. Выбѣжалъ изъ алтаря сіяющей бѣлыми одѣждами О. Иннокентій, настоятель храма. По моей просьбѣ

* Если дословно, то: "Преп. Германъ улыбается мнѣ".

путешествующаго онъ отслужить молебенъ перель ракой Прп. Германа Алякинскаго, невзирая на усталость послѣ продолжительной праздничной службы, подарилъ мнѣ нѣсколько флакончиковъ съ масломъ изъ лампады передъ ракой. И вообще ко мнѣ отнеслись необыкновенно милостиво, завели цѣлый синодикъ съ именами моихъ близкихъ и родныхъ и завѣрили, что будутъ молиться за нихъ сорокъ литургій Прп. Германа.

Потомъ была трапеза, и даже второй обѣдъ, отъ котораго тоже нельзя было отказаться, разумѣется, со всеми алякинскими рыбными утѣшениями. Потомъ выяснилось, что въ этотъ праздничный день будетъ

валаамская благодать — Праздникъ Преображенія съ Акаѳистомъ Преп. Герману Валаамскому.

Въ церкви налетѣла на меня старая знакомая Мэри, когда-то воспитанница Православнаго Лицея въ Пансіевскомъ Аббатствѣ, а теперь мать Дякониссы, и супругъ такой славный и, между прочимъ, правая рука и надежный помощникъ О. Паисія въ Иннокентіевской Академіи, и все ея чада, трое уже, такіе медвѣжата алякинскіе. Видно какое-то особое благословеніе было на этомъ семейномъ союзѣ. Очень я за нее порадовалась.

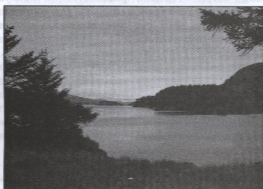
Монахи Андрѣй и Мартирій помогаютъ сестрамъ скита заготовить рыбу на зиму.

Мэри вызвалась проводить меня до причала, гдѣ насъ ожидалъ монашескій ботикъ

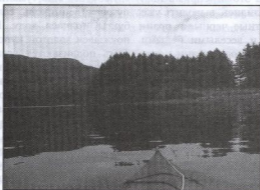

Часовня въ скиту на Ниловомъ островѣ.

отслуженъ Акаѳистъ Преп. Герману у его мошей, какъ это и бываетъ каждый четвергъ въ Воскресенскомъ соборѣ. Но у меня-то этотъ четвергъ съ Акаѳистомъ былъ единственнымъ и неповторимымъ. Собрались всѣ почитатели Преподобнаго на Колякъ, прѣехали воспитанники О. Паисія, церковь была торжественно полна людьми и звуками пѣснопѣній. Повѣрите ли, пѣли всѣ присутствующіе и многое они знали by heart, то бишь по-русски наизусть. И такъ слаженно и созвучно, какъ будто были однимъ хоромъ, и была въ этомъ особенная

Видъ на проливъ изъ окна паломнической гостиницы. Скитъ Прп. Нила Сорскаго.

Снимокъ съ каяка на бухту Нилова острова.

Игуменская келья на скалѣ Нилова острова, гдѣ живетъ М. Нина. Снимокъ съ каяка.

«Архангелъ». Ботикъ ожидалъ, но капитана пришлось ждать еще съ часъ-полтора. Сидя на причалѣ и вспоминая подробности нашей прежней калифорнійской жизни, мы замѣтили, какъ на причалѣ выбралась изъ воды семейка выдръ, мама-ша съ двумя подростками, которые рѣзвились буквально въ трехъ-четыре-хъ шагахъ отъ насъ, ничуть не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ и восторженными комментаріями. Я — за камеру, а имъ все непочемъ, казалось, даже рады были попозировать. На рѣдкость комичные лохматые физиономіи! Говорятъ, что даже на

Аляскъ это большая удача увидѣть ихъ такъ близко, да еще на причалѣ, почти что городскомъ бульварѣ.

6. ВЪ ГОСТЯХЪ У ПП. НИЛА

Наконецъ явился О. Мартирій и мы отправились въ путь. То и дѣло проходили мимо рыбацкіе суда, суденышки, лодки. Слышались радостные приветствія вышедшихъ въ морѣ рыбаковъ, моряковъ, путешественниковъ. Тутъ вся жизнь связана съ моремъ и потому всѣ на морѣ въ погожіи день. И мы тоже... Идемъ на Ниловъ островъ въ гости къ монахинямъ. Островъ до того, какъ стать монашескимъ, носилъ имя Эдварда Нельсона, американскаго натуралиста и этнолога, изслѣдовавшаго природу, въ частности птицъ Аляска въ 70–80-хъ годахъ 19-го вѣка. Монахи переименовали островъ въ Ниловъ и основали пустыню въ подражаніе Нило-Сорской со Срѣтнскимъ скитомъ. Срѣтеніе было любимымъ праздникомъ Прп. Германа Аляскайскаго Золотыми куполами Аляскаинскій монастырь не съяетъ, храмъ построены въ лѣсу для защиты отъ сильныхъ вѣтровъ, скорѣе напоминаютъ Валаамскіе потаенные закрытые скиты. Еще есть трапезная, которую можно узнать по солнечнымъ батареямъ на крышѣ, гостиница подъ названіемъ Шамордино, бывшій приютъ рыбаковъ, значительно перестроенный и благоустроенный, и двѣ монашескія удаленныхъ келліи. Вотъ и весь монастырь. Обойти островъ можно за часъ быстрымъ шагомъ, что я и дѣлала почти ежеднѣвно, когда нигуда не выѣзжали. Собирала грибы. Скронные бархатные шляпки, но ничего, ѣсть можно, особенно постомъ. Тропинка вокругъ острова идетъ почти все время по краю отвѣсныхъ обрывовъ, гдѣ гнѣздится множество птицъ. Есть среди нихъ уникальныя аляскаинскіе паффіны. Они прилѣтаютъ на этотъ непримѣтный островъ, туда, гдѣ они сами родились, выводить уже своихъ птенцовъ. Очень эффектные, черные съ оранжевыми клювами и лапами, и веселыми бѣлыми чубчиками. Ихъ все еще было много въ дни моего пребыванія. Можно было, незаметно устроившись, долго наблюдать за ихъ светлыми родительскими хлопотами. Особенно красиво съ моря, съ каяка! Есть и такое монашеское утѣшеніе въ Ниловой пустыни. Мы повезло, погода была идеальная. И я рѣшилась обойти островъ на каякѣ. Волненія не было вообще никакого, вода зеркаломъ отражала островъ. Было сразу два острова, одинъ надъ водой и второй мистическій, какъ бы подъ водой, какъ въ легендѣ о градѣ Китежѣ. Очень впечатлѣтельны необыкновенной прозрачности вода, которая просматривается на нѣсколько метровъ въ глубину, гдѣ видны танущіе цвѣтныя медузы невѣроятныхъ размѣровъ и волнующіеся въ тихомъ подводномъ движеніи водоросли. И все это въ тихомъ вечернемъ мягкомъ свѣтѣ.

Наконецъ, лодка ткнулась въ черный вулканическій песокъ нашей бухты. Когда-то валаамскіе монахи поставили такой же съ острова Валаамъ Канцелярію Императорскаго двора. Теперь нѣтъ нужды, нѣтъ ни Высочайшихъ бумагъ, ни гусяныхъ перьевъ для ихъ составленія.

Погуляя еще немного съ монастырскимъ котикомъ послѣ вечерней службы въ бухтѣ, солнце заходитъ, пора идти спать, завтра на службу въ 4.30 утра. Монахини встаютъ раньше по древнему валаамскому уставу, монашеское правило совершаютъ келейно и въ 4.30 собираются на общую церковную службу. Какъ хорошо поютъ въ скиту. Распѣвъ, прѣвѣла, греческій, но со звонкимъ высокимъ лидирующимъ женскимъ голосомъ такое пѣніе не скучно. И легко подпѣвать, если знаешь слова. Все еще темно, когда возвращаемся изъ церкви. Еще часъ можно поспать до завтрака. Послѣ трапезы все расхаживаетъ по послушаніямъ, иду и я собирать хворостъ для гостиницы. Хозяйство здѣсь небольшое: лѣсопилка шикарная электрическая, монахини сами распиливаютъ деревья на доски для строительства, огороδικъ, въ основномъ овощи въ сезонъ, утки покрываютъ въ загонѣ, перегаариваясь со своими дикими собратями, ягоды и грибы изъ лѣса, копилница для заготовленія рыбныхъ запасовъ на зиму — вотъ и все, но такъ заблотно все это налажено и присмотрено. Воду для питья привозятъ изъ источника Прп. Германа съ Елового острова.

Завтра назначена Литургія въ Михайловскомъ скиту на Еловомъ. Выѣхать надо рано, въ 5 утра. Туманъ скрываетъ съ глазъ все окружающіе острова, ничего не видно вокругъ нашего острова. Утромъ, когда монахи прѣѣхали забрать паломниковъ на службу, все еще туманилось, но это не помѣха для путешественниковъ, если вѣтра нѣтъ. До скита изъ бухты полчасъ ходу. Вотъ же среди деревьевъ показался золотой куполокъ Михайловскаго скита. Тамъ подвизаются всего два монаха. О. Андрей, священникъ и начальникъ скита, только что рукоположенный по окончаніи Тихоновскаго семинарія и нашъ знакомецъ О. Мартирій, — пустынники. Оба съ рыжими непослушными кудрявыми шевелюрами, стянутыми въ узелъ на затылкѣ, они какъ древніе ирландскіе монахи. Ихъ смиреніе — ихъ способъ быть въ настоящемъ. Въ этомъ обнаруживается ихъ инаковость, «иночество». Если вдуматься, любяе мірскіе чувства, страсти, отношенія могутъ быть погублены двусмысленностью. Кромѣ смиренія и нищеты. Дьяволъ можетъ побѣдить, перевернуть, использовать любой способъ борьбы съ нимъ, кромѣ смиренія и креста. Какъ преобращаютъ эти мальчишки съ тѣхъ поръ, какъ я знала ихъ десять лѣтъ назадъ. И въ Евангеліи сказано «Блаженны нище»... Это о нихъ, бѣдныхъ тѣломъ, духомъ, пространствомъ въ

своём странничестве и временемъ въ сиротствѣ, — во всемъ этомъ и проявляется та самая евангельская нищета...

Послѣ Литургіи и трапезы все еще туманилось и непогодилось, рѣшили отложить паломничество въ Монашескую бухту на другой день и отслужить тамъ въ Срѣтенской часовенкѣ еще одну литургію.

Оригинальная Срѣтенская часовня была сооружена самимъ Прп. Германомъ и не сохранилась. Нынѣшняя заново отстроена и расписана Игуменомъ Германомъ съ братіей.

Видъ на Свято-Михайловскій скитъ по дорогѣ съ пристани.

8. SPIRITUAL RETREAT* ВЪ МОНАШЕСКОЙ БУХТѢ

Вотъ мы и на Новомъ Валаамѣ. Проходимъ подъ аркой воротъ въ Срѣтенскую часовенку. Малюсенькая. Часовня-свѣча. Насъ всего семеро, а стоять тѣсно, ни поклониться, ни перекреститься. Стѣны и потолокъ расписаны фресками изъ жизни аляскинскихъ свя-

тыхъ, орнаменты изъ морскихъ барашковъ, киты съ фонтанчиками. Очень оригинально. Литургия отошла. Пыталась сдѣлать снимки съ фресокъ, но моя камера не справляется — очень мало свѣта. Идемъ хорошо протоптанной тропой по святымъ мѣстамъ, following yellow brick road**, шутятъ монахи, какъ герои сказки «Волшебникъ Изумруднаго города».

А дѣсь и вправду сказочный. Деревья съ сѣверной стороны заросли шапками мха, приплюснутые, еще не раздѣленные на стѣбли и листья вайи папоротниковъ какъ въ палеозойскихъ лѣсахъ, брызги гроз-

Монахи и паломники направляются съ острова Нила на воскресную литургію въ Михайловскій скитъ на монашеской лодкѣ "Архангель".

Рукоположеніе монаха Андрѣя во іереи. Состоялось на празднованіе Прп. Германа въ церкви Прп. Сергія и Германа Валаамскихъ.

О. Андрей съ паломниками послѣ литургіи въ библиотекѣ Михайловскаго скита.

Монахи-мореходы.

дѣвъ красныхъ ягодъ и огромные грибы, похожіе на русскіе грузди. Появляется среди вѣтвей скитъ Архим. Герасима (Шмалыца) съ часовней Калужской Божіей Матери. Здѣсь онъ прожилъ 30 лѣтъ. Прп. Германъ такъ говорилъ своимъ ученикамъ: «Хотя и много лѣтъ пройдетъ послѣ моей смерти, но меня не забудутъ, и мѣсто моего жительства не будетъ пусто: подобный мнѣ монахъ, убѣгающій славы человѣческой,

* Духовное уединеніе (та-же retreat можетъ быть — прибѣжище, пристанище, отдых).

** "По дорогѣ изъ желтого кирпича".

придетъ и будетъ жить на Еловомъ, — и Еловый не будетъ безъ людей!» Такъ на О. Герасимѣ исполнились его пророческіе слова. Онъ прибылъ на Новый Валаамъ изъ пустыни Тихона Калужскаго, въ которомъ принялъ схиму и прожилъ до кончины ученика Прп. Германа Аляксинскаго, Схимонаха Сергій Яновскій. Такимъ образомъ не прервалась духовная связь.

О. Герасимъ впервые посѣтилъ могилу Прп. Германа въ 1927 году и во время его молитвы къ святому въ воздухѣ распространилось чудное неземное благоуханіе, которое онъ принялъ за благословеніе и разрѣшеніе Прп. Германа поселиться на Еловомъ когда-нибудь. Черезъ 10

Моиимъ первымъ послушаніемъ по прибытіи въ Платину была работа съ письмами Архим. Герасима Братству Прп. Германа. Писемъ было очень много, ихъ надо было разобрать по хронологіи и напечатать для дальнейшей публикаціи. Я заливалась слезами надъ его письмами, вся Святая Русь съ ея чудными монастырями, православнымъ укладомъ жизни, милыми русскому сердцу бытомъ и языкомъ вдругъ представилась мнѣ изъ этихъ писемъ одинокаго аляксинскаго монаха и стала и моиимъ наследствомъ, и моею болью о Россіи.

Онъ оплакивалъ въ этихъ письмахъ современный міръ, который потерялъ свой смыслъ, оскуденіе міра

Внутренній видъ часовни Калужской иконы Божіей Матери. Все въ ней устроено заботливыми руками Архим. Герасима.

Остановились попить водички изъ источника Прп. Германа Аляксинскаго.

Видъ на монашескую келью О. Герасима.

Групповой портретъ на фонѣ одинокой монашеской кельи, гдѣ жить 30 лѣтъ О. Герасимъ (Шмальтъ)

лѣтъ такъ оно и произошло. Непонятый и гонимый кодьяскимъ духовенствомъ за слѣдованіе монашескимъ идеаламъ, онъ взмолился Прп. Герману и его посѣтило видѣніе. Святой Германъ предсталъ передъ нимъ, звонящимъ пасхальнымъ звономъ въ колокола, онъ приглашалъ О. Герасима все оставить и перѣхать на Еловый островъ, чтобы поддержать монашескую лампаду въ основанномъ имъ Новомъ Валаамѣ. Такъ онъ и поступилъ.

Панихиду на могилѣ О. Герасима служилъ О. Андрій.

достигло крайнихъ предѣловъ, границъ Голговы. Онъ живо ощущалъ эту истощенность, разоблаченность, обличенность міра. Боль отъ утраты міромъ любви для него была непереносимой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его письмо — свидѣтельство его непреклоннаго монашескаго стоянія въ Правдѣ Христовой — подвига безнадежности.

Послѣ случившагося въ 1964 году землетрясенія и цунами онъ простоялъ нѣсколько часовъ въ

ледяной водѣ, спасая мѣстных жителей. Это сильно разстроило его уже и безъ того некрѣпкое здоровье. На его могилѣ мы отслужили панихиду.

Я попросила благословенія О. Андрея остаться на островѣ въ одиночествѣ на spiritual retreat. Они оставили мнѣ запасъ хлѣба, воды и кофе и пообѣщали захватить за мной черезъ два дня. И вотъ я въ одиночествѣ на берегу Монашескаго залива. «А я от Гавани верста за десять, на особливомъ островкѣ, имя ему Новый Валаамъ, близко подлѣ меня самая маленькая рѣчка, въ ней лѣтомъ довольно бывать рыбы. Живу одинъ...» — писалъ Прп. Германъ.

Видъ на прилегающій островъ изъ Монашеской бухты Елового острова.

Фрески на стенах и куполѣ Срѣтенской часовни въ бухтѣ Елового острова выполнены Игуменомъ Германомъ и монахинями-иконописницами.

Вотъ та самая рѣчка, рыбы все еще много, хотя нестереть уже прошелъ. Плаваютъ стайками лососи, подпрыгивая въ воздухъ до полуметра. Мать Нина рассказала какъ-то за трапезой исторію одного благочестиваго паломника, который помолился, чтобы Господь послалъ ему рыбу, и вдругъ ко всѣобщему восторгу огромный лосось самъ выпрыгнулъ изъ рѣчки прямо къ его ногамъ.

Видъ съ воды на Монашескую бухту.

Она добавила для меня: «Сейчасъ, конечно, постъ, а Успенскимъ постомъ мы рыбу не употребляемъ, если ужъ выпрыгнуть къ твоимъ ногамъ, то считай, что у тебя есть мое благословеніе на вкушеніе рыбы». Представьте, что одинъ такі выпрыгнулъ на сухую гальку. Я стояла въ раздумье, какъ быть. Рыбина огромная — настоящей монастырь, хватить флочки на 13. Надо было только схватить ее за жабры и оглушить камнемъ, я наблюдала, какъ мѣстные, приплывшіе въ бухту рыбаки, это дѣлали. Но при одномъ этомъ воспоминаніи у меня пропасть аппетита, оставлять же ее такъ было нельзя. Такъ что пришлось еще и подтолкнуть ее нѣсколько разъ, чтобы она опять

Срѣтенская часовенка-свяѣна Она отстроена монахами на мѣстѣ несохранившейся оригинальной.

попала хотя бы на скользкіе мокрые береговые камни. При этомъ она такъ подскочила, что хлестнула бы меня хвостомъ по лицу, не успѣя я отскочить въ сторону. Такъ пришлось смириться и оставить мечту о рыбномъ обѣдѣ.

Послѣ вечерней молитвы въ церкви Андрѣвской башни, я отправилась навѣрхъ въ скитъ О. Герасима. Чудная келья! Съ собственнаго изготовления иконами-диаграммами Маріи Египетской и Прп.

Серафима Саровскаго — фигурки святыхъ на фоне аляскинскаго мха и ветокъ березы. Наперсный крестъ изъ цвѣтнаго бисера. Вышитые имъ самимъ церковные одежды. Тутъ же его подрясникъ, русская библиотека. Взяла почитать какого-то неизвѣстнаго мнѣ церковнаго писателя, рассказы изъ дореволюционной жизни русскаго духовенства. Хорошіе, съ теплымъ юморомъ и любовью. Только я углубилась въ чтение, какъ слышу громкіе стукы въ дверь и какое-то пыхтенье. Боже милостивый, что за искушеніе! Медвѣдей на Еловомъ вродѣ нѣтъ, одни только легенды ходятъ о какомъ-то единственномъ, якобы заблудившемся. Олени? Но что имъ въ человеческое желье биться? Я поставила на всякій случай стулъ, перегордивъ входъ. Замковъ и шеколды, натурально, нѣтъ. Жду, читаю Иисусову молитву, про рассказы забыла. Такъ продолжалось минутъ десять. Но дверь открытъ не пытались. Потому шумъ стихъ. Никакихъ удаляющихся шаговъ я не слышала, а увидѣть крыльцо изъ окна невозможно. Такъ до сихъ поръ я и не

прекращается, вотъ только молившаяся вышла на минутку, предоставили мнѣ помолиться. Послѣ молитвы Божіей Матери душа какъ-то очистилась, приблизилась къ Богу.

Къ вечеру обнаружилось, что мой телефонъ растратилъ всю свою энергію въ поискахъ ближайшей станціи. Я почувствовала себя какъ-то неуютно и рѣшила сходить туда-обратно въ Михайловскій скитъ зарядить телефонъ. Времени, казалось, еще довольно. Рѣшила проверить, хорошо ли обозначена дорога, и вернуться, если нѣтъ. Тропа показалась надежной, а болѣе того очень живописной. Она вела черезъ сказочный аляскинскій лѣсъ, къ альпійскимъ лугамъ, вбродъ черезъ мѣлкіе журчащіе ручьи въ оврагахъ, заросшихъ высокими кустами ягодниковъ. Ихъ здѣсь никто не собиралъ, такъ что я отвела душу. Опасение было только одно, что, не замѣтивъ другъ друга въ высокоомъ, выше головы ягодникъ, мы съ медвѣдемъ, тѣмъ самымъ легендарнымъ, можемъ потянуться за одной и той же

Праздничная трапеза въ день Успенія Божіей Матери на островѣ Нила Сорскаго.

вдохновенію. И сначала показалось, что онъ и не нуженъ. На улицѣ было довольно тепло. Но въ годами нетопленной кельѣ было довольно сыро. Часа черезъ два я проснулась отъ холода, не успѣвъ огорчиться по этому поводу, я осмотрѣлась вокругъ и вспомнила, что у Архим. Герасима въ гостяхъ и съ этой радостной мыслью блаженно уснула. Такъ всю ночь Господь и напоминалъ мнѣ, гдѣ я нахожусь! Проснувшись такъ въ очередной разъ, я обнаружила, что уже разсвѣло. Умылась на источникѣ Прп. Германа неподалеку отъ кельи и усталость какъ рукой сняло. На утреннюю молитву осталась въ скиту, въ часовнѣ Калужской Божіей Матери, прочитала въ завершеніе и Акаеишь Ея пресвятому образу. «Ангеловъ множество славитъ Тя, Царицу всѣхъ и Богородицу...» И, дѣйствительно, ощущение такое, что молитва въ храмѣ не

Часовня въ скиту на Ниловомъ островѣ. Копія Успенскаго Сорскаго скита.

знаю, кто же это былъ. Но страху нагнали.

Спальнаго мешка у меня съ собой не было, все вышло какъ-то по ягоду одновременно. Этого не случилось, но на время я потеряла свою помѣненную оранжевыми ленточками тропу, сбилась на красные. Ушло полчаса, пока до меня дошло, что я какъ-то неправильно иду, потомъ я искала перекрестокъ съ оранжевой тропой. Но Господь милостивъ, тропы нашлась, показались домики мѣстныхъ жителей въ бухтѣ и я успокоилась. До скита было недалеко, минутъ десять. Однако стало смеркаться и лѣсомъ возвращаться назадъ было уже нельзя. Пока будили монаховъ и спустились къ лодкѣ, стало темно. Вышла полная золотая луна больше похожая на солнце. Лодка скользила по лунной дорожкѣ по направлению къ Нилову острову въ литургической торжественности. Это былъ почти неземной пейзажъ.

О. Андрій вышель съ проповѣдью на Успеніе въ скитской часовнѣ.

10. УСПЕНІЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
Вотъ дожили и до Успенія. Божья Матерь, которая молчитъ въ Евангеліи, и умираетъ такъ же

молчаливо. Ея Успение — один из самых любимых и таинственных праздников.

...Настал третий час, когда должно было совершиться Успение Божией Матери. Пылало множество свѣчей. Святые апостолы съ пѣсно-

пѣніями окружали благолѣпно украшенный одръ, на которомъ возлежала Пречистая Дѣва Богородица. Она молилась въ ожиданіи Своего исхода и пришествія Своего возжеленнаго Сына и Господа. Внезапно облистала неизрѣченный Свѣтъ Божественной Славы, предъ Которымъ померкли пылавшія свѣчи. Видѣвшіе ужаснулись. Вѣрхъ помѣщенія какъ бы исчезъ въ лучахъ необъятнаго Свѣта, и со-

Еловый. Звонница церкви во имя Прпп. Сергія и Германа Валаамскихъ.

шелъ Самъ Царь Славы, Христосъ, окруженный множествомъ Ангеловъ, Архангеловъ и другихъ Небесныхъ Силъ съ праведными душами протцевъ и пророковъ, нѣкогда предвозвѣщавшихъ о Пресвятой Дѣвѣ.

Увидѣвъ Своего Сына, Божія Матеръ воскликнула: «Величить душа Моя Господа, и возрадовася духъ Мой о Бозѣ, Спасѣ Моємъ, яко призре на смиреніе рабы

Своея!» — и, поднявшись съ ложа для встрѣчи Господа, поклонилась Ему. Господь приглашалъ Ее въ обители Вѣчной Жизни. Безъ всякаго тѣлеснаго страданія, какъ бы въ пріятномъ снѣ, Пресвятая Дѣва предала душу въ руки Своего Сына и Бога...

Успение Богородицы естественное и простое, всего лишь еще одинъ шагъ къ вѣчной, истинной жизни. Такъ умираютъ деревья. Такъ умираетъ трава. «Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси, во успеніи міра не оставила еси, Богородице...» Успение сплетается съ Рождествомъ, Рождество съ Успеніемъ.

Литургію отслужили въ Ниловой пустыни. Было много гостей. Приѣхала и семья, похоронившая здѣсь

Монашеская бухта. Пытаемся наловить рыбы для пикника послѣ литургіи на третій Спасъ.

Благословеніе паломниковъ послѣ литургіи въ церкви Прпп. Сергія и Германа на Еловомъ.

Группа паломниковъ изъ Кодьяка сити прибыла на Еловый островъ одновременно съ нами. Мы объединились на пикникъ и сфотографировались на память.

Авторъ "is following yellow brick road" къ церкви Прпп. Сергія и Германа Валаамскихъ, построенной на мѣстѣ погребенія Прп. Германа Аляксинскаго. Его мощи перенесены въ Воскресенскій соборъ Кодьяка въ 1970 г.

въ прошломъ году младенца Софію, родившуюся на Успеніе и прожившую всего мѣсяцъ, въ ожиданіи своей скорой кончины. Она первая на скитскомъ кладбищѣ. Панихиду на ея могилѣ отслужили сразу послѣ литургіи. Какая короткая и таинственная

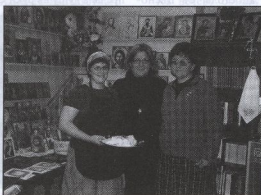
жизнь... Совершенно в дух праздника, не случайно ввѣдъ она и родилась на Успѣніе Богородицы.

11. ТРЕТИЙ СПАСЬ У ВАЛААМСКИХЪ ПРЕПОДОБНЫХЪ

Это будетъ уже пятая литургія за время моего пребывания на Аляскѣ. Въ церкви, сооруженной надъ могилой Прп. Германа Аляскинскаго. Мы отправились туда на воскресную службу въ такъ называемый третій Спась съ иконой Спаса Нерукотворнаго, написанной на старомъ Валаамѣ, которой былъ благословленъ Свято-Германовскій Мона-

южномъ берегу острова. Когда при Владыкѣ Алексіѣ въ 1939 году началась постройка монастыря на разстояніи около двухъ миль отъ Новаго Валаама на берегу небольшого безымяннаго озера, окруженнаго

глухимъ лѣсомъ, 15 человекъ жителей селенія Узеньскіи стали его строителями. Подрядчикомъ былъ патриархъ семьи Пестряковыхъ — Николай. Съ нимъ работали его сыновья: Пономаревъ, Котельниковы и другіе. Ихъ потомки еще и сейчасъ живутъ въ Узенькомъ и на Кодьякѣ и пекутся о пустыщемъ Новомъ Валаамѣ, о могилахъ Прп. Германа и о могилахъ О. Герасима (Шмальца). Онѣ вспоминаютъ, какъ вѣнчали

Въ книжномъ магазинѣ "Monk's Rock" съ гостеприимной Лючіей (спѣва).

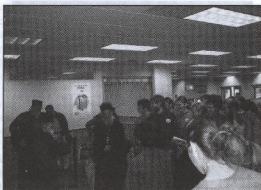
Русскій борщъ въ Царской комнатѣ для особыхъ гостей въ книжномъ магазинѣ. Спѣва отъ автора очерка русская паломница Дарья, справа Игуменя Нина.

На 75-лѣтнемъ юбилей у Николая Пестрякова въ его домѣ въ пос. Узенькомъ.

стерь въ Платинѣ. Какъ все сошлось! Послѣ Литургіи остались на пикникъ въ Монашеской Бухтѣ. На кострѣ жарился свѣже-выловленный лосось. Особымъ лакомствомъ былъ такъ же ягодный пирогъ.

Былъ гость изъ Узенькаго, небезызвѣстный Никъ Пестряковъ, который къ тому же оказался именникомъ. Ему исполнилось 75. Нѣскольکو поколѣній Пестряковыхъ жили на Еловомъ, ихъ именемъ и по сію пору именуется бухта на

Болгарскій епископъ прибылъ въ аэропортъ Кодьяка сити въ день моего отъѣзда. Вся Иннокентіевская Академія пришла на встрѣчу.

Юбиларъ съ супругой держитъ икону Прп. Германа, приподнесенную ему монахами въ подарокъ. Ихъ Архим. Герасимъ въ Рождественской церкви въ Узенькомъ, рассказывалъ исторію прибытія на Еловый Игумена Германа.

Лѣтомъ 1961 г. чтецъ Пѣтръ Подмошенскій, только что окончивъ семинарію при Свято-Троицкомъ монастырѣ въ Джорданвиллѣ, ректоромъ которой былъ тогда, нынѣ

покойный, Епископъ Аверкій, Братъ Глѣбъ рвался на Аляску посѣтить святое мѣсто, гдѣ когда-то подвизался Прп. Германъ. Владыка благословилъ его на задуманное имъ начинаніе.

Чтець Глѣбъ былъ встрѣченъ Отцомъ Герасимомъ, который много съ нимъ бесѣдовалъ. Читая книги, которыми снабжалъ его О. Герасимъ и молясь въ часовнѣ Прпп. Сергія и Германа, Валаамскихъ подвижниковъ, Глѣбъ нашелъ цѣль своей жизни — служить памяти Старца Германа. Отець Герасимъ, а по возвращеніи Глѣба въ Джорданвилль, также и Владыка Аверкій — оба благословили Глѣба написать икону Прп. Германа, хотя Старецъ еще не былъ прославленъ Церковью. Эта икона была помѣщена Свят. Иоанномъ Шанхайскимъ и Сан-Францисскимъ въ алтарь въ часовнѣ св. Тихона въ сиротскомъ домѣ, гдѣ служилъ Владыка. Владыка Иоаннъ также благословилъ Глѣба Подмошенскаго на создание Братства Прп. Германа.

Въ 1983 году семь братьевъ изъ этого монастыря прибыли на Еловый островъ и поселились въ сараѣ, такъ наз. діаконскомъ домѣ, построенномъ еще въ 1939. Къ сожалѣнію, Еп. Григорій (Авонскій, Православная Американская Церковь) не разрѣшилъ имъ тамъ жить. Тогда они переселились въ Pleasant Harbor, на южной сторонѣ Еловаго острова, гдѣ супружеская чета Эдвардъ и Анна Опгеймъ продали Братству, за весьма скромную цѣну, 5 акровъ. Тамъ братія построила въ 1983 году первое зданіе, которое теперь мѣстные называютъ «домомъ монаховъ». Такъ было положено основаніе Скита св. Архангела Михаила. Кетати, стоить упомянуть, что Эдвардъ Опгеймъ написалъ повѣсть о концѣ міра. Въ ней разсказывается о томъ, какъ малая группа людей, собравшихся у могилы Старца Германа смогла спастись отъ постигшей міръ катастрофы.*

Братія жили въ скиту до 1986 г., когда они уступили на время свою обитель монахинямъ. Въ 1990 году монахини, которая придерживаются пра-

На тримаранѣ голландскаго путешественника вокругъ свѣта Хенка де Вельде.

Духовная бесѣда съ морскимъ мистикомъ Хенкомъ де Вельде въ каютѣ его яхты во время его стоянки на пристани Колыакъ.

Хенкъ написалъ 10 книгъ о своихъ 7-ми кругосвѣтныхъ путешествіяхъ.

Братство было основано въ 1963 году чтецомъ Глѣбомъ и его соратникомъ, будущимъ Отцомъ Серафимомъ (Евгениемъ Роузомъ) въ Санъ-Франциско. Когда О. Герасимъ (Шмальцъ) узналъ объ этомъ, онъ послалъ Братству первое ими полученное пожертвованіе въ 25 долларовъ. Онъ также переслалъ Братству старинную мѣдную икону Богородицы, найденную имъ на берегу лагуны. О. Герасимъ считалъ, что эта икона когда-то принадлежала Прп. Германа. Когда въ 1969 году Братство основало монастырь въ Платинѣ, Калифорнія, эта икона, также какъ и икона, написанная въ 1962 году братомъ Глѣбомъ, были перевезены въ новую обитель. Въ 1970 году братъ Глѣбъ былъ постриженъ въ монахи съ именемъ Германа. Много лѣтъ спустя онъ сталъ Игуменомъ монастыря Прп. Германа въ Платинѣ.

Въ Валаамскаго монастыря, переселились на островъ Нельсона, гдѣ они основали Скитъ Прп. Нила, свой островъ они также назвали островомъ Прп. Нила. Въ этомъ же году братья вернулись въ Скитъ св. Архангела Михаила. Но мечта основать обитель на Новомъ Валаамѣ ихъ не оставляла.

Въ 1993 году одинъ изъ братьевъ поселился въ «Васькиномъ домѣ», бывшей банкѣ, которую онъ починилъ. У монаховъ наладилась очень хорошіе, близкіе отношенія съ алеутами изъ селенія Узенькій и съ руководителями мѣстной корпорации, которой принадлежитъ почти вся территория бывшаго Новаго Валаама, за исключеніемъ двухъ акровъ,

*См. Old Mike of Monk's Lagoon, 1981, New York etc. Vantage Press, Copyright Edward Opheim.

принадлежащих автокефальной Православной Церкви в Америкѣ. По устному соглашенію съ корпорацией, монахи изъ Скита и изъ монастыря Прп. Германа стали переселяться на Новый Валаамъ въ 1994 г.

Дружно и усердно братія принялись за починку еще сохранившихся старыхъ зданій и постройку новыхъ.

Въ 1995 году монахи, по разрѣшенію корпорации, построили часовенку-молельню во имя Србѣнія Господня приблизительно на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стояла часовня во время Прп. Германа и его послѣдователей, почти до конца XIX столѣтія. Вскорѣ на тропѣ, ведущей къ этой часовнѣ, одинъ изъ братьевъ построилъ ворота-арку, украшенную крестомъ.

Пять монаховъ поселилось на Новомъ Валаамѣ. Въ день Св. Троицы 1997 г. было заложено главное зданіе монастыря — Андрѣевская башня въ нѣсколько этажей. Ея золоченный куполь издалика встрѣчаетъ паломниковъ, подплывающихъ къ острову.

Монахи строили каждый для себя уединенныя полуземлянки-келліи «барбары», разбросанныя въ лѣсу Нового Валаама. Но недолго пришлось имъ жить на желанномъ мѣстѣ. 6 мая 1998 года, по наущенію декана мѣстной кодыякской семинаріи, добивавшаго юрисдикционныхъ разграниченій, который «разъяснилъ» алеутамъ селенія Узенькій, что монахи не принадлежатъ автокефальной Американской, предсѣдатель корпорации приказалъ монахамъ немедленно оставить Новый Валаамъ. Иноки вернулись въ Скитъ св. Архангела Михаила, при поддержкѣ доброжелательно настроенныхъ мирянъ. Благодаря четѣ Опгеймъ, территория скита расширилась и обитель разрослась. Среди мѣстныхъ кодыякскихъ жителей разныхъ исповѣданій, включая православныхъ, монахи и учебное заведеніе, основанное ими въ городѣ Кодьякъ для подростковъ, пользуются глубокимъ уваженіемъ. Но неоконченныя мона-

стырскія постройки и келліи на Новомъ Валаамѣ все еще пусты.

Николай Пестряковъ показывать мнѣ монашескія барабары въ лѣсу, вспоминая разные случаи изъ монашеской жизни на Новомъ Валаамѣ. И чувствовалось изъ его рассказовъ, рассказовъ мѣстнаго алеута, нѣсколько поколѣній семьи котораго жили на Еловомъ и помогали монахамъ, какъ и монахи помогали имъ, что это монашеское присутствіе на Еловомъ важно и необходимо здѣсь, что нужно поддерживать традиціи и продолжать дѣло, начатое Прп. Германомъ Аляскинскимъ. Это ихъ исторія, ихъ судьба, ихъ будущее.

12. САМЫЙ ПОСЛѢДНИЙ ДЕНЬ

Съ Нилова острова мы выѣхали такъ, чтобы успѣть попасть до закрытія въ книжный магазинъ на Кодьякъ подъ названіемъ «Monk's Rock». Онъ былъ основанъ Игум. Германомъ въ 90-хъ годахъ и до сихъ поръ успѣшно выполняетъ свою миссіонерскую роль. Онъ является одновременно и книжнымъ магазиномъ, и гостепріимнымъ кафе, а главное — православнымъ культурнымъ центромъ, гдѣ проводятся лекціи, выставки и музыкальные вечера. Онъ обслуживается православнымъ сестричествомъ, образованнымъ въ воспоминаніе и подражаніе устроенаго когда-то Прп. Германомъ подобнаго сестричества на Новомъ Валаамѣ.

Вотъ отрывки изъ одного письма Прп. Германа къ С. И. Яновскому отъ 20-го Іюня 1820 года:

«...Слава судьбамъ святымъ милостиваго Бога! Онъ непостижимымъ своимъ промысломъ показалъ мнѣ нынѣ новое явленіе, чего здѣсь на Кодьяке я, двадцать пять лѣтъ живши, не видать — нынѣ послѣ Пасхи одна молодая женщина, не болѣе двадцати лѣтъ, по-русски хорошо говорить умѣющая, прежде совсѣмъ меня не знавшая, и никогда не видѣвшая, пришла ко мнѣ и услышала о воплощеніи сына

До свиданія, Преподобный Германъ, до новой встрѣчи на Еловомъ.

Мать Серафима провожаетъ насъ изъ бухты Нилова острова.

Божия, и о вѣчной жизни, столько возгорѣла любовью ко Иисусу Христу, что никакъ не хочетъ отъ меня отойти. Но сильною просьбою убѣдила меня, противъ моей склонности и любви къ уединению, несмотря ни на какіе предлагаемые ей отъ меня препятствія и трудности, принять се.

И болѣе уже мѣсяца у меня жить и не скучаетъ, я съ великимъ удивленіемъ, смотря на нее, поминую Спасителею — «что утасно отъ премудрыхъ и разумныхъ, то открыто младенцамъ». А на нее глядя, есть уже и другие охотницы, но затѣмъ только дѣло, нѣтъ у меня силъ построить для нихъ какое-нибудь особое жилище...»*

Эту женщину звали Софья Власова, Ѳ. П. Врангель писалъ о ней: «Одна женщина, алеутка, жена промышленнаго русскаго, зашла однажды къ Герману въ хижину узнать отъ прѣхавшаго изъ Нушагака челоѵка о мужѣ своемъ, который былъ туда угнанъ. Она должна была услышать маленькую проповѣдь отъ Германа, по привычкѣ его никого не отпущать, не сказавъ нѣсколько словъ о религіи, и слово его крѣпко врѣзалось въ ея воображеніе. Она была распутнаго поведенія и въ первый разъ почувствовала угрызеніе совѣсти. Возвратившись домой, прежняя ея жизнь показала ей несносно, она вскорѣ опять пошла къ Герману и объявила рѣшительное намѣреніе остаться при немъ и спастись. Германъ былъ уже старъ (60 лѣтъ). Преодолевъ первый испугъ отъ сего нечаяннаго событія и помиривъ съ мыслію подь старость жить съ сей женщиной, онъ принялъ се, устроивъ для нее въ послѣдствіи особый домикъ на морскомъ берегу. Софья научилась читать и писать по-русски въ одинъ годъ. И говорила она хорошо по-русски. Къ сей-то женщинѣ, Софіи, пристали вскорѣ нѣсколько сиротъ — дѣвчушекъ изъ алеутокъ и креолокъ; и подъ руководствомъ Германа содѣлалась ихъ наставницей, расширяя огородство и пріучая ихъ къ трудолюбію. Въ 1831 г. я нашелъ огородство въ цвѣтущемъ состояніи, и дѣвчушки-сиротки по здоровому виду и открытыми веселыми чертами показывали, что они довольны своимъ состояніемъ...»**

*Валаамскіе миссіонеры въ Америкѣ въ концѣ XVIII столѣтія. СПб, 1900, сс.145-8.

** Ѳ. П. Врангель. Кадьякскій отдѣлъ, островъ Кадьякъ, «Русская Америка въ неопубликованныхъ запискахъ К. Т. Хлѣбникова», сост. Р. Г. Ляпунова и С. Г. Белорова. Л., 1979 г., стр. 244-5.

Икона Прп. Германа Аляскайскаго, написанная Иг. Германомъ къ прославленію.

Вотъ такія же дѣвицы съ веселыми открытыми чертами выбѣжали къ намъ навстрѣчу изъ книжнаго магазина, привели въ такъ называемые шарскіе покои, небольшою отдѣльной кабинетъ въ кафе для почетныхъ гостей. Стѣны украшены портретами и иконами Царственныхъ Мучениковъ, шкафы съ изданными о нихъ книгами, самоваръ, русскіе сувениры. Кормили русскимъ борщомъ и именнымъ пирогомъ (у одной изъ нихъ случился день рожденія и мы попали прямо съ корабля на балъ).

Такъ они работаютъ и живутъ вмѣстѣ христіанской семьей въ спеціально устроенномъ для нихъ домикѣ рядомъ съ Св.-Иннокентіевской Академіей. Тамъ посѣщаютъ службы и духовно окормляются О. Паисіемъ.

Послѣ радушнаго приѣма въ Monk's Rock Cafe поѣхали на причалъ. Въ Кодакъ стоялъ на причалѣ тримаранъ извѣстнаго морскаго путешественника вокругъ свѣта голландца Хенка де Велде, а самъ Хенкъ сидѣлъ на лавочкѣ на причалѣ. Онъ пригласилъ насъ на свою яхту и долго рассказывалъ о своихъ кругосвѣтныхъ путешествіяхъ (онъ обошелъ вокругъ свѣта 6 разъ, этотъ былъ уже седьмой), показывалъ изданныя имъ 10 книгъ о своихъ морскихъ приключеніяхъ, но особенно онъ гордился самой послѣдней. Тоненькая скромная книжка его духовныхъ размышленій въ плаваніи вокругъ свѣта. Она не принесла ему денежныхъ доходовъ, но стала гораздо большею — его духовнымъ сокровищемъ. Ему очень понравилась Иннокентіевская школа, онъ прочиталъ мальчишкамъ лекцію, и самъ получилъ ценный урокъ о Православіи. Въ дальнѣйшемъ у нихъ большіе совѣстные планы — повторить миссіонерскій путь русскихъ валаамскихъ монаховъ, съ Аляски до Валаама — ни больше ни меньше!

На обратномъ пути противные воздушные духи уже не имѣли никакихъ шансовъ на козни, вѣдь самолетъ, на которомъ я улетала съ Аляски, только что привезъ болгарскаго епископа, прибывшаго на Кодакъ съ визитомъ. Такъ, съ епископскимъ благословеніемъ, при общемъ стеченіи всѣхъ православныхъ Кодакякъ, еле вмѣщавшихся въ этотъ мини-аэропортъ, въ намоленномъ епископомъ и сопровождавшимъ его духовенствомъ самолетѣ, я покинула благословенную Богомъ и освященную миссіонерскими подвигами валаамскихъ монаховъ и ихъ послѣдователей Аляску.

До новой встрѣчи, Аляска!

Ольга Шкурова

СВЯТЫЙ ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ

ВАЛААМСКАЯ ПАТРОЛОГИЯ

ПОЛНЫЙ

В а л а а м с к і й П а т е р и к з

С х и м о н а х ъ І о а н н ѣ М о л ч а л ь н и к ѣ М и с т и к ѣ В а л а а м с к і й

Память Августа 7-го († 1894)

Важнѣйшіе свѣдѣнія о Схимонахѣ Іоаннѣ даны въ запискахъ о немъ настоятеля Валаамскаго монастыря , О. Игумена Гавріила, который, какъ увидимъ далѣе, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ съ О. Іоанномъ въ Предтеченскомъ скиту и имѣлъ участіе въ его подвигахъ въ юные годы своей жизни.

СХИМОНАХЪ ІОАННЪ, въ мѣрѣ Иларіонъ Родіоновъ, по происхожденію изъ крестьянъ Ярославской губерніи, Пошехонскаго уѣзда, Верещагинской волости, деревни Роголева. Родился въ 1810 году. Родственники его были раскольниками. Известно, что расколь имѣли весьма широкое распространеніе въ Ярославской губерніи вообще, а въ Пошехонскомъ уѣздѣ въ особенности. Известно и то, что раскольники, болѣею частью, народъ грамотный. Поэтому и Иларіонъ Родіоновъ отъ лѣтъ отрочества былъ не чуждъ книжнаго ученія. Темный расколь не удовлетворялъ чистымъ стремленіямъ души будничнаго подвижника: она рвалась къ истинѣ и свѣту. Въ пяти верстахъ отъ Пошехонья, на берегу рѣки Вѣтки, находится основанный по благословенію Митроп. Макарія въ 1543 году Адриановскій Пошехонскій монастырь, въ которомъ открыто почитаютъ мощи прп. Адриана Пошехонскаго. Въ годы юности Иларіона въ обители этой былъ нѣкоторый старецъ, отличавшійся подвижническою жизнью и мудростію духовною. Иларіонъ посѣщалъ эту обитель. Бесѣды старца благотворно подвѣствовали на живую и воспримчивую душу юноши, жаждавшую истины

1. ИЗЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ ВЪ МОНАХИ

и свѣта. Вскорѣ онъ разъ навсегда и окончательно отделился отъ тѣмы раскола и около четырехъ лѣтъ прожилъ въ Адриановскомъ монастырѣ. Но всевѣдущій Богъ направлялъ ищущаго спасенія души ношу туда, гдѣ ему суждено было свершить подвигъ иноческаго житія. Въ 1835 году, слѣдовательно 25-ти лѣтъ отъ роду, Иларіонъ прибылъ на Валаамъ, при игуменѣ Веніаминѣ. Ревнуя подвижнической жизни, онъ проходилъ дѣло святаго послушанія со всею усердіемъ. Но врагъ рода человѣческаго, дьяволъ, искони завидуя добрымъ предпріятіямъ благочестивыхъ подвижниковъ, восхотѣлъ сдѣлать препону и сему будущему подвижнику, воздвигъ свою древнюю злобу и навелъ на него великаго искушенія, о чемъ самъ О. Іоаннъ разсказывалъ впоследствии такъ.

2. ИСКУШЕНІЯ

«Въ первоначальное поступленіе мое на жителство въ число братства Валаамской обители, дьяволъ возсталъ на меня съ обычною своею адскою злобою и понутился вытѣщать меня опять на мірскую жизнь. Однажды, пребывающу мнѣ въ моей келліи, — тогда я былъ на послушаніи келейникомъ у

о. Намѣстника, — ночью дѣволъ вошелъ въ мою келлію чувственнымъ образомъ, въ видѣ сѣдова старика, схватилъ меня за ногу и потащилъ вонъ изъ келліи, приговаривая: «Выходи вонъ изъ монастыря!» При такомъ дерзкомъ его поступкѣ пришлось мнѣ скакать на одной ногѣ до дверей келліи, гдѣ сатана отпустилъ ногу, самъ исчезъ, а я, оправившись, сталъ на обѣ ноги и обратился молитвенно къ Богу. Послѣ такого видимаго дьявольскаго искушенія постигло меня невидимое искушеніе отъ того же врага: меня стали смущать мысли, чтобъ я возвратился опять въ міръ, обрисовывая мнѣ всю красоту мірской жизни. Въ это же время какими-то путями, при всей затруднительности сообщенія въ то время, добралась до Валаамъ моя родная сестра, которая тоже стала упрашивать меня убѣдительно, чтобъ я возвратился опять въ міръ. Такъ, Богу попускающу, мысленный врагъ всеми искушеніями, видимыми и невидимыми, со всехъ сторонъ окружилъ меня — я сталъ колебаться. При томъ разсуждалъ, что если жить въ монастырѣ, то прежде всего нужно достать увольненіе. Подъ этимъ какъ будто добрымъ предлогомъ я выпросился у О. Игумена Веніамина съѣздить домой — за увольненіемъ; О. Игуменъ отпустилъ, и я поѣхалъ. Врагу человечества это и нужно было — подъ какимъ бы то ни было предлогомъ исторгнуть меня изъ монастыря. Когда я возвратился въ міръ, тутъ обступили меня всѣ прелести міра сего; родные мои стали уговаривать меня жениться, общая многое. При такихъ сильныхъ убѣжденіяхъ, искусившихъ меня, я сталъ склоняться; прежнее мое усердіе къ иноческой жизни стало ослабѣвать; я согласился на предложеніе родныхъ — женился — тутъ и конецъ всему: Богу попускающу, врагъ свое сдѣлалъ. Сталъ я жить обычною мірскою жизнью; торговалъ, ѣздилъ въ Нижегородскую ярмарку, все шло по внѣшности какъ будто бы ладно, разумѣется — не безъ кораблекрушенія душевнаго. Но вотъ милость Божія снова явилась на мнѣ. Жена моя, съ которой недолго пришлось жить, и дѣти мои померли. Лишившись любезныхъ моему сердцу, я какъ бы отъ сна проснулся, снова прозрѣлъ душевно и увидѣлъ, куда я уклонился отъ истиннаго Божьяго пути, увидѣлъ, что въ мірѣ семь все суета суетствій, оставилъ все и снова возвратился на Любимый мой Валаамъ, уже при Игуменѣ Дамаскинѣ въ 1840 году».

Такимъ образомъ Промыслъ Божій вновь привелъ его, уже искушеннаго испытаніями и окончательно убѣжденнаго въ ничтожествѣ суеты мірской, въ мѣсто предстоящихъ духовныхъ подвиговъ.

Поступивъ вторично на жительство въ Валаамскій монастырь, рабъ Божій Иларіонъ положилъ твердое и неизмѣнное намѣреніе идти къ спасенію путемъ послушанія. Первые три года прожилъ безъ приписки къ монастырю: необходимое время испытанія, чтобы опредѣлить, действительно ли у

человѣка есть твердое намѣреніе посвятить себя трудному подвигу жизни иноческой. Затѣмъ, 27-го Февраля 1843 года, формально, по указу, опредѣленъ въ монахи и нарѣченъ Иринеємъ. Всегда съ полнымъ самоотверженіемъ и совершеннымъ отрѣченіемъ отъ своей воли несъ онъ всѣ тяжелья послушанія, возлагаемая на него отъ мудраго руководителя въ духовной жизни — игумена Дамаскина. Занимался съ усердіемъ обработкой полей, уборкой и молотбой хлѣба. Чтобы понять и оцѣнить, насколько эти труды были тяжелы для него, надо знать, что въ юные годы своей мірской жизни онъ занимался выдѣлкой сусального золота, а потомъ, какъ уже выше сказано, по торговой части. Работа въ полѣ или въ ригѣ была, такимъ образомъ, для него непривычна и тѣмъ болѣе затруднительна. Кромѣ того, на немъ весьма продолжительное время лежало еще одно послушаніе — поѣздки по озеру на сорокаверстное разстояніе, въ городъ Сердоблю, съ почтой и по другимъ монастырскимъ надобностямъ. Въ этихъ поѣздкахъ многократно приходилось ему сражаться съ свирѣпостью волнъ и въ опасностію для жизни, подвергаться всѣмъ неудобствамъ въ пути по озеру въ разные времена года. Въ началѣ зимы или весной случилось ему провалиться сквозъ слабый ледъ, но, избалованный отъ опасности. Богомъ хранимый, онъ снова безобязанно совершалъ свой трудный путь по дѣлу святого послушанія. Разъ онъ зимою ѣхалъ съ почтою на лошади по льду. Когда переѣзжалъ переломъ льда, лошадь у него провалилась въ переломъ. Онъ былъ одинъ; помочь вытаскать лошадь нѣкому было; долго онъ бился, вытаскивая ее; наконецъ, выбившись изъ силъ, онъ обратился къ своимъ покровителямъ, Прпп. Сергію и Герману Валаамскимъ Чудотворцамъ, и простосердечно воскликнулъ: «Преподобные отцы Сергіе и Германъ! Вы видите, что я одинъ не могу лошадь вытаскать и вотъ ужъ изъ силъ выбился. Неужели вы попустите, чтобы монастырская скотинка погибла? Это будетъ монастырскому ущербу и мнѣ скорбь — помогите мнѣ!» Съ этими словами онъ взялся снова тащить изъ воды лошадь — и что же? Откуда полюспѣла невидимая сила — помощь угодниковъ Божіихъ; лошадь онъ моментально вытаскалъ и поѣхалъ дальше, продолжая путь по дѣлу святого послушанія. Такъ онъ самъ разсказывалъ. Вотъ что значитъ твердая, живая вѣра! А эта живая, горячая вѣра въ помощь Господа Бога и Его святыхъ угодниковъ всегда составляла выдающуюся отличительную черту въ почившемъ: чистая, дѣтская, святая вѣра и такая же святая простота. У насъ сохранились два драгоценные для насъ документа, писанные покойнымъ собственноручно, относящіяся именно къ его опаснымъ путешествіямъ по Ладожскому озеру и прекрасно обрисовывающіе вышеупомянутую особенность его личности — его глубокую вѣру. Для тѣхъ, кому, какъ и

намь, дорога каждая самодѣйная черта въ жизни, личности и характерѣ почившаго подвижника, приводимъ эти безыскусныя простыя писанія его полностью, отъ слова до слова.

3. ПОМОЩЬ ПРЕПОДОБНЫХЪ

Памятная репортричка 1842 года, мѣсяца Декабря 28-го числа, съ почтой изъ деревни Отсоненъ пошли въ двѣнадцатомъ часу поутру. Пошли на озеро. Четыре человѣка насъ было. Отошли отъ берега въ озеро на Валаамъ. Отошли отъ берега шесть верстъ. Подулъ вѣтеръ меженикъ, сильный. Тогда ледъ оторвало отъ берега, понесло въ озеро, начало ломать, переломало въ полчася. Ледъ толщиной въ два вершка. Мы бѣжимъ по льду, перескакиваемъ по льдинамъ. Сломало на штуки (на куски). Ледъ идетъ въ морѣ (въ озеро). Добѣжали до половины озера — переломъ въ 40 сажень ширины. Тогда я побѣжалъ, нашель льдину — четыреъ человѣкъ подымасть. Встали на льдину, помолились на монастырь, угодниковъ просили на помощь, Сергія и Германа, Николая Чудотворца, и перенесло (черезъ) переломъ. Опять побѣжали впередъ. Добѣжали до другого перелома, въ 60 сажень ширины. Я опять нашель льдину. Помолились на монастырь и встали на льдину. И понесло насъ. Страшно было намъ стоять: боялись, что сломасть (льдину) влной. На льдинѣ воды было 2 вершка. Перенесло переломъ. Опять побѣжали впередъ. Ледъ идетъ въ море (въ озеро). Мы бѣжимъ по льдинамъ, перескакиваемъ по льдинамъ. Ледъ гладкій (скользкій). Нельзя было въ сапогахъ идти. Сняли сапоги, въ чулкахъ шли, сапоги въ рукахъ несли. Какое мученіе намъ было! Стало темнѣть. Островъ недалеко, полверсты не добѣжали до острова. Отъ острова ледъ сто сажень ширины. Попасть нельзя на островъ. Крутомъ вода. Ледъ остановился напротивъ скитскихъ горъ. Прибѣжали — темно стало. Бѣгаемъ, грѣсимъ на ногахъ чулки мокрые и портянки (мокрыя). Ногамъ холодно очень. Пришли къ острову въ 8 часовъ вечера. Морозу 12 градусовъ. Дожидали, когда замерзнетъ переломъ, — до первого часа дожидали. Пришли на Предтеченскій островъ во второмъ часу пополудни. Ночевали въ рыбацкой избѣ. Поутру встали — смотримъ; ледъ унесло, чисто на озерѣ. Какой страхъ былъ намъ смотрѣть: только перешли на островъ, ледъ унесло въ море (въ озеро). Пришли поутру въ монастырь, рассказываемъ о своемъ путешествіи. Въ мою бытность на озерѣ восемь разъ лошадь на переделахъ проваливалась по уши. Иногда одинъ ѣздилъ на берегъ. Три раза случалось на озерѣ ночевать съ лошащю. Погода со снѣгомъ страшная; съ дороги собѣшься въ сторону. Я возмю — лошадь выпягу, къ санямъ привяжемъ. Съ мальчикомъ сами въ саняхъ сидимъ, до свѣту дожидаемъ. — Валаамскаго монастыря грамота. При Игуменѣ Дамаскинѣ случилось».

II) «1864 года, мѣсяца Октябрия, памятная репортричка, чо случилось намъ на озерѣ. Отправились отъ Никольскаго острова въ озеро на почтовой лодкѣ, при одномъ парусѣ, вѣтеръ былъ сильный, въ десять часовъ поутру. Бѣжали до берега 2 часа. Водой забрызгало; одежда на насъ замерзла; перезбли на лодкѣ. Не добѣжали до залива 50 сажень, — вдругъ ударилъ вѣтеръ изъ залива встрѣчу паруса: тогда понесло лодку къ острову Хабасаръ. Волны катятъ со всего озера на островъ. Бросаетъ на десять сажень. Разсыпается волна покामеньямъ. Страшно было смотрѣть намъ. Тогда несло лодку къ острову. Тогда видѣли смертный часъ. Ожидали, когда лодку донесло до острова. Мы думали, — ударитъ лодку со скалу. Лодка дошла до скалы, не стукнулася, остановилось легко. Тогда народъ бросился на берегъ съ лодки. Полминуту времени не было — волна покрыла насъ на камняхъ. Сажень воды было, но скоро назавъ ушла. Тогда далеко убѣжали на гору. Когда въ водѣ были, лодка не пошла черезъ насъ. Когда убѣжали далеко, тогда лодку бросило далеко на камни — отъ воды 8 сажень. Тогда благодарили Бога и угодниковъ Сергія и Германа и Николая Чудотворца: они насъ спасли отъ великой бѣды. Тогда помолились на монастырь, благодарили Бога, что остались живы, и угодниковъ нашихъ Сергія и Германа и Николая Чудотворца: они насъ сохранили. Часъ пополудни. Тогда побѣдали на гору острова. Крутомъ острова вода: нельзя попасть съ острова; лодокъ нѣтъ; отъ острова до деревни двѣ версты. Бѣгали по острову, кричали. Никого не видать. Устали бѣгать, не можемъ и ходить. На всѣхъ одежда мокрая, ничего сухого не было. Одежа замерзла на насъ. Ноги — какъ чурки стали. Очень трудно было намъ. Мы думали — погибнемъ отъ морозу. Спички у всѣхъ подмочили. Однако достали огонь. Благодарили за огонь Бога и угодниковъ нашихъ Сергія и Германа и Николая Чудотворца: они насъ сохранили отъ великой бѣды. Огонь достали въ девять часовъ вечера. Дрова сырые, не горять. Вѣтеръ со снѣгомъ. До свѣту стояли у огня. Дымъ. Глаза изъѣло дымомъ. Сѣна нашли стожокъ. Закладали за одежду — полегче стало намъ отъ сѣна. Хлѣбъ унесло — три хлѣба. Сутки безъ хлѣба жили. Поутру сдѣлали плотъ изъ жердей и переѣхали на берегъ. Достали лодку, прѣхали на берегъ. Достали лодку, прѣхали на островъ Самосаръ. Народу на лодкѣ 13 человѣкъ. Одежа худая на нихъ: народъ бѣдный. Островъ вышины 40 сажень. Лѣсу мало очень, частый каменный. Островъ Хабасаръ отъ монастыря разстояніемъ 23 версты. При игуменѣ Дамаскинѣ случилось. Лодку сломало о камень. Хотъ сами спаслись, слава Богу!».

Мѣсяца Октябрия, 26-го числа. — Въ мою бытность много случалось: 28 лѣтъ на озерѣ Ладожскомъ. — Какая чистая и глубокая вѣра, какая ясность взгляда, какая святая простота, какая

твердость духа въ исполненіи обязанностей послушанія! Тутъ есть чему поучиться.

4. ПРОСТОЙ МОНАХЪ

Былъ онъ также на послушаніи въ просфорной. Какъ человѣкъ хорошо кратотный и вообще не чуждый книжнаго ученія, исполнялъ чреды церковнаго чтенія по нѣскольку разъ въ недѣлю. Въ то время число братьевъ на Валаамѣ было несравненно меньше; безъ сомнѣнія, меньше было и грамотныхъ, такъ что не приходилось назначить особаго чтеца на каждый день; притомъ, конечно, дорожили, какъ и теперь, хорошимъ чтеніемъ. Обладая приятнымъ теноромъ, онъ принималъ участіе и въ клиросномъ пѣніи.

По причисленіи къ братству Валаамской обители (въ мантию онъ былъ постриженъ, какъ мы сказали, 5-го Августа 1847 года, съ именемъ Иринея), принявъ совершенные обѣты житія иноческаго, онъ равновалъ къ большему подвигамъ и стремился духомъ на пустынное, уединенное житіе. Будущій подвижникъ имѣлъ подобающее высокое понятіе о санѣ и отвѣственныхъ обязанностяхъ священнослужителя; несмотря на всѣ свои нравственныя достоинства, онъ никогда не домогался сего сана и вообще, какъ истинный монахъ, чуждъ былъ всякихъ стремленій къ какимъ бы то ни было отличіямъ, повышеніямъ и преимуществамъ. Самъ онъ не домогался; но, по нѣкоторому времени, ему было предложено отъ настоятеля принять санъ священства. Будучи воинству, — не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, — нищъ духомъ и смиренъ сердцемъ, въ точномъ смыслѣ ученія Евангельскаго, онъ отказывался отъ сего предложенія, неліцемерно ссылаясь а свое недостойнство. Но онъ твердо помнилъ, что при постриженіи въ монашество, онъ далъ обѣтъ полнаго послушанія, обѣтъ совершеннаго отрѣченія отъ своей воли, и разсуждалъ: симъ отказомъ не прогнѣваетъ ли онъ Бога, какъ бы изылая свою волю? Колеблясь духомъ, онъ прибѣгнувъ за рѣшеніемъ къ О. Игумену Дамаскину, съ полною вѣрою и готовностію принять рѣшеніе своего колебанія отъ настоятеля, какъ отъ самаго Бога. «Батюшка! — сказалъ онъ О. Игумену Дамаскину, — отъ Вашего предложенія принять мнѣ санъ священства я хотѣлъ бы отказаться, ибо сознаю свое недостойнство; но чтобы впоследствии не тревожила меня мысль, что я сдѣлалъ это по своей волѣ, безъ совѣта настоятеля, рѣшите Вы сами: иди ли мнѣ въ священство или нѣтъ?». Мудрый настоятель, подумавъ мало, сказалъ ему: «Да, священство — великое дѣло; принявъ священство, надо быть житіемъ какъ ангелу, а человѣкъ немощенъ; оставайся-ка такъ, простымъ монахомъ». Принявъ рѣшеніе отъ настоятеля, какъ отъ самаго Бога, онъ остался въ спокойствіи духа на все продолженіе своей жизни.

5. ПОДНАЧАЛЬНЫЕ

Мы видѣли уже, что онъ проходилъ многія и разнообразныя послушанія. Между прочимъ, поручена ему была должность келліарха, въ которой онъ пробылъ много лѣтъ въ трудное для Валаама время, когда здѣсь не маемо такъ называемыхъ подначальныхъ отъ лицъ духовныхъ, а иногда и свѣтскихъ, посылавшихся за разные проступки для духовно-нравственнаго и религіознаго исправленія. Между этими подначальными бывали люди значительные по своему общественному и преждему служебному положенію, а главное — бывали люди безпокойные и прямо буйные, которые могли оказать вредное вліяніе и на валаамскую братію. Необходимо было всѣми мѣрами предупредить возможность смуты, которую склонны были сдѣять и дѣйствительно сдѣлали подначальные. Келліархъ, по самому свойству своего послушанія, своей должности, имѣетъ самыя непосредственныя отношенія и къ членамъ братствъ, и ко всѣмъ вообще живущимъ въ монастырѣ. Онъ — ближайшій помощникъ настоятеля въ дѣлѣ охраненія общаго монастырскаго порядка и благочинія. И, конечно, много было нужно опытности, осторожности въ обращеніи съ людьми, такта и умѣнья, чтобы при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ установленный порядокъ монастырскаго житія не колебался. Всѣ вышеупомянутыя качества были необходимы не только настоятелю, который, какъ извѣстно, обладалъ ими въ совершенствѣ, былъ истинный мудрецъ, но и келліарху также; послѣднему, при едическихъ постоянныхъ близкихъ сношеніяхъ съ людьми безпокойными и буйными, сверхъ того, надо было умѣть терпѣть обиды и переносить незаслуженныя оскорбленія отъ людей, которые часто дѣлали крупныя непріятности и самому настоятелю. Неліцемерное смиреніе О. Иринея было тутъ весьма кстати. Отецъ Иринея былъ весьма близокъ къ Игумену Дамаскину, и послѣдній, зная въ немъ истиннаго послушника и всегда вѣрнаго исполнителя своихъ приказаній и порученій, посылалъ его для увѣщанія буйныхъ подначальныхъ, чтобы они имѣли покорность къ настоятелю, сами не бунтовали и не мучили братію. Нерѣдко, возвращая отъ нихъ, онъ доносилъ настоятелю: «Батюшка! Былъ я, по Вашему благословенію, у подначальныхъ, для увѣщанія; но они до того разбушевались, что пишу на Васъ доносъ и увѣрены въ своемъ предпріятіи, — что много надѣлаютъ Вамъ зла». Мудрый настоятель, исполненный упованія на Бога, имѣя залогомъ безупречную совѣсть и чистоту своихъ дѣйствій и намѣреній, говорилъ ему съ твердостью духа: «Не бойся, чадо! Всѣ эти возмутители, встающие противъ власти, Богомъ поставленной, скоро исчезнутъ и сами впадутъ въ яму, которую искапываютъ». — Это

Старець Іоаннъ на фонѣ древней келліи Старца Николая, въ которой онъ принималъ Императора Александра I. Древняя келья для сохраненія покрыта новымъ зданіемъ.

и дѣйствительно сбывалось въ точности. Богу содѣйствующу, тяжелая пора такихъ буйныхъ подначальныхъ миновала для Валаама благополучно, нисколько не пошатнувъ его, — какъ въ свое время не стерли его съ лица земли и болѣе тяжкія испытанія и бѣдствія.

Игумень Дамаскинъ любилъ О. Иринея и въ своихъ путешествіяхъ по островамъ въ окрестности Валаама часто бралъ его съ собою. И тутъ случалось, что слабый весенній ледъ, по которому они переходили, ломался подъ ихъ ногами и приходилось проваливаться; но, хранимые благодатію Божіею, они освобождались отъ опасности и продолжали свой путь по дѣламъ послушанія благополучно.

6. ПУСТЫНЯ

Отецъ Иринея всегда имѣлъ желаніе удалиться на пустынное житіе, дабы работать Богу наединѣ. Игумень Дамаскинъ похвалялъ его доброе намѣреніе; но время еще не приспѣло. Наконецъ, при основаніи Предтеченскаго скита, въ 1857 году, рука О. Иринея первая начала рубить лѣсъ, очищая мѣсто для созиданія скита въ часть славнаго Пророка и Предтечи Господня Іоанна. По созиданіи скита, онъ первый и поселился на жительство въ этомъ скиту,

при самыхъ постническихъ условіяхъ жизни; а впоследствии, при постриженіи въ схиму, 13-го Августа 1870 года, наслѣдовалъ и имя великаго угодника Божія — Іоанна.

Съ лишкомъ тридцать лѣтъ подвизался О. Іоаннъ въ Предтеченскомъ скиту. По свидѣтельству нынѣшняго настоятеля Валаамской обители, О. Игумена Гавриила, подвиги О. Іоанна здѣсь были необычныя; труды — превосходящія силы; молитва — непрестанная. И это свидѣтельство не есть свидѣтельство, слышанное отъ другихъ, но свидѣтельство очевидца. Молиться онъ любилъ болѣе въ церкви; въ келію же свою приходилъ только для чтенія отеческихъ книгъ и для краткаго отдыха. Онъ говаривалъ: «Зачѣмъ мнѣ въ келіи молиться, когда у насъ есть двѣ церкви? Въѣвъ въ церкви обитаетъ самъ Господь; За то и мнѣ утѣшительно тутъ совершать молитвенные подвиги, и я тутъ — какъ на Отаворѣ съ Господомъ, осіяваемый небеснымъ свѣтомъ». Съ глубокой ночи онъ приходилъ въ церковь, и тутъ впотмахъ, безъ огня, упражнялся въ молитвѣ, богосмысли, и клялъ много поклоновъ. Когда же приближалось время общаго утренняго правила, онъ обходилъ по пустынкамъ (отдѣльнымъ домикамъ скитскимъ) и приглашалъ старцевъ на утреннее славословіе, которое нерѣдко

совершаему было и безъ огня, наизусть. — «А что забудешь, — говорить смиренный пустынный извѣстному, выше нами упомянутому писателю, — падешь нищъ и своей малоумной молитвой дополнишь. Словъ не хватить, слезами. Оно точно какъ слѣдуетъ и выходить». Обыкновенно пустынножители Предтеченскаго скита собирались на общее молитвенное правило зимою въ нижнюю (теплую) церковь во имя трехъ Святителей, а лѣтомъ — въ верхнюю (холодную) во имя Иоанна Предтечи. Отецъ Иоаннъ всегда, невзирая и на зимне морозы, послѣ общаго молитвеннаго богослужения, уходилъ въ верхнюю церковь и тамъ пребывалъ долго, совершая въ алтарь, переди распятіемъ, стоящимъ на горнемъ мѣстѣ, множество земныхъ поклоновъ, такъ что отъ поклоновъ его на этомъ мѣстѣ образовались на полу знаки (пятна). Нынешній настоятель, Игуменъ Гавріилъ, какъ мы говорили, жительствовалъ тогда, еще въ юныхъ лѣтахъ, при О. Иоаннѣ на Предтеченскомъ островѣ. «Зачѣмъ ты, Отецъ Иоанцъ, — спрашивалъ онъ подвижника, — въ такіе морозы ходишь молиться въ верхнюю церковь? Вѣдь тамъ холодно. Не лучше ли тебѣ молиться въ нижней церкви? Тамъ теплѣй». — «Въ холодной церкви, — отвѣчалъ тотъ, мнѣ не такъ жарко класть опредѣленные схимническіе поклоны, которые я обязанъ каждодневно исполнять». Четки въ рукахъ у О. Иоанна постоянно были въ дѣйстви; онъ всегда перебиралъ ихъ съ молитвою; а на плечахъ у мантіи всегда можно было видѣть либо большія заплатки, либо пробины отъ постоянного ударенія по этимъ мѣстамъ при совершеніи крестнаго знаменія во время поклоновъ.

Отецъ Иоаннъ (какъ извѣстно всѣмъ кто имѣлъ счастье знать его) былъ довольно словоохотливъ, — что, впрочемъ, вытекало изъ самыхъ свѣтлыхъ привлекательныхъ качествъ его личности: добродушія и чистоты сердечной. Онъ любилъ говорить и умѣлъ говорить хорошо, складно. Съ первоначальнаго поступленія своего на жительство въ Предтеченскій скитъ О. Иоаннъ, съ благословенія Игумена Дамаскина, предпринялъ великій подвигъ — подвигъ молчанія, въ которомъ провелъ четырнадцать лѣтъ. Отецъ Игуменъ Дамаскинъ, желая вести его въ большіе подвиги и связать молчаніемъ его словоохотливый языкъ, дабы такимъ путемъ, въ тихомъ пустынномъ уединеніи, при совершенномъ молчаніи, онъ могъ болѣе достигнуть чистоты ума и сердца, а при томъ предостерегая его отъ возношенія, или гордости духовной, которая обычно слѣдуетъ подвижниковъ благочестія, — далъ ему такой урокъ: «Вотъ ты, Отецъ Иоаннъ, считаешь себя недостойнымъ говорить съ людьми, — молчи. Говорить или бесѣдовать разрешается тебѣ только съ Богомъ, въ церкви, при совершеніи молитвенныхъ славословій, и, въ случаѣ нужды, съ настоятелемъ и въ духовникомъ,

при открovenіяхъ и исповѣдяхъ». Такъ онъ и проводилъ свою жизнь въ молчаніи, хотя съ прочею братією постоянно находился въ общихъ трудахъ, какъ то: въ воздѣлываніи огородовъ, савоивъ, въ лѣсныхъ работахъ и т. п. Со всѣми и всегда держалъ себя такъ, какъ бы вовсе не умѣлъ говорить; въ церкви же, при богослуженіи, пѣлъ и читалъ громко-гласно. Легко ли было совершить такой подвигъ человѣку словоохотливому, а главное — легко ли было привыкнуть такому человѣку къ безмолвію? — можетъ разсудить всякій. Между тѣмъ, О. Иоаннъ пробылъ въ совершенномъ молчаніи четырнадцать лѣтъ! Вотъ поучительный примѣръ силы воли и твердости характера! И, безъ сомнѣнія, онъ продолжалъ бы свой великій подвигъ и далѣе. Но мудрый руководитель и наставникъ валаамскихъ иноковъ въ подвигахъ духовныхъ, Игуменъ Дамаскинъ, испытавъ довольно его послушаніе и дабы онъ не превознесся умомъ, не возгордился своимъ сверхъобычнымъ подвигомъ, приказалъ ему разрѣшить молчаніе и снова говорить какъ обычно, сказавъ ему: «Ну, Отецъ Иоаннъ, ты недостойнъ такой великой подвигъ нести, говори опять, какъ и обычно». И смиренный подвижникъ съ неліцемерной покорностью принялъ это приказаніе отъ настоятеля, какъ отъ самаго Бога, повинувшись ему во всемъ, и съ тѣхъ поръ сталъ опять говорить со всѣми.

Въ Предтеченскомъ скиту О. Иоаннъ прожилъ, какъ выше сказано, болѣе 30-ти лѣтъ, при самомъ строгомъ постническомъ уставѣ. Пища тамъ опредѣлена всегда постная, исключительно растительная; рыбную или молочную пищу не дозволяется употреблять никогда, хотя бы даже и въ великіе праздники; даже и чай пить не дозволялось. При такихъ постническихъ строгихъ правилахъ онъ всегда былъ легокъ, веселъ и здоровъ. Оставшее отъ молитвы время онъ употреблялъ на совмѣстныя работы съ прочею братією: пилил въ лѣсу дрова, проводилъ по острову дороги, воздѣлывалъ садъ и огородъ, а въ зимнее время дѣлалъ изъ осины лукошки и плелъ изъ вѣтвей мебель и корзины для монастырскихъ надобностей.

7. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО

Пусть теперь, кстати, скажемъ о немъ свое слово человѣкъ мірской, человѣкъ иныхъ — не нашихъ взглядовъ, человѣкъ совершенно посторонній, совершенно чуждый Валаамской обители и притомъ вообще несочувствующій монастырю (Немировичъ-Данченко. «Крестыанское Царство»). Сначала рѣчь идетъ о подвигѣ молчанія, затѣмъ объ удивительной бодрости и юношеской энергіи подвижника; тогда (въ 1880 году) уже 70-лѣтняго старца, а вмѣстѣ и другихъ его качествъ:

«Выснети подобное испытаніе ужасно. На Иринеѣ оно даже и не отразилось. Онъ свѣжъ, бодръ, го-

ворливъ, какъ въ первое время своего пребыванія въ обители. На этомъ маленькомъ островѣ (т. е. на Предтеченскомъ) онъ уже около 20-ти лѣтъ и любить его, какъ капитанъ свой корабль. Оставляетъ его онъ только въ годовые праздники; тогда, отслушавъ обѣдню, онъ и трапезуетъ вмѣстѣ съ братіей (т. е. въ монастырѣ), а окончивъ трапезу, немедля возвращается въ свою пустынь. Онъ ее и украсилъ, какъ могъ, надъ каждымъ клочкомъ ея работаетъ какъ прилежный рабъ въ пригнѣ. — Иринеи и до сихъ поръ само смиреніе и привѣтъ. Какихъ бы ни была убѣжденій челоуѣкъ, изъ бесѣды съ нимъ онъ вынесетъ отрадное впечатлѣніе неослабывающей бодрости и энергіи; молодая сила въ организмѣ старческого. У О. Иринеи отъ лѣтъ уже сѣдой пухъ изъ ушей поваросъ, а онъ наѣрное больше насъ въ вами и ходитъ, и работаетъ».

Примѣромъ послушанія, совершеннаго отрѣченія отъ своей воли и глубокаго смиренія О. Іоанна мы видѣли довольно и еще увидимъ; а вотъ свидѣтельства о его совершеннѣйшей нестяжательности:

«Онъ плететъ тонкіе осиновые кораба, шитые черемухомъ лыкомъ, мебель изъ вѣтвей.

— Посылаемъ въ обитель, тамъ продаютъ по слову Божію, должно быть.

— Деньги за проданное кому же, вамъ?

— Намъ деньги? Зачѣмъ намъ деньги? У насъ и въ обители монахъ денегъ не видитъ. Куда я возьму деньги? Я и забылъ о нихъ, понятія теперь не имѣю, какія онѣ нынѣ...»

Еще примѣръ:

«Мы обошли островъ и въ одномъ изъ лѣсныхъ участковъ замѣтили простой срубъ.

— Моя келья! — повель насъ О. Иринеи.

Крохотная горенка и другая такая же. Голыя нары, подъ голову полено. Вотъ и вся обстановка».

Вѣсь мысли подвижника постоянно и незмѣнно были направлены къ Богу, къ Которому онъ всецѣло прилѣпился своей безгранично-вѣрующей душой, своимъ чистымъ любящимъ сердцемъ.

Въ Богѣ онъ справедливо искалъ и находить разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ жизни и своеобразное объясненіе явленій природы:

— Мрачно у васъ. Скучно.

— Съ Богомъ и въ лѣсу жизнь, а безъ Бога и раю соскучишься!

Внутри церкви совершенно проста и скудна, какъ подобаетъ въ пустынь.

— Церковь молитвой держится, а не окладами. Въ убогой церкви еще лучше Бога зрѣшь. Не застаивайся Онъ отъ тебя сокровищемъ. — Вотъ пойдемте, покажу я вамъ красоту неописанную. Картину такую, какую земнымъ художникамъ не написать. Небесный художникъ ее рисовалъ. (Пошли къ кресту).

— Удивляюсь, О. Иринеи, какъ это Вы такую бодрость еще сохранили. Подвигъ Вашъ труденъ. Пища скудная.

— А что березку на камнѣ питаетъ? Ишь, она выскочила слугу, а Богъ ей сейчасъ и жизнь далъ. Вотъ она, погладите-ка, какъ раскудривилась. А откуда кажется? Пища у нея въ камнѣ скудная.

Мы спустились внизъ. Тропинка то и дѣло огибаеъ громадыя свалившіеся сверху скалы... Осыпей подозрѣвать здѣсь нельзя, нужно было остановиться на змелетрясеніи, несмотря на сѣверное положеніе Валаама.

Я сообщила это О. Иринею.

— По-вашему... А по-моему, это когда на крестѣ Христосъ духъ испустилъ. Земля потряслась, и камни расподшася... Только вдумайся, вездѣ слѣды этого найдутся.

— Отчего келья у Васъ, Отецъ Иринеи, внизу, а не наверху?

— А тамъ какъ бы Фаворъ. Мы, какъ апостолы, внизу, а Господь невидимо наверху присутствуетъ.

— Скучно тутъ, — вырвалось у меня.

— Соскучишься, такъ кричи: Господи, помилуй! Господи, помилуй! Ну, какъ дитя вотъ... Господи услышитъ, Онъ утѣшитъ».

Отецъ Іоаннъ и по времени своего долготѣннаго пребыванія, и по возрасту былъ старшимъ въ Предтеченскомъ скиту, хозяиномъ скита — что касается несложнаго его управленія, а для младшихъ членовъ скитскаго братства былъ сверхъ того руководителемъ въ жизни духовной, наставникомъ, учителемъ и живымъ примѣромъ для подражанія. Жизнь въ скиту у тамошнихъ обитателей, при всей внѣшней скудости, была въ то время истинно райская, по выраженію нынѣшняго настоятеля, О. Игумена Гаврила, прожившаго тамъ съ О. Іоанномъ болѣе шести лѣтъ, съ первоначальнаго поступленія, въ юности свое, на жительство въ монастырь, имѣвшаго счастье быть его ученикомъ и навсегда сохранившаго глубокую привязанность и живѣйшее чувство сердечной благодарности къ своему бывшему наставнику и руководителю при первыхъ шагахъ на иноческомъ поприщѣ.

«Жили мы, — рассказывать О. Игуменъ Гавриилъ, — въ Предтеченскомъ скиту, какъ бы въ раю Божіемъ. Старцы обитали уединенно въ своихъ отдѣльныхъ кельяхъ, разбросанныхъ по лѣсу, а мы, юные, жили въ саду, на горѣ въ домикахъ при церкви. О. Іоаннъ надъ нами начальствовалъ, а мы вели себя въ покорности къ нему. Онъ насъ будилъ по утрамъ на молитву, а послѣ молитвословія приходилъ трудиться вмѣстѣ съ нами. Чай не отнималъ времени у насъ, потому что мы его тамъ не пили; а вмѣсто чаю въ это время мы согрѣвали души свои чтеніемъ божественныхъ и отеческихъ книгъ и изученіемъ наузутъ псалтири и акаѣистовъ: зато какъ на душѣ-то было тепло, радостно, весело, всъ сердиѣ въята полнота святой благодати. Тишина и спокойствіе внутреннее, при внѣшней пустынной обстановкѣ и истинномъ

между собою братолюбия, жизнь нашу дѣлали какъ бы райскою; жители были какъ бы ангелы, а не челоѣвки». Таковы впечатлѣнія не старца, доживающаго остатки дней своихъ, а юноши, едва начинавшаго жизнь.

Духовно-нравственное вліяніе воспитателя-подвижника, при уединеніи пустыни, располагающаго умъ и сердце къ Богу, дѣйствительно въ высшей степени благотворно и притомъ на всю жизнь отразилось на нынѣшнемъ настоятелѣ Валаамской обители, О. Игуменѣ Гавриилѣ. Да и не на немъ одномъ. Подъ руководствомъ О. Іоанна тамъ же, въ Предтеченскомъ скиту, положили прочное начало иноческой жизни нынѣшній казначей Валаамскаго монастыря, соборный іеромонахъ О. Евгений. Подъ его же руководствомъ, такъ сказать, выросъ съ лѣтъ отрочества, валаамскій іеромонахъ О. Андроникъ, нынѣ настоятель Введенской пустыни. Само собою понятно, что на важныя и отвѣтственныя должности, какіе занимаютъ названныя лица, избираются люди выдающіеся не только по умственнымъ, но и по нравственнымъ качествамъ. Это тѣмъ болѣе очевидно, что какъ Игуменъ О. Гавриилъ, такъ и казначей О. Евгений, заняли свои мѣста, едва достигнувъ сорокалѣтняго возраста, — что на Валаамѣ составляетъ рѣдкость. Непокоримому твердымъ религиозно-нравственнымъ направленіемъ въ духъ христіанскомъ они обязаны, конечно, въ значительной мѣрѣ О. Іоанну, равно какъ ему же обязаны и нѣкоторыми внѣшними сторонами своего иноческаго воспитанія. Они — образцовые чтецы и отличные знатоки церковнаго устава. Въ трудахъ, въ церковномъ бдѣніи, въ строгомъ храненіи старинныхъ монастырскихъ уставовъ и правилъ они — живой примѣръ для братіи. Все это не второстепенно, а существенно важно для лицъ, имѣющихъ первенствующее и руководящее значеніе въ такой обширной обители, какова Валаамская, — для настоятеля и его ближайшаго сотрудника по управленію монастыремъ — казначея. Игуменъ Дамаскинъ — создатель духовно-нравственной величія Валаама; ему вѣчно обязанъ Валаамъ; память его никогда не умретъ. Отецъ Іоаннъ былъ близкій ученикъ Дамаскина, истинный послушникъ въ исполненіи велѣній мудраго настоятеля и многоопытнаго наставника и своимъ ученикамъ въ совершенствѣ сумѣлъ передать духъ и направление незабвеннаго обновителя Валаама. Они неуклонно продолжаютъ святое и великое дѣло во славу Божию, на пользу всей братіи и всѣхъ соприкасающихся съ Валааомомъ.

8. ПОСЛѢДНИЕ ДНИ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

По постриженіи въ схиму (13-го Августа 1870 г.) О. Іоаннъ пробылъ въ Предтеченскомъ скиту еще болѣе 15-ти лѣтъ. Въ бытность свою здѣсь онъ лишился одного глаза. Проходя изъ церкви черезъ садъ,

онъ выкололъ глазъ сучкомъ яблони. Хотя глазъ впоследствии и зажили, но все таки О. Іоаннъ ослѣпъ на этотъ глазъ. Однако благодушный старецъ не скорбѣлъ объ этой потерѣ, а шутя говаривалъ: «Будеть съ меня и одного глаза. Слава Богу: Богъ оставилъ мнѣ хоть одинъ глазъ, я все таки могу съ нимъ читать и Евангеліе, и акаѣисты, и каѣзими». Давно уже, еще въ 1872 году, зачисленный по указу, въ заштатъ, въ число болыничныхъ, онъ еще долго-долго послѣ того продолжалъ оставаться однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ членовъ братства, — дотолъ, доколѣ позволяли силы. Наконецъ старость (тогда шла уже вторая половина восьмого десятка лѣтъ его жизни) начала давать ему чувствовать себя изменяемъ силой тѣлесныхъ, но только тѣлесныхъ, а отнюдь не духовныхъ: духомъ онъ оставался бодръ даже до послѣднихъ дней своей жизни. Въ виду ослабленія тѣлесныхъ силъ, ему благословлено было настоятелемъ изъ Предтеченскаго скита перейти на жительство въ Коневскій скитъ, — тоже постнической, но съ той разницей, что въ Коневскомъ скиту чай быть дозволенъ, а старцу не излишне было согрѣть иногда себя чайкомъ, поддержать свои упавшія силы, чтобы онѣ могли понести обычные подвиги. Но здѣсь онъ недолго пожилъ. Шли годы. Время брало свое. Старческая сила слабѣла все болѣе и болѣе. Чтобы не дать ему дойти до полного истощенія силъ, онъ былъ переведенъ изъ Коневского скита въ монастырскую больницу, гдѣ и прожилъ до самой своей кончины.

Въ монастырѣ, въ больничномъ корпусѣ, онъ проводилъ жизнь такъ же, какъ и въ пустыни. Обычно шло у него келейное правило, состоявшее изъ нѣсколькихъ сотъ поклоновъ, чтенія Евангелія и Псалтири. Кромѣ того, читалъ и отеческія книги. Хотя онъ читалъ и однимъ глазомъ, но всячески видѣлъ хорошо. Ежедневно неупустительно посѣщавъ всѣ службы церковныя — утрени, обѣдны, вечерни, всенощныя, и притомъ всегда выставлялъ всѣ службы съ начала до конца. Обычно приходилъ онъ въ церковь много раньше начатія службы и до обдани вычитывалъ акаѣисты Спасителю и Божіей Матери. Слухъ, съ теченіемъ времени, сталъ у него крѣпковатъ, и онъ, для слушанія чтенія въ церкви, подходилъ ближе къ чтецу и стоялъ, слушая, у самаго аналоя: «Видъ, слово Божіе, — говаривалъ онъ, — это пища для души. Какъ же я, стоя далеко и не слыша, буду лишаться душевной пищи?»

Въ послѣдніе дни своей земной жизни О. Іоаннъ ходилъ уже какъ тѣнь, въ совершенномъ изнеможеніи силъ; и видѣлись у него однѣ кости, кожей обтянутыя. Простаивая продолжительное всенощное богослуженіе, онъ изнемогалъ до послѣдней крайности, но оставить службу и уйти не рѣшался. За всенощной подойдетъ иной разъ къ настоятелю, О. Игумену Гавриилу, своему бывшему ученику. Покло-

нившись земно и взявъ благословеніе, поцѣлуетъ и наперсникъ кресту въ настоятеля и скажетъ: «Ахъ, какъ я изнемогъ, едва-то едва стою; сколько разъ покушался уйти изъ церкви, да все перемагаюсь; вотъ ужъ скоро и конецъ всеночной, какъ-нибудь авось и достою: ну, да нѣкуда меня беречь: таковский старичонко, да и поють-то хорошо; уйти не хочется: къ 12-ти часамъ, навѣрно, кончится всеночная». Иногда О. Іоаннъ ходилъ помолиться въ часовню, недалеко отъ монастыря. Тамъ приходящіе слышали его голосъ, молитвенно вызывающій: «Господи, спаси меня! Царница Небесная, не оставь меня!» А потомъ протяжнымъ голосомъ читалъ псалмы Давидовы.

Нерѣдко въ церкви подходили къ нему мірскіе люди, желая слышать отъ него слово назиданія. Онъ смиренно отвѣчалъ имъ: «Что полезное хотите вы услышать отъ меня — бесполезнаго? Я — козлище, никуда негодное, пустосвятъ; я вась всѣхъ прельстилъ, одѣлся въ монашеское схимническое одѣяніе, какъ будто бы что и значу; ничего я не значу, все пустота, хочу только начало доброе положить, да все не могу, никакъ съ своею лѣностью не справлюсь». И онъ дѣйствительно до самой кончины всегда считалъ себя хуже и ниже всѣхъ и еще не положившимъ добраго начала духовной жизни: онъ водился духомъ истиннаго смиренномудрія. Нерѣдко случалось, что Игуменъ Іоаннаанъ (управлявшій обителью послѣ Дамаскина и скончавшійся въ 1891 году), испытывая О. Іоанна, по какому-нибудь совершенно ничтожному случаю начать жестоко укорять его и назначить въ наказаніе большое число земныхъ поклоновъ. Что же? Старецъ начать себя еще больше укорять, встанетъ на колѣни и проситъ сильнѣйшаго наказанія. «Мало мнѣ этого, накажите больше». Игуменъ посмѣется, бывало, и скажетъ: «Ну, что съ тобой дѣлать? Ничѣмъ тебя не одолѣешь: ты смиреніемъ все побѣждаешь». И смиреніе это отнюдь не было лицемернымъ, наружнымъ смиреніемъ гордаго фарисея или человѣка, ищущаго людской славы, одобренія: послѣднее слишкомъ скоро прорывается наружу, даетъ узнать себя, добиваясь преобладанія, отличія, преуменьствія; да и не вяжется оно вовсе съ чистой и свѣтлой личностью нашего подвижника. Его смиреніе было искреннее, убѣжденное смиреніе; а источникомъ своимъ имѣло ясное сознаніе своей грѣховности, свой нечистоты передъ Божественнымъ совершен-

ствомъ со стороны человѣка, достигшаго высокой степени духовнаго прозрѣнія. Известно, что чѣмъ человѣкъ ученѣе, чѣмъ больше онъ знаетъ, тѣмъ яснѣе и, прибавимъ, болѣзненнѣе онъ сознаетъ свое неумѣство. Недаромъ древній мудрецъ говоритъ: «Я знаю, что я ничего не знаю». А шестіе иночскимъ путемъ, путемъ креста, путемъ отрѣченія, путемъ подражанія Христу, непрестанное дѣтельное стремленіе къ наивысшей конечной цѣли — къ усовершенствованію человѣческой личности въ духѣ и истинѣ ученія Господа и Спасителя нашего, — не есть ли величайшая и высочайшая изъ всѣхъ наукъ? Безъ сомнѣнія, такъ, ибо и цѣль этой науки существеннѣе, выше, обширнѣе цѣлей всѣхъ другихъ наукъ: цѣль я не какія-нибудь временныя улучшения, а вѣчное

блаженство. Но что замѣчается при постепенномъ усовершенствованіи во всякой другой наукѣ, то же имѣетъ мѣсто при постепенномъ усовершенствованіи и въ этой наукѣ изъ наукъ. Различіе лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ болѣе совершенный въ наукѣ яснѣе сознаетъ свое неумѣство и ограниченность ума человѣческаго; во второмъ случаѣ — болѣе совершенный въ подвигѣ христіанскомъ яснѣе сознаетъ и свою грѣховность, и нечистоту, и слабость кичливаго разума.

Отсюда смиреніе должно быть и дѣйствительно бываетъ и у истинно ученаго человѣка, и у подвижника; только у подвижника смиреніе шире и глубже: оно проникаетъ всего человѣка — и со стороны воли, и со стороны разума. Вникните въ житія святихъ: какое у нихъ глубокое сознаніе своихъ несовершенствъ, своей грѣховной нечистоты предъ лицемъ Правды Божией, какое безграничное смиреніе! И это благодѣтельное сознаніе, и это смиреніе приходило постепенно, по мѣрѣ подвиговъ. Вотъ гдѣ источникъ истиннаго христіанскаго смиренія, которымъ быть проникнуть и нашъ почившій подвижникъ. А чѣмъ болѣе человѣкъ поработенъ грѣху, тѣмъ въ немъ меньше смиренія: грѣхъ, міръ, разнузданная плоть дѣлаютъ его слѣплымъ, мѣшаютъ ему видѣть свои душевныя язвы, свою нравственную грязь.

Выше мы уже говорили о совершенной нестяжательности О. Іоанна и, вмѣстѣ съ постороннимъ свидѣтелемъ, видѣли ее у него въ Предтеченскомъ скиту. Эта нестяжательность осталась съ нимъ неразлучно и до гробовой доски: и въ послѣдніе годы его земной жизни, въ монастырской больничной кельѣ, у него была совершенная пустота, ничего лишняго, только

Церковь Св. Іоанна Предтечи въ Предтеченскомъ скиту. Изъ альбома Балашова "Изъ мѣстностей О. Валаама".

иконы, четки, мантія, книги необходимы. Случалось, что кто-либо изъ братіи или благотворителей дасть ему чайку: Чтобы не оскорбить отказомъ, онъ приметъ, а потомъ принесетъ къ настоятелю: «Возьми, батюшка! Куда мнѣ его? Вѣдь, чужое терніе жать я не въ силахъ, впору свое пожинать, да и то не могу. Спасибо имъ, добрымъ людемъ, не забываютъ старика; да у меня-то оныхъ лишній». До старжаня ли было человѣку, который и умомъ, и сердцемъ быть такъ далекъ отъ всякой пустой суеты? А между тѣмъ, если бы онъ не такъ свято хранилъ обытъ иночества, если бы хотѣлъ стяжать, возможность къ тому была полная. Многие и изъ братіи, а главное — изъ мірскихъ людей прибѣгали къ нему за духовнымъ совѣтомъ и утѣшеніемъ, открывая ему свои душевныя раны и скорби и прося его молитвъ. Самая наружность его привлекала къ себѣ. Отъ его облеченной въ схимническое одѣяніе высокой сухошатой фигуры вѣяло какой-то необычайное простотой и святостью. Бодрость духа, побѣждающая немощи тѣлесныя, неизмѣнно сияла на привлекательномъ лицѣ убѣленного сѣдинами старца. Когда, бывало, видишь его, стоящаго въ соборѣ во время церковнаго богослуженія, то кажется, что изображение святаго чудеснымъ образомъ сошло со стѣны и стоитъ, облеченное въ плоть. Именно такими, какъ онъ, а не другой кто, представляются намъ личности древнихъ нашихъ подвижниковъ благочестія, а онъ — имъ подобнымъ.

Отецъ Іоаннъ отсюда никогда не былъ суровъ съ людьми, не отталкивалъ отъ себя людей, а напротивъ былъ привѣтливъ и готовъ быть братски подлѣнъ богатствомъ своего чистаго, любвеобильнаго сердца и своей духовной опытности. Правда, онъ, какъ мы уже слышали, открыто говорилъ о своемъ недостаткѣ; этимъ неліцемернымъ смиреніемъ онъ предупреждалъ, чтобы на него не смотрѣли какъ на нѣкого прорицателя, на вѣщаго пророка; не хотѣлъ выдѣлять себя изъ среды обыкновенныхъ людей; какъ истинный послѣдователь Христовъ, всѣми мѣрами избѣгалъ славы человѣческой. А что многие обращались къ нему за словомъ совѣта и назиданія, — это вполне понятно. Долголѣтній иночскій подвигъ, уединенное самоуглубленіе, непрестанная молитва, постоянное обращеніе умомъ къ Богу, чтеніе книгъ Священнаго Писанія и твореній отеческихъ должны были развить въ немъ мудрость духовную и опытное знаніе человѣческаго сердца, которыхъ весьма недостаетъ намъ, грѣшнымъ.

Почти 60 лѣтъ О. Іоаннъ прожилъ въ Валаамскомъ монастырѣ и всегда свято соблюдалъ обытъ иночества. Мы видѣли его нестяжаніе; видѣли его послушаніе, его не знавшее границъ смиреніе и самоумиженіе. Кто имѣлъ счастье лично знать его, тотъ на всю жизнь сохранитъ отрадное воспоминаніе объ этой свѣлой, чистой, высокой личности. Послѣ многолѣтняго иноческаго подвига, а вѣрнѣе — имен-

но вслѣдствіе этого подвига, какъ онъ былъ полонъ дѣтской простоты, но непреложному обѣтованію Спасителя отверзающей врата царствія небеснаго! Вотъ случай, бывший незадолго до смерти О. Іоанна.

Когда въ концѣ Іюля 1894 г. О. Іоаннъ Гавріиль возвратился въ родную обитель изъ своей поѣздки въ Петербургъ, то немедленно по прибытіи прежде всего зашелъ, по обычаю, въ соборъ възблагодарить Бога за благополучное окончаніе путешествія. Колокольный звонъ возвѣстилъ прїѣздъ игумена, и О. Іоаннъ, вмѣстѣ съ другими, поспѣшилъ въ храмъ Божій. Тамъ — мы сами это видѣли — онъ съ сияющимъ лицомъ и со слезами радости, быстро, не по-старчески, подошелъ къ горячо любимому настоятелю, своему бывшему ученику, чтобы привѣтствовать его и принять его благословеніе. Тутъ не было и тѣни обязательныхъ отношеній подчиненнаго къ начальнику. Нѣтъ, это былъ стремительный, искренній, задушевный, сердечный, именно какой-то дѣтскій порывъ любящаго сына къ любимому отцу, котораго сынъ этотъ, чувствуя близкій конецъ своего земнаго поприща, быть можетъ уже и не чаялъ увидѣть въ сей жизни.

9. КОНЧИНА СТАРЦА

За недѣлю до смерти старецъ, чувствуя все большее и большее изнеможеніе силъ тѣлесныхъ, сознавая, что онъ иногда своимъ словоохотливымъ языкомъ лишнее что-либо скажетъ, и памятуя, что за каждое слово праздное предстоитъ намъ дать отвѣтъ на страшномъ судѣ Божіемъ, возжелалъ вновь принять свой прежній подвигъ — совершеннаго молчанія — и пришелъ къ О. Іоанну Гавріилу съ просьбою: «Батюшка! Повесть опять замокъ на мой языкъ; а то я многа забудусь и наговорю лишнее». Отецъ игуменъ похвалилъ его доброе желаніе, далъ ему заповѣдь молчать пока на Успенскій постъ: «А даже, — сказалъ онъ, — что Богъ устроитъ, посмотримъ».

Съ 1-го Августа 1894 года О. Іоаннъ и началъ подвигъ молчанія. Промолчалъ 5 дней. Тѣмъ временемъ болѣзнь тѣлесная — онѣмнѣніе ноги — дала ему почувствовать, что онъ скоро навѣки замолчитъ. 6-го Августа, въ день праздника Преображенія Господня, онъ уже не могъ прійти въ церковь, лежалъ на постели въ изнеможеніи силъ, но въ полномъ сознаніи, которое онъ сохранилъ до послѣдней минуты своей жизни. Многие изъ братіи приходили посѣтить его — болящаго, ибо всѣ искренно любили его за кротость, смиреніе и простоту и глубоко уважали за его подвигъ. Пришелъ, конечно, и настоятель. Старецъ весьма обрадовался ему, желая кое-что переговорить. Во-первыхъ, просилъ прощенія въ томъ, что, по случаю постигшей его болѣзни, не могъ исполнить принятый на себя подвигъ молчанія. Просилъ затѣмъ, если онъ доживетъ до утра, — утромъ пособоровать его и причастить.

— Ну, — сказал Игумень, — если доживешь до утра, исполним твоё желание; а если Бог позовет раньше утра, то вѣдь ты, старецъ, уже напущиванъ въ жизнь вѣчную, ты недавно соборованъ и дня два тому назадъ приобщался Св. Таинъ.

— Такъ-то такъ, — отвѣчалъ старецъ, — но все бы нехудо и еще поспоробовать и приобщиться.

— А, можетъ быть, ты еще и поправишься, — сказал О. Игумень.

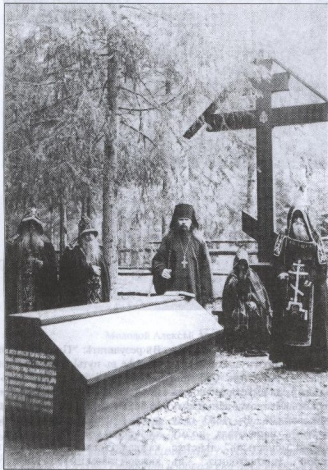
— Нѣтъ-нѣтъ, ужъ не поправлюсь... Я чувствую, что уже конецъ моей жизни пришелъ... Будеть... Будеть — пожилъ, а добраго ничего еще не сдѣлалъ... Слава Богу, что Богъ еще началъ карать меня снизу, съ ногъ, а не съ головы: воть ноги-то отянулись, а умъ-то и языкъ еще дѣйствуютъ.

— Ну иди съ Богомъ, коли собрался въ вѣчную жизнь, — сказалъ О. Игумень, и, благословивъ старца, пропися съ нимъ.

Вечеромъ О. Иоаннъ сталъ еще болѣе слабѣть и изнемогать. Ему прочитали отходную. А въ воскресенье 7-го Августа, въ 9 часовъ утра, въ началѣ поздней обѣды, старецъ тихо и мирно предалъ душу свою Господу. Троекратнымъ удареніемъ въ колоколь звѣщено было всѣмъ обитателямъ Валаама о кончинѣ глубокоуважаемаго старца. На литургіи стали поминать объ упокоеніи новопреставленнаго схимонаха Иоанна. Скончался онъ на 85-мъ году отъ роду, проживъ на Валаамѣ подъ тремя именами — послушника Иларіона, монаха Иринея и схимонаха Иоанна — всего около 60-ти лѣтъ.

Тѣло почившаго 3 дня стояло въ церкви Живоноснаго Источника. Братія и многіе посѣтители, уважая почившаго старца, непрестанно служили по

немъ панихиды. 9-го Августа настоятель съ соборомъ священнослужителей отпѣвалъ тѣло почившаго подвижника. Не въ примѣръ прочимъ, святогробное лино его было открыто для послѣдняго зрѣнія на него искренно любившихъ почившаго братій и посѣтителей. Лишь О. Иоаннъ былъ весьма благообразенъ и какъ бы въ молитвенномъ настроеніи и полонъ невозмутимой тишины, благодатнаго мира, безмятежнаго покоя. Его изможденное тѣло, не смотря на лѣтнюю жару, не издавало ни малѣйшаго трупнаго запаха. На отпѣваніи присутствовали всѣ безъ исключения живущіе въ монастырѣ, отъ настоятеля до самаго младшаго послушника; немало собралось братій и изъ скитовъ; кромѣ того было множество постороннихъ посѣтителей-богомольцевъ, съхавшихся въ то время на Валаамъ къ празднику Преображенія Господня въ числѣ не одной сотни лицъ, мужчинъ и женщинъ. Многіе изъ этихъ посѣтителей имѣли счастье уже не первый годъ звать почившаго, а слѣдовательно и имъ онъ былъ не менѣе дорогъ, чѣмъ намъ, ибо узнать его значило искренно его полюбить; его свѣтлая личность невольно привлекала сердца.

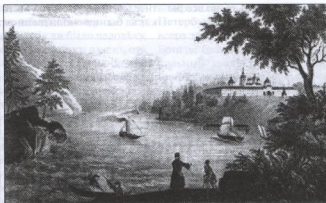

Схимонахи Александръ, Алексій, Игумень Гавриль, Серафимъ и Иоаннъ у гробницы пустытника Николая.

Чувствовалась дорогая утрата. Во время отпѣвая многіе плакали. Всѣ по очереди подходили прощаться съ почившимъ. Наконецъ, въ сопровожденіи всей братіи и не одной сотни посѣтителей, при звонѣ колоколовъ, съ литіями, тѣло почившаго снесли на рукахъ на мѣсто послѣдняго земнаго упокоенія — на монастырское кладбище — и похоронили тамъ подъ сѣнію каменнаго общаго креста.

Миръ его чистой душъ въ свѣтлыхъ райскихъ обителяхъ Небеснаго Царствія!

Июльская Лура

Годъ въ монастырь

(ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА АЛЕКСѢЯ АПУХТИНА)

В 1866 ГОДУ Валаамъ посѣтилъ известный поэтъ Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ. Онъ пріѣзжалъ сюда вмѣстѣ со своимъ другомъ Петромъ Ильичемъ Чайковскимъ. Въ 1883 году Апухтинъ напечаталъ поэму "Годъ въ монастырь", дѣйствіе которой происходитъ въ стѣнахъ Валаамской обители: "...Ужь двѣ недѣли я живу въ монастырь, среди молчанія и тишины глубокой."

Главную сюжетную интригу поэмы составили личные переживанія героя, попытавшагося скрыться въ монастырь отъ любовныхъ воспоминаній. Бытовые подробности монастырской жизни, не всегда, впрочемъ, вѣрные, служатъ фономъ, на которомъ разворачивается дѣйствіе. Герой, вполне свѣтскій человекъ, пытается забыть въ послушнѣскихъ трудахъ имя той, въ которую онъ влюбленъ. Исполняя уставъ, исповѣдая помыслы старцу, онъ мучимъ лишь однимъ — "недостаткомъ вѣры". Извѣчная проблема хорошо образованнаго, свѣтскаго юноши.

Въ результатъ: "Прощай, убогая, оплаканная келья. Скорѣе въ путь! Она меня зоветъ!" Поэма "Годъ въ монастырь" была любимымъ дѣтищемъ поэта: «Ты не можешь себѣ представить, — писалъ онъ 2-го Марта 1885 года другу, — съ какимъ особеннымъ чувствомъ началъ перелистывать рукопись этой квази-поэмы, которую я не могу разлюбить... Не только каждая глава ея пережита мною, но и описаніе каждой главы имѣетъ свою исторію».

Однокашникъ А. Н. Апухтина по Училищу Правовѣденія П. И. Чайковскій былъ восхищенъ Валаамомъ. Во 2-ой части своего инструментальнаго сочиненія — 1-ой симфоніи, названной имъ "Угрюмый край", премьера которой состоялась 3-го Февраля 1868 года, Чайковскій воспѣлъ въ нѣжныхъ задуманныхъ мелодіяхъ и въ медленномъ вступленіи неповторимую красоту этого уголка Русской земли. Грустныя лирическія мелодіи въ симфоніи смѣняются мощными аккордами, воспроизводящими мрачный рокотъ разбушевавшейся стихіи. Благодаря быстрому переходу въ музыкѣ, голосъ безысходной тоски, одиночества у слушателя — гаснетъ, исчезаетъ среди торжественныхъ звуковъ суроваго величія.

Молодой Алексѣй Апухтинъ
въ кислой позѣ мечтателя.

ЗИМНЯЯ ГРЕЗЫ

Великій преобразователь Валаамскаго монастыря Игуменъ Дамаскинъ любилъ приглашать на Валаамъ творческую молодежь: художниковъ, писателей, музыкантовъ, чтобы они вдохновлялись и обогащали русскія творческія силы. Осенью приплылъ туда молодой Пётръ Ильичъ Чайковскій съ поэтомъ Апухтинымъ, и застрѣлъ, пока Ладога замерзала на зиму. За это время, вдохновившись, онъ написалъ свою первую симфонію, опусъ 13, которая теперь называется "Зимняя Греза", въ коей картинно изображено постепенное окутываніе Валаама метелью и бурей въ заколдованное ледяное царство съ выюгами и снѣгопадомъ въ вихревомъ танцѣ...

АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ АПУХТИНЪ,

русскій поэтъ, прозаикъ. Родился 15-го (27) Ноября 1840 г. въ г. Болховѣ Орловской губерніи. Происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода Апухтинныхъ. Учился въ Петербургскомъ Училищѣ Правовѣденія (1852—1859), гдѣ подружился съ П. И. Чайковскимъ. Служилъ въ Министерствѣ Юстиціи, съ 1862 жилъ въ родовомъ имѣніи въ Орловской губерніи; въ 1863—1865 — старшій чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ; затѣмъ въ Петербургъ числился чиновникомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; нѣсколько разъ бывалъ за границей. Писалъ стихи съ дѣтства, по свидѣтельству брата композитора М. И. Чайковскаго, пользовался покровительствомъ И. С. Тургенева и А. А. Фета.
Умеръ Апухтинъ въ Петербургѣ 17-го (29) Іюля 1893 г.

Михаилъ Покръсвеніе

КЪ ПОЭМЪ "ГОДЪ ВЪ МОНАСТЫРЬ"

О, возврати мнѣ вновь огонь, и вдохновень,
И свѣтлую любовь недавней старины,
И нашихъ первыхъ встрѣчь
счастливое волненье,
И красотой твоей навѣянные сны!

Останови на мнѣ чарующіе взоры,
Когда-то ласково встрѣчавшіе мой стихъ,
Дай мнѣ услышать вновь бывлые разговоры,
Довѣрчивый разговоръ надѣждь и думъ твоихъ.

Опять настрою я ослабленную лиру,
Опять я жить начну, не мучась, но любя,
И пусть погибну я — но на прощанье міру
Хочу я бросить гѣснь, достойную тебя.

1883

15-го Января

О, наконец! Изъ вражескаго стана
Я убѣжалъ, израненный боецъ...
Изъ міра лжи, измѣны и обмана
Полуживой я спасаю наконец!
Въ моей душѣ ни злобы нѣтъ, ни мшеница,
На подвиги и жертвы я готовъ...

Обитель мира, смерти и забвенья,
Прими меня подъ твой смиренный кровъ!

16-го Января

Игуменъ призываетъ меня. Онъ важенъ,
Но обходительнъ; радушно заявляя,
Что я къ монастырю ужъ "приукаженъ",
И камилавкою меня благословляя.
Загѣмъ сказалъ: "Ты будешь въ послушаньи
У Старца Михаила. Онъ стоитъ
Какъ нѣкій столпъ межъ насъ, имъ нашъ
украшенъ скитъ,

И онъ у всѣхъ въ великомъ почитаньи.
Всѣ помыслы ему ты должен открывать
И исполнять безропотно вельнья,
Да снизойдетъ къ тебѣ Господня благодать
И да обрящешь путь спасенья!"

Итакъ, свершилось: я — монахъ!
И въ первый разъ въ своей одѣждѣ новой
Ко всеобщей пошлѣ. Въ ребяческихъ мечтахъ
Мнѣ такъ пленительно звучало это слово,

И раемъ монастырь казался мнѣ тогда.
Потомъ я въ омутъ жизни окунулся
И въру потерялъ... Но вотъ прошли года, —
И къ дѣтскимъ грезамъ снова я вернулся.

1-го Декабря

Ужъ двѣ недѣли я живу въ монастырѣ
Среди молчанія и тишины глубокой.
Нашъ монастырь построенъ на горѣ
И обнесенъ оградой высокой.
Изъ башни лѣтомъ видъ чудесный, говорятъ,
На дальніе лѣса, озера и селенія;
Межъ кельями разбросанными — садъ,
Гдѣ множество цвѣтовъ и рѣдкіе растенія
(Цвѣтами монастыря нашъ славился давно).
Весной въ немъ рай земной, но нынѣ
Глубокимъ снѣгомъ все занесено,
Все кажется мнѣ бѣлою пустошей,
И только куполы церкви
Сверкаютъ золотомъ надъ ней.
Направо отъ воротъ, вблизи собора,
Изъ-за деревъ едва видна,
Моя ютится келья въ два окна.
Приманки мало въ ней для суетнаго взора:
Дошатая кровать, покрытая ковромъ,
Два стула кожанныхъ, межъ оконъ столъ дубовый
И полка книгъ церковныхъ надъ столомъ;
Въ кіотѣ ликъ Христа, на Немъ вѣнцъ
терновый.

Жизнь монастырская безъ буръ и безъ страстей
Мнѣ кажется какимъ-то сномъ беспечнымъ.
Не слышу светскихъ фразъ, затверженныхъ
рѣчей

Съ ихъ вѣчной ложью и злословьемъ вѣчнымъ,
Не вижу пошлыхъ, злобныхъ лицъ...

Одно смущаетъ: недостатокъ вѣры,
Но Богъ поможетъ мнѣ; Его любви нѣтъ мѣры
И милосердію нѣтъ границъ!

Проснувшись, каждый день я къ Старцу
Михаилу

Иду на послушанье въ скитъ.
Ему на видъ лѣтъ сто, онъ ходитъ черезъ силу,
Но взоръ его сверкаетъ и горитъ
Глубокой, крѣпкой вѣрой въ Бога
И въ душу смотритъ пристально и строго.
Вчера сказалъ онъ съ гнѣвомъ мнѣ,
Что одержимъ я духомъ своеволюя
И гордости, подобно сатанѣ;
Потомъ повелъ меня въ подполье
И показали мнѣ гробъ, въ которомъ тридцать
лѣтъ

Спитъ, какъ мертвецъ, онъ, саваномъ одѣтъ,
Готовясь къ жизни безконечной...
Я съ умиленьемъ и горестью сердечной

Братский корпус.

Смотрѣлъ на этотъ одръ унынья и борьбы.
 Но Старецъ спитъ въ немъ только лѣтомъ;
 Теперь въ гробу суровомъ этомъ
 Хранятся овощи, картофель и грибы.

10-го Декабря

День знаменательный, и как бы я его
 Могъ описать, когда бы былъ поэтомъ!
 По приказанью Старца моего
 Поѣхалъ я рубить дрова съ разсвѣтомъ
 Въ сосновый боръ. Я помню, въ первый разъ
 Я проѣзжалъ его, томимъ тяжелой думой;
 Октябрьскій сѣрый вечеръ гасъ,
 И лѣсъ казался мнѣ могилою утрюмой:
 Такъ былъ тогда онъ мраченъ и унылъ!
 Теперь блеснуть онъ мнѣ красую небывалой.
 Въ восторгѣ, какъ ребенокъ малый,
 Я вѣжды широко раскрылъ.
 Покрыта парчевымъ блестящимъ одѣяньемъ,
 Стояла предо мной гигантская сосна;
 Кругомъ глубокая такая тишина,
 Что нарушать ее боялся я дыханьемъ.
 Деревья стройные, какъ небеса свѣтлы,
 Вели, казалось, въ глубь серебрянаго сада,
 И хлопья снѣжные, пушисты, тяжелы,
 Повисли на вѣтвяхъ, какъ гроздья винограда.

И долго я стоялъ безъ мыслей и безъ словъ...
 Когда же топора впервые звукъ раздался,
 Весь лѣсъ заговорилъ, затопалъ, засмѣялся
 Какъ бы отъ тысячи невидимыхъ шаговъ.
 А щеки мнѣ шипаль морозъ сердитый,
 И я рубилъ, рубилъ, одинъ въ глуши лѣсной...
 Къ полудню возвратился я домой
 Усталый, инею покрытый.
 О, никогда, мои друзья,
 Такъ не былъ веселъ и доволенъ я
 На вашихъ сходкахъ монотонныхъ
 И на циническихъ пирахъ,
 На вашихъ раутахъ игриво-похоронныхъ,
 На вашихъ скучныхъ пикникахъ!

12-го Декабря

Невѣріе мое меня томитъ и мучитъ,
 Я слѣпо вѣрить не могу.
 Пусть разумъ вѣры врагъ и насть лукаво учитъ,
 Но нехотя внимаю я врагу.
 Увы, заблудшаго овца я въ Божьемъ стадѣ...
 Нашъ ризничій — извѣстный Варлаамъ —
 Читалъ сегодня проповѣдь объ адѣ.
 Подробно, радостно, какъ будто видѣлъ самъ,
 Описывалъ, что дѣлается тамъ:
 И стоны грѣшниковъ, молящихся о пошадѣ,

Скрытый в туманѣ Никольскій скитъ.

И совѣсти, и глазъ, и рукъ, и ногъ
 Разнообразные страданья...
 Я заглушить въ душѣ не могъ негодованья.
 Ужели правосудный Богъ
 За краткій мигъ грѣхопаденья
 Насъ мукой вѣчною казнить?
 И вечеромъ побрелъ я въ скитъ,
 Чтобъ эти мысли и сомнѣнья
 Повѣдать Старцу. Старецъ Михаилъ
 Отчасти только мне сомнѣнья разрешилъ.
 Онъ мнѣ сказалъ, что, вѣрно, съ колобели
 Во мнѣ всѣ мысли грѣшныя живутъ,
 Что я смердящій пестъ и дьявольскій сосудъ...
 Да, помыслы мои успѣха не имѣли!

20-го Декабря

Увы! меня открыли! Пишеть братъ,
 Что всюду о моемъ побѣгѣ говорятъ,
 Что всѣ смѣются до упаду,
 Что басней города я сталь, къ стыду друзей,
 И проситъ прекратить скорѣй
 Мою, какъ говорить онъ, "ескападу".
 Я — басня города! Не все ли мнѣ равно?
 Въ далекой, ранней юности, бывало,
 Боялся я того, что можетъ быть смѣшно,
 Но это чувство скоро миновало.
 Теперь, когда съ людьми всѣ связи порваны,
 Какъ сами мнѣ они и жалки, и смѣшны!
 Мнѣ дѣла нѣтъ до мнѣня свѣта,
 Но мнѣніе одно хотѣлъ бы я узнать...

Что говорить она? Впервые слово это
 Я занову въ завѣтную тетрадь...
 Ее не назвалъ я... но что-то
 Кольнуло сердце, какъ ножомъ.
 Ужель ничѣмъ, ничѣмъ: ни трудною работой,
 Ни долгою молитвой, ни постомъ
 Изъ сердца вырвать не придется
 Воспоминаній роковыхъ?
 Оно, какъ прежде, ими бьется,
 Они и въ снахъ, и въ помыслахъ моихъ,
 Смѣшно же лгать передъ самимъ собою...
 Но этихъ помысловъ я Старцу не открою!

24-го Декабря

Восторженный канонъ Дамаскина
 У всеношной сегодня гѣли,
 И умиленіемъ душа была полна,
 И чудные слова мнѣ душу разогрѣли.
 "Владыка въ древности чудесно спасъ народъ..."
 О вѣрю, вѣрю. Онъ и въ наши дни придетъ
 И чудеса свершитъ другіе.
 О Боже! не народъ — послѣдній изъ людей
 Зоветь Тебя, тоскою смертной полный...
 Въ моей душѣ бушуютъ также волны
 Воспоминаній и страстей.
 Онъ волны осушилъ морскіе
 О, осуши же ихъ своей могучей дланью!
 Какъ солнцемъ освѣти грѣховныхъ мыслей тьму!
 О, снизойди къ ничтожному созданью!
 О, помоги невѣрью моему!

31-10 Декабря

На монастырской башнѣ полночь бьет,
И въ бездну падаетъ тяжелый, грустный голь.
Я съ нимъ простился тихо, хладнокровно,
Одинъ въ своемъ углу: все спитъ въ монастырѣ.

У насъ и службы нѣтъ церковной,
Здѣсь Новый годъ встрѣчаютъ въ сентябрѣ.
Въ міру, бывало, я, въ гостиной шумной стоя,
Вель тихій разговоръ съ судьбой наединѣ.

Молилъ я счастья, — теперь молю покоя...
Чего еще желать, къ чему стремиться мнѣ?
А годъ тому назад... Мы были вмѣстѣ съ нѣю,

Какъ будущее намъ казалось свѣтло,
Какъ сердце жгла она улыбку своею,
Какъ платье блое къ ней шло!

11-10 Января

Сегодня сценою печальной
Весь монастырь взволнованъ быть.
Есть послушникъ у насъ, по имени Кирилъ.
Пришелъ онъ изъ Сибири дальней
Еще вѣсной и всѣ привлекъ сердца
Своею кротостью и вѣрой безъ предѣла.
Онъ сынъ единственный богатаго купца,
Но вѣрой пламенной душа его горѣла
Отъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Таилъ онъ мысль

свою,
И вотъ однажды бросилъ домъ, сѣмью,
Оставивши письмо, что на служенье Богу
Уходитъ онъ. Отецъ и мать
Чуть не сошли съ ума; потомъ его искать
Отправились въ безвѣстную дорогу.
Сѣмь мѣсяцев, влача томительные дни,
По всѣмъ монастырямъ скитались они.
Вчера съ надѣждою послѣдней
Приѣхали сюда, не зная ничего,
И нынче вдруг за раннею обѣдней
Увидѣли Кириушу своего...
Вся братія стояла у собора,
Кирилъ молчалъ, не поднимая взора.
Отецъ — осанистый, сѣдой какъ лунъ старикъ —
Степенно началъ рѣчь, но столько впечатлѣній
Не вынесла душа: онъ головой поникъ
И сталъ предъ сыномъ на колѣни.
Онъ заклиналъ его Христомъ,
Вернуться снова въ отчий домъ,
Онъ говорилъ, какъ жизнь ему постыла...
“На что богатства мнѣ? Кому ихъ передать?
Кириуша, воротись! Возьметъ меня могилка —
Опять придеши сюда: тебѣ недолго ждаты!”

Игумень отвѣчалъ краснорѣчиво, ясно,
Что это благодать, а не напасть,
Что горѣвать отцу напрасно,
Что сынъ его избралъ благою часть,
Что онъ грѣхи отцовскіе замолить,
Что тяжело идти отъ свѣта въ тьму,
Что, впрочемъ, онъ его остаться не неволитъ:
“Пускай рѣшасть самъ по сердцу своему!”
А мать молчала. Робкими глазами
Смотрѣла то на сына, то на храмъ,
И зарыдала вдругъ, припавъ къ его ногамъ,
И таялъ бѣлый снѣгъ подъ жгучими слѣзами.
Кирилъ блѣднѣлъ, блѣднѣлъ; въ душѣ его

опять,
Казалось, переломъ какой-то совершался,
Не выдержалъ и онъ: обнявъ отца и мать,
Заплакалъ горько... но остался.
Такъ наша жизнь идетъ: вездѣ борьба, разладъ...
Кого жъ Ты осудил, о правосудный Боже?
И правы старики, и сынъ не виноватъ,
И долгу своему игумень вѣренъ тоже...
Какъ разрѣшить вопросъ? Что радость для

однихъ,
Другимъ — причина для страданья...
Рышать я не могу задачъ такихъ...
Но только матери рыданья
Сильнѣй всего звучать въ ухахъ моихъ!

2-10 Февраля

Второе февраля... О, вечеръ роковой,
Въ который все ушло: моя свобода,
И гордость сердца, и покой...
Богъ знаетъ почему — тому назадъ три года —
Забрелъ я къ ней. Она была больна,
Но приняла меня. До этихъ поръ мы въ свѣтѣ
Встрѣчались часто съ ней, и встрѣчи эти
Меня порой лишали сна
И жгли тревогою минутной,
Какъ бы предчувствіемъ далекимъ... но пока
Въ душѣ то чувство жило сумтно,
Какъ подо льдомъ живетъ бурливая рѣка.
Она была больна, ся лицо горѣло,
И въ лихорадочномъ огнѣ
Съ такой рѣшимостью, съ такой отвагой смѣлою
Глубокий взоръ ея скользилъ по мнѣ!
Отъ блной лампы свѣтъ ложился такъ привѣтно;
Часы летѣли. Мы вдвоємъ,
Шути, смѣясь, болтали обо всемъ,
И тихий вечеръ канулъ незамѣтно.
А въ сердцѣ, какъ девятый валь,
Могучей страсти пылъ и росъ и поднимался,
Все поняла она, но я не понималъ...
Не помню, какъ я с ней разстался,
Какъ вышелъ я въ туманъ на крыльцо...

Преображенский собор виден в туманной дали за Монастырской бухтой.

Когда жь нѣмая ночь пахнула мнѣ въ лицо,
Я понялъ, что меня влечет несуджимо
Къ ея ногамъ... и въ сладкомъ забытіи
Вернулся я домой... о, мимо, мимо,
Воспоминанія мои!

7-го Февраля

Зачѣмъ былого пылъ тревожный
Ворвался вихремъ въ жизнь мою
И разбудилъ несосторожно
Въ груди дремавшую змею?
Она опять вонзила въ сердце жало,
По старымъ ранамъ вьется и ползетъ,
И мучитъ, мучитъ, какъ бывало,
И мнѣ молиться не дастъ.
А завтра постъ. Дрожа отъ страха,
Впервые исповѣдъ монаха
Я долженъ Богу принести...
Пошли же, Господи, мнѣ силу на пути,
Дай мнѣ источникъ слезъ и чистые восторги,
Вручи мнѣ крѣпкое копье,
Которымъ, какъ Святой Георгій,
Я бь раздвинулъ прошедшее мое!

9-го Февраля (Изъ Великаго Канона)

Помощникъ, Покровитель мой!
Явился Онъ ко мнѣ, и я отъ мукъ избавленъ,
Онъ Богъ мой, словно Онъ прославленъ,
И вознесу Его я скорбною душою.

Съ чего начну свои оплакивать дѣянья,
Какое положу начало для рыданья
О грѣшномъ, пройденномъ пути?
Но, Милосердый, Ты меня прости!

Душа несчастная! Какъ Ева,
Полна ты страха и стыда...
Зачѣмъ, зачѣмъ, коснувшись дѣрева,
Вкусила ты безумнаго плода?

За что Адамъ достойно изгнанъ быть изъ рая
За то, что заповѣдь одну не сохранить:
А я какую кару заслужилъ,
Твои вѣлнья вѣчно нарушая?

Отъ юности моей погрязнулъ я въ страстяхъ,
Богатство растѣрялъ, какъ жалкій расточитель,
Но не отринь меня, поверженнаго въ прахъ,
Хоть при концѣ спаси меня, Спаситель!

Весь язвами и ранами покрытъ,
Страдаю я невыносимо;
Увидѣвши меня, прошелъ священникъ мимо
И отвернулся, набожный левитъ...

Но Ты, извлекай мнѣ изъ тьмы могильной,
О, сжался надо мной! — мой близится конецъ...
Какъ сына блуднаго прими меня, Отецъ!
Спаси, спаси меня, Всесильный!

13-го Февраля

Труды говнѣя я твердо перенесъ,
Господь пошлалъ мнѣ много теплыхъ слѣзъ
И покаянья искреннее слово...
Но нынѣ — въ день причастія святаго, —
Когда къ часамъ я шель въ соборъ,
Передо мною женщина входила...
Я зароджалъ, какъ листъ, вся кровь во мнѣ
Застыла,
О, Боже мой! она!.. Упорный, долгій взоръ!
Ее заставилъ оглянуться,
Нѣтъ, обманулъ я. Какъ могъ я обмануться?
И сходства не было: ея походка, ростъ
И только... Но съ тѣхъ поръ я исповѣдъ и постъ —
Все позабылъ, молиться я не смѣю,
Покинула меня святая благодать,
Я снова полонъ только сую.

Воцарение зимы.

Могли бы быть еще моим удѣломъ,
А между тѣмъ я жалкій трупъ душой.
Мнѣ мѣста въ мирѣ нѣтъ. Давно ли
Я полной жизнью жилъ и гордо жаждалъ воли,
Надѣялся на счастье и покой?
Отъ тѣхъ надѣждъ и тѣни не осталось,
И призракъ юности исчезъ...
А въ церкви громко раздавалось:
"Христось Воскресъ! Христось Воскресъ!"

2-ю Мая

"Она была твоя!" — шепталь мнѣ вечеръ мая,
Дразнила долго пѣсня соловья,
Теперь онъ замолчалъ, и эта ночь нѣмая
Мнѣ шепчетъ вновь: "Она была твоя!"
Как листья тополей в сѣяны серебристомъ,
Мерцаетъ прошлое, погибшее давно;
О немъ мнѣ говорятъ и звѣзды въ небѣ чистомъ,
И запахъ резеды, ворвавшийся въ окно.
И нѣкуда бѣжать, и мучить ночь нѣмая,
Рисуя милья, знакомыя черты...
О незабвенная, о вѣчно дорогая,
Откликнись, отзовись, скажи мнѣ: гдѣ же ты?
Вот видишь: безъ тебя мнѣ жить невыносимо,
Я изнемогъ, я выбился изъ силъ;
Обиды, горе, зло — я все забылъ, простилъ,
Одна любовь во мнѣ горитъ неугасимо!
Дай подышать съ тобой мнѣ воздухомъ однимъ,
Откликнись, отзовись, явился хоть на мгновенье,
А там пускай опять хоть годы заточенья
Съ могильнымъ холодомъ своимъ!

4-ю Мая

Двѣ ночи страшныя одинъ въ тоскѣ безгласной,
Не зная отдыха, ни сна,
Я просидѣлъ у этого окна,
И третья ночь прошла, чуть брезжить день
ненастный,
По небу тучи сѣрые ползутъ.
Сейчасъ ударитъ колоколъ соборный,
По всѣмъ дорожкамъ сада тамъ и тутъ
Монахи медленно в своей одѣждѣ черной,
Какъ привидѣнія, идутъ.
И я туда пойду, попробую забыться,
Попробую унять бушующую страсть,
Къ ногамъ Спасителя упасть
И долго плакать и молиться!

28-ю Мая

О Ты, Который мнѣ и жизнь и разумъ далъ,
Котораго я съ дѣтства чтить душою
И Милосерднымъ называлъ!
Въ нѣмомъ отчаяньи стою я предъ Тобою!
Всѣ наши помыслы и чувства отъ Тебя,
Мы дышимъ, движемся. Твоей покорны
И твоей власти...

Зачѣмъ же Ты карашь насъ за страсти,
Зачѣмъ же мы такъ мучимся, любя?
И, если отъ грѣха намъ убѣжать случится,
Онъ гонится за нами по пятамъ,
Въ убогой кельѣ грѣзою гнѣздится,
Мечтой врывается въ Твой храмъ.
Вот я пришелъ къ Тебѣ, измученный, усталый,
Всю вѣру дѣтскихъ лѣтъ въ душѣ своей храня...

Среди туманных волнь движения.

Но Ты услышал ли призыв мой запоздалый,
Как сына блуднаго Ты принял ли меня?
О нѣтъ! въ дыму кадилъ, при звукахъ

гѣсногѣнья,

Молиться я не могъ, и образъ роковой
Преслѣдовать, томилъ, смѣялся надо мной...
Теперь я не прошу ни счастья, ни забвѣнья,
Нѣтъ у меня ни силъ, ни слезъ...
Пошли мнѣ смерть, пошли мнѣ смерть скорѣе!
Чтобъ мой языкъ, въ безумьи гѣпенгѣя,
Тебѣ хулы не произнесъ;
Чтобъ дикий стонъ послѣдней муки
Не заглушилъ молитвенный псаломъ;
Чтобъ на себя не наложишь я руки
Передъ Твоимъ безмолвнымъ алтаремъ!

25-го Сентября

Какъ на стариннаго, покинутаго друга
Смотрю я на тебя, забытая тетралъ!
Четыре мѣсяца въ томленіи недуга
Не могъ тебѣ я душу повѣрять.
За дѣрзкіе слова, за ропотъ мой грѣховный
Господь достойно покаралъ меня:
Разъ лѣтомъ иноки на паперти церковной
Меня нашли съ восходомъ дня
И въ келью принесли. Я помню, что сначала
Болѣзнь меня безжалостно терзала.
То гвоздь несносный, муча по ночамъ,
Въ моемъ мозгу пылавшемъ шевелился,
То мнѣ казалось, что какой-то храмъ
Съ колоннами ко мнѣ на грудь валится;
И горемъ я, и жадой былъ томимъ.
Потомъ утихла боль, прошли порывы горя,

И я безгласенъ, недвижимъ
Лежалъ на днѣ невѣдомаго моря.
Среди туманной, вѣчной мглы
Я видѣлъ только волнь движенье,
И были волны тѣ такъ мягки и теплы,
Такъ нѣжно меня прикосновенье
Ихъ тонкихъ струй. Особенно одна
Была хорошая, горячая волна.
Я ждалъ ее. Я часто издалека
Слѣдилъ, какъ шла она высокою стѣной,
И разбивалась надо мной,
И въ кровь мою вливалась глубоко.
Нерѣдко пробуждался я отъ сна,
И жутко было мнѣ, и ночь была черна;
Тогда, невольнымъ страхомъ полный,
Сгѣшилъ я вновь забыться сномъ,
И снова я лежалъ на днѣ морскомъ,
И снова вокругъ меня катились волны, волны...
Однажды я проснулся, и ясный
Во мнѣ явилось сознание,
Что я еще живу среди людей
И обрѣченъ на прежние страданья.
Какой тоской заняла грудь,
Какъ показался мнѣ ужасенъ міръ холодный,
И жаднымъ взоромъ я искалъ чего-нибудь,
Чтобъ прекратить мой вѣкъ безплодный...
Вдругъ образъ матери передо мной предсталъ,
Давно забытый образъ. Въ колыбели
Меня, казалось, чьи-то руки грѣли,
И чѣй-то голосъ тихо нагѣвлялъ:

“Дитя мое, съ тѣхъ поръ какъ въ гробѣ тѣсномъ
Навѣкъ меня зарыли подъ землей,
Моя душа, живя въ краю небесномъ,
Незримая, вездѣ была съ тобой.

Слѣпая ль страсть твой разумъ омрачала,
Обида ли терзала въ тишинѣ,
Я знала все, я все тебѣ прощала,
Я плакала съ тобой наединѣ.

Когда жъ къ тебѣ толпой неслися грезы
И мѣръ дремалъ, въ раздумьѣ погруженъ,
Я съ глазъ твоихъ свела молча слѣзы
И тихо улыбалася сквозъ сонъ.

И въ этотъ часъ одна я видѣть смѣла,
Какъ сердце разрывается твое...
Но я сама любила — и терпѣла,
Сама жила, — терпи, дитя мое!"

И я терплю и вяну. Дни, недѣли
Гурьбою скучной пролетѣли.

Уму ли я, иль нѣтъ, — мнѣ все равно.
Желанья тонуть въ мертвенномъ покоѣ.
И равнодушіе тупое
Въ груди осталось одно.

20-го Октября

Сейчасъ меня игумень посѣтитъ
И обявитъ мнѣ съ видомъ снисхожденія,
Что я болѣзнью грѣхъ свой искупить
И расфорного достоинъ постриженья,
Что если я произнесу объѣтъ,
Мнѣ въ мѣръ возврата больше нѣтъ.
Онъ далъ мнѣ двѣ недѣли срока,
Чтобъ укрѣпиться тѣломъ и умомъ,
Чтобы молитвой и постомъ
Очиститься отъ скверны и порока.
Не зная, что сказать, въ тоскѣ потупя взоръ,
Я молча выслушала нежданный приговоръ,
И, настоятеля принявъ благословенье,
Шатаясь, проводила до сада я его...
Въ саду все было пусто и мертво.
Все было прахъ и разрушене.
Лежалъ вездѣ туманъ густою пеленой.
Я долго взоромъ, полнымъ муки,
Смотрѣла на тополь бѣланный мой.
Какъ бы молящая, беспомощная руки,
Онъ къ небу вѣтви голыя простеръ,
И листья желтые всю землю покрывали —
Символь забвенія и печали,
Рукою смерти вытканый коверъ!

6-го Ноября

Послѣдній день свободы, колебанья
Ужъ занялся надъ тусклою землей,

Въ послѣдній разъ любви воспоминанья
Насмѣшливо прощаются со мной.

А завтра я дрожащими устами
Произнесу монашества объѣтъ.
Я въ Божій храмъ, сияющій огнями,
Войду босой и рубищемъ одѣтъ.

И надъ душой, какъ въ гробѣ мирно спящей,
Водной неслышной время протечетъ,
И къ смерти той, суровой, настоящей,
Не будетъ мнѣ замѣтенъ переходъ.

По темной, узкой лѣстницѣ шагая,
Съ трудомъ спускался я... Но близокъ день:
Я встрененусь и, посохъ свой роняя,
Сойду одну послѣднюю ступень.

Засни же, сердце! Молодости милой
Не поминай! Окончена борьба...
О Господи, теперь прости, помилуй
Мятежнаго, безумнаго раба!

Въ толькѣ два дня вѣчеромъ

Она меня зоветь! Какъ съ неба громъ нежданный
Среди холоднаго и пасмурнаго дня,
Пять строкъ ея письма упали на меня...
Что это? Бредъ иль сонъ несбыточный и
... странный?
Пять строкъ всего... но сотни умныхъ книгъ
Сказали бы меньше мнѣ. Въ груди воскресла
... сила,
И радость страшная, безумная на мигъ!
Всего меня зажала и охватила!
О да, безумецъ я! Что ждетъ меня? Позоръ!
Не въ силахъ я обдумывать рѣшенія:
Ей жизнь моя нужна, къ чему же размышленья?
Когда уйдетъ вся братія въ соборъ,
Я накануне постриженья
Отсюда убѣгу, какъ воръ,
Погоню слышашій, дрожащій подъ ударомъ...
А завтра иноки начнутъ меня судить,
И будетъ важно имъ игумень говорить:
"Да, вы его чуждалися недаромъ!
Какъ хищный волкъ онъ вторгся къ намъ,
Въ обитель праведную Божью;
Своей кощунственной ложью
Онъ осквернилъ Господній храмъ!"
Нѣтъ, вѣрите: не лгала душа моя больная,
Я оставляю здѣсь правдивый мой дневникъ,
И, можетъ быть, хотя мой грѣхъ великъ,
Меня простите вы, его читая.
А тамъ что ждетъ меня? Собранье палачей,
Ненужные слова, невольная ошибка...

Епископъ Леонтій Житомирскій.

АРХІЕПИСКОПЪ ЛЕОНТІЙ ЧИЛІЙСКІЙ

АВТОБІОГРАФІЯ

Память 19-20 Іюня (†1971)

Продолженіе, начало см. въ №№ 34-47

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ

1. ПОСЛѢДНІЙ КРЕСТНЫЙ ХОДЪ

АОСЛЬ АРЕСТА и высылки Митрополита Михаила Епископъ Макарій, почти единственный епископъ на Украинѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ управлять митрополіей изъ г. Умани, гдѣ онъ пребывалъ въ качествѣ викарнаго епископа. Но въ концѣ концовъ онъ нашелъ нужнымъ появиться въ Кіевѣ. Онъ прибылъ наканунѣ праздника крещенія Руси — памяти св. благовѣрнаго и равноапостольнаго Князя Владиміра, т. е. 14-го Іюля по старому стилю. Въ день памяти св. благ. и равноапостольнаго Князя Владиміра обычно совершался крестный ходъ на мѣсто крещенія Руси къ маленькой часовнѣ, воздвигнутой на склонахъ Днѣпра. Въ совѣтское время надо было испрашивать разрѣшеніе властей, которое все труднѣе и труднѣе было получить. Въ 1923 году оно было получено приходскимъ совѣтомъ до прибытія Еп. Макарія, которое было совершенно неожиданнымъ и для властей, и для вѣрующихъ. И вотъ наканунѣ праздника торжественную всенощную во Владимірскомъ соборѣ совершилъ Еп. Макарій. Это было его первое богослуженіе въ г. Кіевѣ. Столько мѣсяцевъ, почти годъ, не видѣли въ Кіевѣ православнаго епископа и не знали, кто управляетъ митрополіей. Впечатлѣніе было потрясающее. Высокій, худощавый, въ темныхъ очкахъ, Еп. Макарій долго, терпѣливо, внимательно и ласково мировалъ cadaго подходящаго. Вся площадь вокругъ Владимірскаго собора была полна народа,

ожидаващаго его выхода послѣ всенощной. Въ сопровожденіи двухъ монаховъ, такихъ же высокихъ, какъ онъ, Еп. Макарій быстро скрылся среди деревьевъ и прошелъ въ одну изъ боковыхъ улицъ.

На другой день Еп. Макарій возглавилъ крестный ходъ къ мѣсту крещенія Руси. Какъ всегда, этотъ крестный ходъ представлялъ величественную и внушительную картину. Службы въ остальныхъ православныхъ храмахъ были совершены немного ранѣе, чтобы всѣ приходы могли собраться по извѣстному порядку и плану. Одна вѣтъ брала свое начало изъ Печерска. Здѣсь обыкновенно соединялись въ одно слѣдующіе приходы: Кіево-Печерская Лавра съ длинной лентой своихъ многочисленныхъ священнослужителей, несшихъ свои святыни, а за ними толпа народа; по дорогѣ къ нимъ примыкалъ крестный ходъ изъ Никольскаго монастыря, Введенскаго женскаго монастыря, Ольгинской церкви и Александро-Невской церкви. Такъ было и въ этотъ памятный для всѣхъ вѣрующихъ кіевлянъ день.

Всѣ крестные ходы сошли къ бывшей Царской площади. Тамъ къ нимъ подошелъ еще болѣе внушительный крестный ходъ изъ верхняго города, т. н. Старой части, вышедшій изъ Владимірскаго собора съ Еп. Макаріемъ во главѣ. Въ него влились крестные ходы изъ церкви Маріи Магдалины, Шулявка, Желѣзной св. Іоанна Златоуста, Маріино-Благовѣщенской, Покровской Солеменской, Малой Софій, Трехсвятительской, Десятинной Рождества Пресвя-

Кієво-Печерская Лавра. Фото 1920-хх гг.

Александровскій спускъ къ Дніпру. Фото 1920-хх гг.

той Богородицы и Златоверхаго Михайловскаго монастыря. Когда эти два мощных теченія слились въ одно, это море людскихъ головъ съ длинной золотой лентой многочисленнаго духовенства представляло чудную картину, которая была особенно красива, когда медленно, съ непрерывнымъ громкимъ церковнымъ пѣніемъ крестный ходъ спустился отъ Владимірскаго горки по Александровскому спуску къ Днѣпру.

На главномъ поворотѣ у церкви Рождества Христова къ нему примкнула послѣдняя вѣтвь крестнаго хода изъ нижней части города, въ которой были причты и вѣрующіе изъ кіевскихъ предмѣстій: Прп. Серафима Саровскаго, Пушеводица, церкви св. Ап. Петра и Павла, Куреневка; Покрова, Пріорка; Константиновской Подольской церкви, Фроловскаго женскаго монастыря, Братскаго мужскаго монастыря, Притиско-Никольской Подольской церкви, Крестовоздвиженской; Макарьевской, Юрковцы; Николы Добраго, Борисо-Глѣбской, Благовѣщенской, Успенской, Воскресенской и Набережно-Никольской.

Эта грандиозная многотысячная манифестация вочюю показала безбожной власти, что Православная Церковь, все время притѣсняемая, нелегализованная, непризнанная за законную церковную организацию, дѣйствительно есть подлинная Православная народная Церковь. Слившіеся въ одинъ хоръ пѣвчѣ оглашали своимъ мощнымъ пѣніемъ немалую часть днѣпровской прибрежной части, а эхо доносило до противоположнаго берега. Это былъ послѣдній крестный ходъ въ этотъ день. Памятникъ, построенный на мѣстѣ крещенія Руси сто лѣтъ тому назадъ, сохранялся еще нѣкоторое время, а грандиозная статуя св. благ. и равноап. князя Владиміра и по сей день стоитъ надъ Днѣпромъ.

Искусственно созданные большевиками крестные ходы въ этотъ день обновленцевъ и самосвятювъ были ничтожны по сравненію съ православными,

хотя для проведенія ихъ и те, и другіе готовились заранѣе и съѣхались изъ ближайшихъ городовъ и сель. Такъ была продемонстрирована передъ совѣтской властью мощь Православной гонимой ими Церкви надъ созданными для борьбы съ нею самочинными религіозными организациями. Это предрѣшило на ближайшее время отношеніе совѣтской власти къ Православной Церкви и заставило большевиковъ нѣсколько измѣнить свою тактику, примѣняя свой особый методъ борьбы въ трехъ случаяхъ, а особенно въ отношеніи къ Православной Церкви.

2. ТАЙНЫЯ ХИРОТОНІИ

Въ томъ трудномъ положеніи, въ какомъ оказался Еп. Макарій, Еп. Парфеній оказали незамѣнимыя услуги Православной Церкви на Украинѣ. Онѣ посѣтили Еп. Макарія и предложили ему, ввиду того, что Церковь была обезглавлена, совершить нѣсколько тайныхъ епископскихъ хиротоній. И вотъ въ маленькой верхней церкви Религіозно-просвѣтительнаго Общества и, какъ бы въ Сіонской горницѣ, въ дальнихъ пещерахъ въ Кієво-Печерской Лаврѣ, въ теченіе ряда ночей безшумно, въ полутьмѣ, вдводемъ они тайно хиротонисали во епископы нѣсколько достойныхъ вдовыхъ священниковъ, предварительно постриженныхъ въ монахи: Еп. Вышгородскаго Феодора, Еп. Радомысльскаго Сергія (Куминскаго), Еп. Сквирскаго Аванасія (Молчановскаго) и еще кое-кого. Предполагалось, что эти епископы подъ видомъ простыхъ священниковъ будутъ обходить свои районы, укрѣпляя вѣрныхъ православныхъ мірянъ и духовенство. Къ сожалѣнію, недолго удалось сохранить тайну. Еп. Макарія вызвали въ ГПУ и приказали ему немедленно разскретить этихъ епископовъ. А послѣ 1930 года изъ-за усиленія сыска такой церковной дѣятельности стало вообще невозможнымъ заниматься.

Чтобы не обратить на себя вниманія своей дѣятельностью, еп. Парфеній, сдѣлавъ такое большое

Владимірскій соборъ въ Кіевѣ. Фото 1920-хъ гг.

Памятникъ Кн. Владиміру наль Дніпрѣ.

для Церкви дѣло, выхаль въ Москву, гдѣ его приняли какъ гостя въ Даниловомъ монастырѣ, которымъ управляетъ въ то время Архіеп. Ѳеодоръ Волоколамскій (Поздѣвъ), послѣдній ректоръ Московской Духовной Академіи.

Между тѣмъ Еп. Макарій перемѣшку съ отсиживаніемъ въ тюрьмѣ продолжалъ управлять митрополіей съ помощью поставленныхъ имъ епископовъ. Ему, какъ и Митроп. Михаилу, приходилось одинаково бороться какъ съ обновленцами, такъ и съ самосвятами. Послѣдніе, впрочемъ, относились къ нему съ меньшимъ ожесточеніемъ, ставя ему въ службу его украинское происхожденіе и употребленіе украинскаго языка въ разговорахъ со священниками, привыкшими говорить на этомъ языкѣ, и мірянами.

Зато усиленно досаждали ему обновленцы. Особенно тяжело для Украины былъ 1924 годъ, т. к. большевики рѣшили на церковномъ фронтѣ, какъ они говорили, ударить по всѣмъ позиціямъ. Все обновленческое зло по заданію ГПУ исходило тогда изъ центра, коимъ по мѣсту пребыванія совѣтскаго правительства на Украинѣ считался Харьковъ. Оттуда исходили всѣ директивы черезъ обновленческой синодъ всей Украины. Его возглавлялъ бывший викарій Балтскій, о которомъ мы уже упоминали, Еп. Пимень (Пѣговъ). Онъ со своими единомышленниками получалъ въ свою очередь директивы изъ центрального московскаго высшаго церковнаго обновленческаго управления, или, какъ его тогда называли, ВСУ. Но всѣмъ, конечно, заправляло московское ГПУ на Лубянкѣ.

3. УКЛОНЕНИЕ ВЪ РАСКОЛЬ

Напрасно нѣкоторые бывшіе обновленцы, какъ т. н. Митр. Серафимъ (Ляде) послѣдствіи заграничій уѣзья въ сѣхъ, что, моль, обновленчество на Украинѣ иное, что оно не шло такъ далеко въ своихъ реформахъ, какъ въ Россіи, все равно по сути и идеологически оно было одно и то же и къ нему всѣ пра-

вославные, духовенство и міряне, относились такъ же, какъ въ Россіи. Ни одинъ изъ украинскихъ обновленческихъ епископовъ не былъ принятъ въ сушемъ санѣ, если получилъ рукоположеніе отъ епископа-обновленца, даже бывшаго православнаго, но осужденнаго церковной властью, Святѣйшимъ Патріархомъ Тихономъ. Если среди нихъ были люди, попавшіе по невѣдѣнію, искренніе, ихъ вторично рукополагали. Такъ было съ Еп. Антоніемъ Мариупольскимъ, вновь рукоположеннымъ Свят. Патріархомъ Тихономъ. Что касается епископовъ, отпавшихъ отъ Православной Церкви и дѣйствовавшихъ въ контактѣ съ совѣтскими властями по разрушенію Православной Церкви, всѣ они были отлучены отъ Православія, АНАТѢМАТСТВОВАНЫ и лишены права священнослуженія.

Этому осужденію и запрещенію на Украинѣ были подвергнуты слѣдующіе бывшіе православные епископы: Пимень Балтскій, Ѳеофилъ Лубенскій, котораго въ Полтавѣ судилъ церковный судъ, состоявшій изъ викарныхъ епископовъ Полтавской епархіи и другихъ во главѣ съ Митрополитомъ Полтавскимъ Григоріемъ всего изъ 12-ти епископовъ. Былъ составленъ соотвѣствующій актъ, подтвержденный Святѣйшимъ Патріархомъ Тихономъ и обнародованный по всей Украинской Православной Церкви. Затѣмъ, епископы, уклонившіеся въ обновленчество: Алексѣй Чистопольскій (Баженовъ), Лоллій, викарій Подольскій Александръ Бердичевскій (Чекановскій). Архіеп. Агапитель Екатеринославскій. Большевики устроили въ Екатеринославѣ показательный процессъ надъ Архіеп. Агапитомъ, обвиняя его въ сокрытіи цѣнностей по доносу его клирики, Іером. Іоаннишка (Соколовскаго), впоследствии тоже уклонившагося въ расколъ уже въ санѣ епископа. Послѣ осужденія Архіеп. Агапиту предложили или долгодѣнее заключеніе въ тюрьмѣ, или признаніе обновленческаго синода. По малодушію, испугавшись тюрьмы, въ которой онъ уже

сидѣть предварительно, АРХИЕП. АГАПИТЬ не устоялъ и призналъ обновленческой синодъ. За это получил свободу. На свободѣ его вскорѣ понесли лошади и онъ получил переломъ ногъ. Въ этомъ онъ усмотрѣлъ наказаніе Божіе и покаялся. За это былъ вновь посаженъ въ тюрьму, гдѣ заболѣлъ, и его, больного, выбросили на улицу. Добрые люди подобрали его и онъ у нихъ вскорѣ скончался. Его викарія, Еп. Павлоградскаго ЕВЛАМПІЯ, вѣтхаго старца, замучили въ тюрьмѣ. Ему рвали волосы съ головы и изъ бороды, такъ что когда его посадили въ обшюю камеру, заключенные ужаснулись его страшнаго вида. Но все таки онъ не призналъ обновленцевъ. Я хорошо зналъ какъ Владыку Агапита, такъ и Владыку Евлампія. Были очень хорошіе люди и дѣлали много добра бѣднымъ.

Въ Одессѣ по доносу обновленцевъ былъ посаженъ въ тюрьму Архiep. Феодосій. А его викарія поступилъ, какъ Вл. Агапитъ вначалѣ, но потомъ не нашелъ мужества покаяться и искупить свою вину. Скончался въ санѣ обновленческаго митрополита въ г. Казани. Въ г. Винницѣ благодаря обновленцамъ былъ арестованъ и сосланъ АРХИЕП. АМВРОСІЙ, который изъ ссылки не вернулся. Въ г. Херсонѣ такъ же отъ нихъ пострадалъ ЕП. ПРОКОПИЙ. Въ г. Житомирѣ — АРХИЕП. АВЕРКІЙ и ЕП. МАКСИМЪ. Оба были арестованы и сосланы, черезъ нѣсколько лѣтъ вернулись въ Житомиръ, но недолго были на свободѣ. Въ г. Полтавѣ пострадалъ ЕП. ВАСИЛІЙ.

Роль агитатора въ пользу обновленцевъ часто исполялъ Еп. Пимень. Однажды онъ явился къ нашему кievскому викарію, ЕП. УМАНСКОМУ ДИМИТРИЮ и сталъ склонять его къ принятію обновленчества, — иначе, молъ, будетъ плохо. Еп. Димитрій ему отвѣтилъ: «Отойди, сатана!» Вообще украинскіе обновленцы по указкѣ ГПУ дѣлали на Украинѣ все то, что въ Россіи. Когда совѣтское правительство намѣревалось разстрѣлять Свят. Патриарха Тихона, то по всей Украинѣ обновленцы выносили свои постановленія о томъ, чтобы Святѣйшаго судили какъ можно строже. Послѣ этого неужели обновленцы, орудовавшіе рука объ руку съ коммунистами на Украинѣ, могутъ говорить, что они лучше тѣхъ, которые были въ Россіи! Одно и то же исчадіе ада!

Въ борьбѣ съ обновленцами Кіевъ оказался на высотѣ своего положенія колыбели христіанства на Руси и стойко вынесъ ихъ напоръ при содѣйствіи большевиковъ.

Въ 1924 г. большевики отняли отъ православныхъ знаменитый Владимірскій соборъ, Владимірс-

кую церковь, Маріино-Благовѣщенскую и обновляющуюся Срѣтенскую церкви.

4. ПОРУГАНІЕ СВЯТЫНЪ

Особенно великимъ ударомъ по Православію было предварительное поруганіе и оскверненіе обновленцами, а затѣмъ и передача имъ ГПУ всенародной православной святыни — Кіево-Печерской Успенской Лавры 2 (15)-го Декабря 1924 года, въ день памяти Прп. Аванасія Печерскаго Плачущаго. Нелегко жилось въ ту пору населенникамъ Лавры. Изъ подвизавшихся тамъ до революціи 1500 человекъ къ моменту ея закрытія осталось около трехсотъ и еще приблизительно сто проживавшихъ въ лаврскихъ пустыняхъ: Китаевской, Голосѣвской, Преображенской, да и въ качествѣ приходскихъ священниковъ въ провинціи, замѣнявшихъ выбывшихъ (арестованныхъ и сосланныхъ) священниковъ. Большевики начали притѣнять лаврскую братію, какъ только пришли къ власти. Отняли лучшіе братскіе жилые корпуса, электрическую станцію, а машины и все оборудование вывезли въ г. Переяславъ. Реквизировали типографію съ огромнымъ запасомъ книгъ и иконъ. Церковно-богослужебныя книги пустили на базары, какъ оборочную бумагу для кульковъ. Забрали всѣ мастерскіе, гдѣ монахи и послушники работали по всевозможнымъ отраслямъ. Взяли подъ контроль и митропольчю, и братскую бібліотеку, часть шкафовъ съ книгами опечатали. Изгнали митрополита изъ его дома и предоставили ему маленькую комнатку въ домѣ намѣстника.

Архiep. Агапитъ
(Вишневскій)

Со своей т. н. «медицинской комиссіей» вскрыли всѣ мощи печерскихъ святыхъ, сотни лѣтъ почивавшихъ нетленными, несмотря на близость Днѣпра и неблагоприятные для этого качества почвы въ самихъ пещерахъ. Отняли сады, пруды и огороды — послѣдній источникъ существованія Лавры. Все это дѣлалось умышленно, чтобы создать трудные матеріальные и моральные условия и этимъ заставить населенниковъ разойтись. Но Лаврская братія любила свою обитель и дорожила ею. Поэтому невзирая на холодъ и голодъ, все же какъ-то жила и добровольно не расходилась. Многие монахи ходили работать къ частнымъ лицамъ, копали огороды, чистили сады, пилили дрова, стolarничали, портняжничали, рукодѣльничали, и такъ жили, благодаря Бога и прося, чтобы не было хуже. Не разъ большевики поднимали кампанію за закрытіе Лавры, какъ они практиковали по всей Россіи, когда намѣчали къ закрытію какой-либо монастырь.

Красноармейцы пропагандировали атеизмъ. Слабо разбиравшіеся въ вопросахъ вѣры, но уже успѣвшіе побывать на антирелигіозныхъ докладахъ,

они старались примитивно доказывать, что Бога нѣтъ и что все это ради корыстныхъ цѣлей выдумали попы, и т. п. безсмыслицы. Я вспомнилъ характерный случай, который произошел во время моего пребывания въ Петербургѣ, въ пользовавшимся мировой извѣстностью проф. И. Павловымъ. Человѣкъ вѣрующей, какъ и всѣ истинные ученые, онъ шель однажды въ свой любимый Знаменскій храмъ. На паперти его остановить распропагандировавшійся красноармеецъ: «Куда идешь, старина?» — «Да въ церковь, Богу помолиться», — отвѣтилъ проф. Павловъ. «Да вѣдь Бога-то нѣтъ, — сказалъ красноармеецъ и, сокрушенно покачавъ головою, добавилъ, — Эхъ, темнота, темнота»

На такія «мудрыя» рѣчи наши простые старушки и смекалнстыя деревенскія теткн такъ умѣли отвѣтить, что красноармейцы прекращали свою пропаганду и только наблюдали живую многотысячную интересную толпу вѣрующнхъ. А среди нихъ были и такіе, которые радовались возможности, пользуясь сумятицей и неразберихой, хоть немного подышать другимъ воздухомъ, роднымъ, православнымъ, недавно оставленнымъ ими дома. Объ этомъ свидѣтельствовали ихъ добрые и привѣтливые лица.

Послѣ Пасхи въ Лаврѣ вновь были произведены аресты среди братья. Арестованные были посажены въ Лукьяновскую тюрьму, называвшуюся тогда «ДОПР» (домъ принудительныхъ работъ). Арестованнымъ предъявили обвиненіе въ сокрытіи церковныхъ цѣнностей, хотя незадолго до арестовъ почти дочиста ограбили Лавру и награбленное увезли. Забрали немало серебра, золота, драгоценныхъ камней, чаши, кресты и другія церковныя вещи. Это вѣками накопленное народное достояніе лежало въ Лаврѣ, какъ въ несгораемомъ шкафу. Судя по описанью, были вещи, представлявшія большую историческую цѣнность, напоминавшія славное прошлое нашей страны и народа, дары князей, императоровъ, императрицъ, славныхъ гетмановъ Украины, Дона и Кубани, и просто отдѣльныхъ выдающихся какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ дѣятелей. До времени были оставлены въ лаврскихъ ризничихъ поломанные деревянные кресты, нѣкогда бывшіе въ цѣнной оправѣ, разорванные Евангелія, т. к. цѣнные металлическіе переплеты были оторваны, распорота жемчужная ризы, чудесная работы православныхъ женщинъ, которая годами вышивались вручную. Не довольствуясь тѣмъ, что взяли и использовали не по назначенію, хотѣли еще что-нибудь заподучить, можетъ быть припрятанное.

5. ПОСЛѢДНЕЕ УСПЕНІЕ

Наступала осень, приближался лаврскій храмовый престольный праздникъ Успенія Божіей Матери 15 (28)-го Августа. На это торжество предлагалось прибыть Свят. Патриархъ Тихонъ, но въ послѣднюю минуту власти его не пустили, опасаясь такого необычнаго религиознаго подъема, какой имѣлъ мѣсто въ Петербургѣ, когда онъ посѣтилъ его незадолго до убійства Митрополита Вениамина. Совѣтская власть не могла забыть и простить ликованіе многотысячнаго русскаго православнаго народа, никѣмъ не стоняемаго силой и принужденіемъ, какъ это водится у большевиковъ. А древній Кіевъ, мать русскнхъ городовъ, хотя и плѣненный безбожной силой, собрался встрѣтить его не менѣе торжественно, чѣмъ въ Петроградѣ. Приблизительно за недѣлю до праздника Кіевъ начали наводнять богомольцы, пришельцы изъ окрестныхъ городовъ и сель. Группы, группы и одиночки съ сумками за плечами тянулись эти Божьи души въ Кіевъ. Слухъ о прїѣздѣ Патриарха разнесся по обширнымъ степнямъ и весямъ Украины. Каждой чуткой вѣрующей душѣ было понятно, что при настоящемъ положеніи и политикѣ совѣтской власти въ отношеніи Православной Церкви недалекъ день и часъ, когда придется разстаться съ этой многовѣковой

Прп. Аванасій Кіевско-Печерскій Плачущій. Ксилографія.

пра-вославной святаней. Пойдемъ, думали многие вѣрующія души, хоть послѣдній разъ на богомолье и тамъ помолмся. По словамъ старожиловъ на этотъ разъ богомольцевъ собралось не менѣе 60-ти тысячъ человекъ.

Но не могли ихъ встрѣтить, какъ когда-то въ доброе старое время духовно и материально встрѣчала Лавра богомольцевъ, представляя имъ въ теченіе недѣли для бѣдныхъ безплатный кровъ и монастырскую здороную пищу. Двѣнадцать огромныхъ лаврскихъ гостинницъ еле вмѣщали всѣхъ паломниковъ, число которыхъ иногда доходило до 80-ти тысячъ. Огромная монастырская кухня съ десятками послушниковъ и трудниковъ была въ состояніи накормить всѣхъ паломниковъ обѣдомъ и напоить чаемъ. Теперь всѣ лаврскіе корпуса странноприимные были заселены постороннимъ людомъ, часто до того ничего общаго не имѣвшимъ съ церковью, а большинство изъ нихъ были явно враждебно ко всѣму церковному. Монастырскія кухни были закрыты и все оборудованіе вывезено куда-то. Для богомольцевъ остался только огромный лаврскій дворъ и крытая галлерей, которая вели въ близкія и дальнія пещеры. Вотъ это и молитву могла Лавра предоставить своимъ богомольцамъ, но и то съ

большой оговоркой. Въ то время комиссаромъ Лавры былъ нѣкій тов. Будиковъ, грубое, вульгарное, некультурное и безбожное существо. Вместе со своимъ начальникомъ онъ отличался тѣмъ, что занимался терроромъ лаврской братии и ее систематическимъ ограбленіемъ. Они безнаказанно врывались въ келліи монаховъ въ любой часъ дня и ночи и забирали все, что находили нужнымъ для себя, арестовывали подъ любымъ предлогомъ и безъ предлога. Имъ все шло подло безнаказанно, т. к. они были приспѣшниками ГПУ. За исключеніемъ немногихъ квартиръ и еще незакрытыхъ храмовъ (половина уже была закрыта) все остальное было въ рукахъ Будикова. Этихъ новыхъ хозяевъ Лавры возмутило, что народъ въ такомъ большомъ количествѣ сталъ прибывать къ храмоному дню. Безбожники рѣшили встрѣтить паломниковъ по-своему. Сначала предполагали отвѣтъ антирелигіозной пропагандой, затѣмъ кощунственнымъ фильмомъ и боксомъ. Все это было устроено почти рядомъ съ лаврскимъ соборомъ. Устроили импровизированный помостъ. Взяли изъ ризницы недограбленные ковры и дорожки. Поставили экранъ, водворили оркестръ, прибили артисты и начали развлекать прибывшій на богомолье православный народъ. Но тутъ имъ пришлось столкнуться съ непривычно для нихъ народной массой — съ глубоко вѣрующимъ народомъ, который въ данный моментъ считалъ себя оскорбленнымъ въ лучшихъ своихъ чувствахъ и сознательно сталъ игнорировать кощунственную, безбожную, постыдную игру. Нашлись люди изъ стараго поколѣнія, которые начали стыдить безбожниковъ до тѣхъ поръ, пока обостившие и пристыженные артисты и боксеры не покинули лаврскій дворъ. Все это наблюдали агенты ГПУ и т. Будиковъ, которые рѣшили отомстить. Въ это время въ переполненныхъ монастырскихъ храмахъ шло всенощное бдѣніе, въ которомъ принимало участіе нѣсколько епископовъ во главѣ съ правящимъ. Для молящихся, которые за переполненіемъ храмовъ не могли попасть въ нихъ, была устроена служба, когда уже за вечерело, передъ соборомъ. Возглавлялъ эту службу прибывшій изъ г. Полтавы Еп. Сергій съ городскимъ и сельскимъ духовенствомъ. Весь огромный дворъ, вплоть до святыхъ воротъ, былъ заполненъ людьми такъ, что казалось, яблоку нѣгдѣ упасть. Только посерединѣ была дорожка для прохода духовенства. Въ серединѣ всенощной, когда заплѣли «Хвалите имя Господне», почти всѣ молящіеся зажгли свѣчи. Это была забываемая, величественная картина. Горящая въ темнотѣ тихой, теплой осенней украинской ночи свѣчи бросали свой отблескъ на бѣлая стѣны величественнаго Успенскаго собора, его золоченые купола и на окружающіе лаврскіе старинные корпуса, построенные гетманомъ Мазепой. Пѣлъ весь молящійся народъ и

тогда казалось, что небо было очень близко къ землѣ. Это была какъ бы прощальная пѣснь несчастнаго, обманутаго православнаго народа, вѣрнѣе, вопль измученной души къ Богу, прощанье съ неповторимой духовной красотой. Церковная служба продолжалась всю ночь до утра. Объ отдыхъ мало кто думалъ. Больше слабые дремали тамъ, гдѣ молились и гдѣ находились около нихъ скромные пожитки, а самые немощные пошли искать отдыхъ въ братскихъ корпусахъ и крытыхъ лаврскихъ коридорахъ или пещерныхъ галереяхъ. Но недолго они тамъ, бѣдные, отдыхали. Тов. Будиковъ организовалъ походъ противъ расположившихся на отдыхъ людей и, вооружившись со своей сворой поливательными кишками и лейками, они начали обливать всѣхъ спящихъ водой.

Такъ представители совѣтской власти, на весь мѣръ кричащей о томъ, что въ Совѣтскомъ Союзѣ молодымъ дорога, а старикамъ почеть, приняли вѣрующіхъ людей въ ихъ же всенародной православной святынѣ! Но все это иноземному міру мало понятно и уяснимо. И только теперь онъ начинаетъ пробуждаться и вспоминать многолѣтнее предостереженіе объ опасности для всего міра.

Для Кіево-Печерской Лавры это религіозное торжество было послѣднимъ. Неизбѣжный конецъ быстро наступилъ. Приблизительно черезъ два мѣсяца послѣ Успенія лаврское духовное начальство вызвали въ ГПУ, гдѣ имъ было предложено отдать на одну воскресную службу соборную церковь обновленцамъ. Долго просили иноки Лавры не дѣлать этого, т. к. это вызоветъ всеобщее негодованіе у православныхъ и не пойдетъ на пользу самой же совѣтской власти. Наконецъ, ужь если обновленцы такъ хотятъ попасть въ Лавру и послужить, то пусть служатъ не въ соборномъ храмѣ, а въ другомъ. «Нѣтъ, въ соборѣ», — отвѣтило ГПУ. Пришлось подчиниться грубой силѣ.

Въ назначенный воскресный день наша служба началась ранѣе обыкновеннаго въ трапезной церкви. Будиковъ тоже не дремалъ. Ему было дано задание отъ ГПУ какъ можно торжественнѣе встрѣтить обновленческаго Митроп. Иннокентія. Но гдѣ же у обновленцевъ найдется богомольцы, думать каждый изъ насъ. Но разъ ГПУ приказало, чтобы были, значить, должны быть. И вотъ тов. Будиковъ согналъ изъ духъ корпусовъ инвалидовъ стариковъ къ святымъ воротамъ, тутъ же роздалъ имъ заранѣе приготовленные букеты цвѣтовъ, они должны были изображать вѣрующую публику, встрѣчающую обновленческаго митрополита. Наконецъ подыхалъ къ воротамъ Лавры на роскошномъ рысакѣ (даже кучера откуда-то выкопали съ длинной бородой) обновленческій митрополитъ. Отъ святыхъ воротъ до собора была послана дланная красная дорожка, взятая изъ лаврской ризницы. У вратъ прибывшаго встрѣтило

обновленческое духовенство, незнакомое киевлянам. Нашлись и прислужники — иподьяконы. Один из них — сын известного скончавшегося уже миссионера О. Саввы Потьхина, который, как потом нам стало известно, поступил на службу в ГПУ. И повели с обеих сторон окруженного миллионами обновленческого М. Иннокентия. Инвалиды как-то неестественно швыряли ему под ноги цветы. Это было какое-то кощунственное представление. Я наблюдаю это все издали во дворе Лавры. Немало тут было и советских агентов в штатских костюмах, зорко следивших за происходившим.

Ввиду ответственности, возложенной ГПУ на Лавру, братия просила собравшихся людей вести себя спокойно и не допускать никаких эксцессов. Но несмотря на предварительные увещания монахов, возмущенная толпа не могла себя сдержать. В бьлый клубок М. Иннокентия полетели гнилые яблоки и тулые яйца. Милиция, бросив обновленческого митрополита, стала хватать бросающих и дико кричащих женщин. В такой напряженной обстановке, наскоро отслужив при пустом храме, митрополит уехал под охраной милиции в отнятый у православных Покровский монастырь.

Продлбав такую релетицию, большевики ршили отобрать Лавру у православных и на короткое время передать ее обновленцам, чтобы потом безболезненно закрыть ее. Ночью 2(15-го) Декабря 1924 г. къ святым воротам Лавры подъехало нисколько машин съ сотрудниками ГПУ. Собрать духовных старцев Лавры, схимниковъ и старших монаховъ, агенты ГПУ сначала повели рчь о томъ, что они прѣхали съ добрымъ намбрениемъ нисколько облегчить правовое положеніе насельниковъ-монаховъ, но что въ данное время этому мншаетъ то обстоятельство, что они подчиняются Патриарху Тихону, въ глазахъ совѣтскихъ властей онъ самый злостный контрреволюционеръ, а его орудіемъ въ Кіевѣ является Еп. Макаріѣ. Поэтому, если они отойдутъ отъ Патриарха Тихона и Еп. Макаріѣ и признаютъ М. Иннокентія*, тоже старого епископа, но не врага совѣтской власти, то ихъ трогать никто не будетъ и они будутъ жить спокойно, даже пользоваться нисколыми льготами. Въ противномъ случаѣ, старшіе изъ братіи пострадаютъ, а младшіе будутъ просто изгнаны изъ своихъ помпцій за ограду Лавры. Духовный Соборъ, конечно, отвергъ это дѣзкое предложеніе и сказалъ

*Еп. Иннокентій страха рали перешель къ обновленцамъ, будучи епископомъ Верненскимъ и Ташкентскимъ. Въслѣдствіѣ его тоже сослали и изъ мѣста своей ссылки они принесли покаяніе. До него въ Кіевъ были прислали обновленческимъ митрополитомъ бывшій старій Еп. Тихонъ Василевскій. Онъ пробылъ всего нисколько мѣсяцевъ, не вынесъ, принесли покаяніе и также скончался въ ссылкѣ.

агентамъ ГПУ, чтобы они сами спросили остальныхъ монаховъ и послушниковъ. На слѣдующее утро агенты предложили всей братіи собраться въ трапезной церкви. Чтобы расположить монаховъ въ пользу обновленцевъ, они пригласили обновленческого епископа Александра Ч.**, бывшего старого епископа Бердичевского, провести съ ними бесѣду и склонить къ обновленчеству.

Этотъ Еп. Александръ, какъ загнанный и запуганный человѣкъ, сталъ вести неумудрѣя рчи. Онъ вынужденъ былъ доказывать изумленнымъ монахамъ справедливость октябрьской революціи, что когда лѣтъ рубать, шепки летѣть, что наступила новая эра жизни въ нашей странѣ, что мы не можемъ отставать и идти назадъ и, наконецъ, закончить тѣмъ, что если кто не признаетъ обновленцевъ и ВЦУ, тотъ можетъ лишиться Лавры. Но развѣ братія можетъ на это рхиться? На кого она ее оставитъ? Въль многіе прожили въ ней нисколько десятковъ лѣтъ. Слушая эти искусительныя рчи при всей любви лаврскихъ насельниковъ съ своей духовной матери-Лаврѣ, они предпочли остаться православными и не поддаваться соблазну врага.

Изъ 300 монаховъ нашлось только 6, измѣнившихъ Православію: два архимандрита (завѣдовавшій типографіѣй О. Филадельфъ и начальныи дальнихъ пещеръ О. Михаилъ) и 4 старшихъ монаха, которые изъ-за своей глубокой старости не могли уяснить, что вообще происходить и какъ они могутъ уйти куда-то, проживъ столько лѣтъ на одномъ мѣстѣ. Особенно жалкую картину представлялъ 90-лѣтній монахъ Ксенофонтъ. Онъ пробылъ болѣе 50-ти лѣтъ и былъ уже внѣ жизни, не представляя, что можетъ отдать кому-то другому ключи отъ колокольни. И на колокольнѣ онъ уже много лѣтъ по старости не въ состояніи былъ звонить. Звонили другіе помозже, а онъ только считался главнымъ звонаремъ. Бѣднѣга вскорѣ скончался къ своему счастью, токъ и не отдавъ себѣ отчета во всемъ происходящемъ.

Послѣ неудачнаго увещанія братіи Лавры ГПУ приступило къ сдачѣ Лавры обновленцамъ. Прежде всего были арестованы почти всѣ отцы духовнаго собора, схимники, духовники братскіе — Отцы Алексій, Лаврентій и Антоній, а также нисколько мрянъ, состоявшихъ въ общинѣ и представившихъ передъ властями приходской совѣтъ. Въ числѣ послѣднихъ была арестована одна очень почтенная дама, дочь которой въ настоящее время находится въ США и является одной изъ знаменитыхъ артистокъ Голливуда. Нисколько дней происходила передача Лавры обновленцамъ. Все было взломано, вскрытъ, даже полы въ нисколыхъ мѣстахъ были сорваны.

**Еп. А. Ч. также страха рали призналъ обновленцевъ, былъ послѣднимъ обновленческимъ митрополитомъ и погибъ въ ежовскій терроръ.

Также вскрыты склепы съ гробами давно почивших выдающихся церковных дѣятелей, а также национальных героев, какъ фельдмаршала Разумовскаго, Кн. Константина Острожскаго, полководца Румянцева-Задунайскаго и многих другихъ. За ворота Лавры нѣсколько дней никому нельзя было выходить. Всюду были патрули, милиція, какъ будто въ военное время или въ осажденной крѣпости. Обысканы были всѣ келли монаховъ и послушниковъ, разогнаны митрополиты пѣвчие, состояшіе изъ подростковъ и малышей сиротъ. Куда ихъ дели, такъ и не знаю.

6. МОЙ АРЕСТЪ

Послѣ всего стали всѣмъ чинить безконечные допросы, что, и почему, и зачѣмъ, кто отецъ, мать, дѣдъ, чуть не до седьмаго колѣна. Задержанъ былъ и я, хотя тогда былъ простымъ послушникомъ. Мнѣ было поставлено въ обвиненіе то обстоятельство, что я что-то скрылъ внѣ ограды монастыря. А дѣло обстояло такъ.

Какъ разъ за нѣсколько дней до закрытія Лавры вернулся одинъ изъ лаврскихъ ссыльныхъ, близкихъ мнѣ отцовъ. Часто своихъ вещей, не стоить ему нужныхъ въ дорогѣ, онъ посылалъ почтой на мое имя. Когда я получить по почтовой вѣсткѣ посылку, то не рѣшился изъ-за контроля нести ее въ Лавру, а занесъ къ своимъ знакомымъ, жившимъ вблизи Лавры. А за мной, очевидно, уже слѣдили. Арестовавъ, стали требовать признанія, что я спряталъ и гдѣ. Какъ будто они не знали! Не чувствуя за собой никакой вины, я прямо отвѣтилъ, что ничего не пряталъ чужого и не знаю, въ чѣмъ моя вина. Тогда выступилъ правая рука тов. Будикова, Сивинкій, и началъ уличать меня въ неправдѣ; я что-то полученное на почтѣ отнесъ не домой, а въ другое мѣсто. Тогда я прямо сказалъ, что отнесъ пакетъ не домой, желая избѣжать канители. И разъ человекъ возвращается изъ ссылки, почему я долженъ его подводить подъ контроль? Послѣ этого меня повели въ тотъ домъ, гдѣ я оставилъ пакетъ и мнѣ пришлось принести его въ Лавру, гдѣ гелеупники вскрыли его и не обнаружили въ немъ ничего цѣннаго для себя, ни тѣмъ болѣе опаснаго.

Во время этой процедуры со мной вдругъ въ слѣдовательскую комнату вошли запросо, какъ свои, два знакомыхъ мнѣ издали обновленческихъ священника и на вульгарномъ совѣтскомъ жаргонѣ начали въ шутовскомъ тонѣ объясняться съ агентами ГПУ. При этомъ они нагло издѣвались надъ святыми и митрами, снесенными сюда изъ монастырской ризницы, надѣвая послѣдніе на головы гелеупниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ Матвей Березной, другого не помню. Помню только хорошо, что когда обновленцы первый разъ служили въ Лаврѣ, то этотъ другой говорилъ проповѣдь.

Вотъ тутъ воочію я убѣдился, что такое обновленцы: агентура въ рясахъ. Они такъ свободно вели себя въ моемъ присутствіи, очевидно, предполагая, что я не задержанный, а какой-нибудь простой служащій, т. к. я былъ въ мірской одѣждѣ. Не знаю, какъ они поступили бы со мной въ дальнѣйшемъ, если бы не поразительный случай, а для меня — помощь Божія, которая вывела меня изъ этого опаснаго положенія. Прибывшій только что изъ ссылки отецъ, когда былъ еще свѣтскимъ лицомъ, часто посылалъ одного своего друга. У друга была старшая сестра и къ ней приходила подруга. Они иногда подсмѣивались надъ молодыми людьми, собирающимися идти въ монахи.

Прошли годы. Одинъ изъ друзей былъ убитъ въ первой мировой войнѣ, другой сталъ монахомъ. Подруга сестры оказалась женой слѣдователя кievскаго ГПУ. Вѣроятно, въ разговорѣ онъ упомянулъ о прибывшемъ замѣчательномъ духовномъ лицѣ, она вспомнила о немъ и рѣшила ему помочь, а заодно и мнѣ, поскольку я былъ связанъ съ нимъ. Судя по многимъ поступкамъ этого слѣдователя, онъ не подходилъ для работы въ ГПУ. Какъ и почему онъ туда попалъ, мнѣ неизвѣстно. Знаю только, что вскорѣ онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ при весьма загадочной обстановкѣ. Съ женой онъ жилъ дружно. Съ ними жила я мать, очень вѣрующая старушка. Былъ какой-то совѣтскій праздникъ. Слѣдователи ГПУ собрались со своими женами въ одномъ домѣ. Рядомъ со своей женой сидѣлъ и этотъ слѣдователь Л. Вдругъ онъ началъ говорить о неудоветворенности жизнью вообще, о томъ, что его ничто не радуетъ, а наоборотъ онъ очень страдаетъ морально. Его сослуживцы начали надъ нимъ подтрунивать, они всѣ его любили и старались развлечь. Но онъ все возвращался къ той же темѣ. Потомъ на глазахъ у всѣхъ вынулъ револьверъ и застрѣлился. Пуля попала прямо въ високъ.

Эта история надбала немало хлопотъ кievскому ГПУ. Центральное управление нарядило слѣдствіе, произвело дознаніе, какъ такой человекъ могъ попасть въ органы ГПУ, кто виноватъ въ происшедшемъ и т. д. Для отстрастки другихъ лишили его всѣхъ совѣтскихъ почестей и красного погребенія, предоставивъ женѣ хоронить самой. Похоронила она его на Байковомъ кладбищѣ, а свою тайну неудоветворенности жизнью онъ унесъ съ собой въ могилу. Вдова и старушка мать упросили духовное лицо, которому они помогли, помолиться на его могилѣ.

(Этотъ случай со слѣдователемъ ГПУ былъ не единственный. Многие сотрудники ГПУ сходили съ ума. Но объ этомъ знали только дома для умалишенныхъ и т. н. специальные санаторіи для нервнобольныхъ. Жуткіе преступленія, совершенные ими. Доводили ихъ до сумасшествія или самоубійства).

Послѣ суточнаго ареста меня и нѣсколько чело-
вѣкъ изъ низшей братіи освободили, а старшую
братію и схимниковъ подъ конвоемъ пешкомъ
погнали въ тюрьму. Нѣкоторыхъ схимниковъ въ
тюрьмѣ подъ предлогомъ гигиеничности остригли и
обрили, такъ что когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ
ихъ выпустили, бѣдняжки имѣли очень странный
видъ, особенно бросавшіеся въ глаза намъ,
знавшимъ ихъ съ длинными бородами и волосами.
Скорбно и небожно было видѣть ихъ въ такомъ
состояніи.

Прибывшій изъ ссылки близкій мнѣ отецъ былъ
посажень подъ домашній арестъ въ одной изъ еще не
закрытыхъ пустынь (Китаевской). Это сдѣлать тотъ
сладователь, котораго его жена просила не причи-
нять этому духовному лицу зла. Иначе онъ не
избѣжалъ бы новаго ареста. Это ничего не значить,
что его только что освободили. Въ совѣтской прак-
тикѣ обчное явленіе, что вчера освободили, а завтра
опять арестовали и отправили въ ссылку.

7. ИЗГНАННИКИ

Потянулись скорбные для насъ дни. Мнѣ при-
шлося нѣкоторое время носить въ тюрьму передачи
нашимъ заключеннымъ. Со мной часто носила пере-
дачи для матери сестра перешедшей извѣстной
киноартистки Холливуда. Въ первые дни послѣ ото-
брація у насъ Лавры при загадочной обстановкѣ
погибли два монаха. Одинъ, О. Романъ, былъ сбро-
шенъ кѣмъ-то съ высокой лаврской стѣны, что у
пѣвческаго корпуса, а также упалъ съ колокольни и
разбился насмерть другой молодой монахъ О. Ди-
санъ, часовой мастеръ, всегда заводившій башенныя
часы на колокольнѣ. Въ эти дни особой скорби и
печали внезапно скончалось немало отцовъ: регентъ
митрополичьяго хора О. Θεогностъ, архидіаконъ
Іоакимъ, многіе другіе, и Еп. Николай Браилевскій.

Ливившись своей обители, лаврская братія
перешла молиться въ сосѣднюю Воскресенскую
церковь, исполняя всѣ церковныя службы по лавр-
скому чину и напѣвамъ. Православные наполняли
этотъ храмъ, а лавра пустовала. Чувствовалось, что
преподобная отцы Антоній и Θεодосій съ другими
раздѣляютъ съ нами изгнаніе. Но недолго мы здѣсь
задержались. Послѣ Пасхи власти отняли у насъ
этотъ храмъ и мы перешли въ Θεодосіевскую
церковь, тоже находившуюся вблизи монастыря.
Вскорѣ и ее у насъ отобрали и превратили въ складъ
для кожевеннаго сырья. Лаврскую братію обнов-
ленцы все время постепенно съ ГПУ изгоняли изъ
помѣщеній и они расселялись по Печерску и Звѣрин-
цу (такъ назывались окраинные районы г. Киева, гдѣ
находились монастыри).

Овладевъ Лаврой, обновленцы начали заводить
въ ней свои порядки. Открыли пастырскіе курсы, на
которыхъ было всего нѣсколько странныхъ сту-

дентовъ. Лавра превращалась въ духовную пустыню.
Многіе храмы, въ томъ числѣ и въ пещерахъ, сразу же
закрылись, т. к. нѣкому было въ нихъ служить. Посѣ-
щали Лавру только малоразбирающіеся въ церков-
ныхъ вопросахъ люди, да иностранные туристы.

Монахи, которые не были въ состояніи ходить
на работы по найму, переселились въ Китаевскую
пустынь въ надѣждѣ хоть какъ-нибудь дожить свои
послѣдніе дни вмѣстѣ съ проживавшими тамъ дрях-
лыми старцами. И тамъ ожидали всѣхъ не радости, а
скорби. Власти стали высылать братію за ограду, а
также отняли помѣщеніе отъ старцевъ, жившихъ въ
монастырской богадѣльнѣ, выбросивъ ихъ просто на
улицу ранней весной. Вѣтхихъ старцевъ переселили
въ полуразрушенные дома надъ рѣкой. Когда
наступило половодье, домъ затопило почти до пояса.
Погибъ весь скарбъ несчастныхъ и послѣднія ихъ
одежды. Стали очень болѣть и сходить одинъ за
другимъ каждый день въ могилу. Годъ спустя мало кто
остался въ живыхъ. Болѣе молодые расселились по
сельскимъ угламъ у добрыхъ людей, а также въ
землянкахъ и вѣтхихъ лачугахъ. Только одинъ храмъ
не былъ отобранъ пока и въ немъ мы находили отраду
отъ печальной дѣйствительности. Престарѣлую лавр-
скую братію питали сердобольныя женщины. Они
ходили по ближайшимъ деревнямъ и просили ми-
лостыню, собирая кто что давалъ. Крестьяне давали
охотно, часто дѣлясь послѣднимъ кускомъ хлѣба,
памятуя то время, когда Лавра помогала имъ въ годы
недорода и другихъ нуждъ.

Насъ, трудоспособныхъ, мѣстныя власти зимой
въ принудительномъ порядкѣ въ стужу и мѣтелъ
гоняли въ нашъ Голосѣвскій монастырскій лѣсъ
пилить для нихъ дрова, срѣзая деревья съ корней.
Съ утра до позняго вечера по колѣно въ снѣгу, на
морозѣ, безъ пищи и воды, въ вѣтхой одеждѣ мы
должны были работать. Для утоленія жажды въ
жестянкѣ топили снѣгу, а пищей было то, что кто гдѣ
для себя раздобудетъ.

8. БОГАДѢЛЬНЯ ВЪ ЛАВРѢ

Въ отобранныхъ монастырскихъ помѣщеніяхъ
власти помѣстили стариковъ и старухъ, а также
дефективныхъ. Когда-то въ Киевѣ на Лукьяновкѣ
была богадѣльня для престарѣлыхъ, гдѣ все было для
нихъ приспособлено и они доживали свой вѣкъ въ
теплѣ и сытости, находя духовное утѣшеніе въ своемъ
храмѣ. Теперь ихъ отвезли за 8 км отъ города безъ
удобнаго сообщенія, такъ что рѣдко кто изъ ро-
ственникововъ могъ ихъ посѣтить. Монастырскіе
помѣщенія совершенно не были приспособлены для
нихъ и почти не отапливались. По нѣсколько чело-
вѣкъ каждый день умирали отъ холода и голода. Хлѣ-
бъ привозили изрѣдка, причемъ такой, что изъ него
текла вода. Съ жадностью набрасывались люди на
выданный на нѣсколько дней хлѣбъ. Ослабленный

желудок не выдерживать и люди умирали. Врачей и в поминѣ не было. Умерших сбрасывали въ погребѣ, там они лежали нѣсколько дней и крысы объѣдали ихъ такъ, что нельзя было узнать. На той телегѣ, на которой въ монастырь возили гной на огородахъ, возили трупы, сваленные въ одинъ большой ящикъ и совершенно раздѣтые, бросали ихъ на монастырскомъ кладбище въ общую яму какъ попало, даже не всегда сейчасъ же зарывали, ожидая, пока яма наполнится. Если приходили родственники усопшихъ, что бывало нечасто, то даже не могли найти слѣда близкаго человѣка.

Много изъ этихъ несчастныхъ стариковъ и старухъ покончили жизнь самоубійствомъ, не выдерживая этой медленной пытки, и отъ отчаянія бросали въ близлежащее монастырское пруды. Мы страдали, глядя на ихъ безпривѣтную жизнь, съ тяжкимъ сознаниемъ своей беспомощности. Когда-то Лавра каждый день бесплатно кормила сотни людей. Но и въ этой безпривѣтной обстановкѣ бывали трогательныя сцены, свидѣтельствовавшія о величїи человѣка и превосходствѣ его души надъ тленнымъ и

надъ бытіемъ. Не разъ, особенно въ голодныя годы, бывало, что какой-нибудь старичокъ или старушка, получивъ свой скудный паекъ, тайкомъ отъ надзирательницы зайдетъ во время службы въ храмъ и сунетъ его въ руку такому же дряхлому монаху.

Отношеніе коммунистовъ, враговъ Церкви, къ намъ, духовенству и монахамъ, было понятно: мы, какъ чуждый классъ, имъ мѣшали. Но почему они преслѣдовали несчастныхъ убогихъ стариковъ и старухъ, доживавшихъ свой вѣкъ въ безмалѣнѣ? Это можно объяснить только дикой и безсмсленной жестокостью совѣтской власти, считавшей, что старое поколѣніе должно какъ можно скорѣе сойти съ жизненной сцены, чтобы не мѣшать социалистическому строительству. Какими стихами въ наше время воспѣть бы пѣвецъ народной русской скорби Некрасовъ и какія картины написать бы художникъ Перовъ? Только жуткія картины, описанныя Данте, могутъ соперничать съ совѣтской действительностью.

Продолженіе слѣдует.

Письма

Паломнику

1. ГОЛОСЬ ИЗЪ ЛАТВИИ

Дорогіе братья,

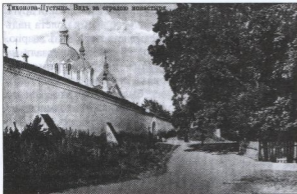
Мы очень заинтересованы въ получении книги «Православіе и Религія Будущаго», компакт-диска «Жизнь съ Православнымъ Мировозрѣніемъ» и календаря Свято-Германова Монастыря на 2011 годъ, т. к. Мы недавно здѣсь, въ Латвійской Христіанской Академіи, стали проявлять большой интересъ къ жизни и творчеству О. Серафима Роуза. Недавно мы прочитали переводъ на русскій языкъ большой книги о жизни и творчествѣ О. Серафима и поняли, что раздѣляемъ убѣжденія О. Серафима. У насъ есть также двѣ его книги: «Нигилизмъ» и «Православіе и Религія Будущаго», переведенныя на латышскій языкъ еще въ 1995 году — всего черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ

Латвія вновь обрѣла свободу отъ совѣтскаго режима.

Эти книги были очень популярны не только среди православныхъ вѣрующихъ, но и среди протестантовъ, которые въ Латвіи все еще очень консервативны (лютеранская церковь). Такъ книги О. Серафима известны намъ, вѣрующимъ Латвіи, въ теченіе почти двухъ десятилѣтій. Поэтому для насъ было бы интересно получить новыя

Яковильская икона Божіей Матери, новая явленная въ Латвіи.

Тихонова пустынь. Видъ за оградою монастыря.

издания этих книг, т. к. в них внесены дополнительные статьи. А также календарь Прп. Германа — для изучения Православной терминологии святых и их порядка на английском языке. Таким образом эти книги будут служить для нас в качестве руководящих принципов православного понимания знаменитой времени и перевода материалов на латышский язык.

Валтерс Долацис.

2. ОТКЛИКЪ ЧИТАТЕЛЕЙ

Получила «Русский Паломникъ» и календарь. Прочла почти не отрываясь. Одна статья лучше другой. И «Фаворский свѣтъ» и рассказы обь оптинскихъ старцахъ, съ которыми насъ познакомили Вл. Андрей (О. Адрианъ) и О. Игнатій въ Святой Земль даь намъ ихъ имена и велѣть молиться о нихъ еще не прославленныхъ. Теперь такіе родные и близкіе. И статья о Еп. Феофанѣ, и воспоминанія О. Леонтия. Читала списокъ звѣрски замученныхъ архіереевъ и священниковъ, думаешь, какъ же такое могло случиться на Руси, послѣ почти 1000 лѣтъ Православія!

А читая «Инокесскую Лиру», мысленно вижу тебя и О. Серафима, и убогія келейки на горѣ, слышу какъ будо лавлиной крикъ и вижу моего батюшку (О. Романа), иногда навѣщавшаго васъ. Также получила и календарь, гдѣ жизнеописаніе Архп. Николая — просвѣтителя Японіи, который уже давно сталъ близокъ и дорогъ моему сердцу.

Спаси Господи! И дай Богъ силушки и въ дальнѣйшемъ трудиться во славу Божию.

Матушка Ирина Лукьянова.

Абсида храма св. Іоанна Милостиваго, разореннаго монастыря въ честь иконы Божіей Матери *Отрада* и *Утѣшеніе* блаженной памяти Игумены Софій.

3. ВОЗРОЖДЕНІЕ КАЛУЖСКАГО КРАЯ

Посылаю вамъ жизнеописаніе Блаженной Старицы Евфросиніи, почитаемой Архм. Герасимомъ. Въ «РУССКОМЪ ПАЛОМНИКЪ» № 5 мы читаемъ воспоминанія О. Герасима: «Люблю, почитаю, молюсь юродивымъ Христа ради... Недалеко отъ нашего города Алексина, въ 3-хъ верстахъ есть село Колопаново, гдѣ спасалась Блаженная Евфросинія, въ міру Княгиня Евдокия Вяземская. Мои бабушка ее знали, посылали. Моя мать получила отъ нея исцѣленіе, когда была больна тифомъ».

Сейчасъ на мѣстѣ подвиговъ Блаженной Старицы Евфросиніи построены женскій монастырь, изъ св. источника, ископаннаго Старицей въ 100-лѣтнемъ возрастѣ бьетъ мощная струя целебной воды. Много паломниковъ прѣзжаютъ въ Колопаново изъ разныхъ городовъ и вѣсей Россіи. Сбылись всѣ предсказанія Старицы.

Недавно посѣтила Дутну, гдѣ находилась обитель Отрада и Утѣшеніе. Мѣсто очень живописное. Монастырскій храмъ св. Іоанна Милостиваго разрушенъ. Рядомъ съ нимъ выстроены магазинъ, и любители алкогольной продукціи распиваютъ крѣпкіе напитки на территории храма. Вся территория храма засорена пустыми бутылками, пластиковыми пакетами. Напротивъ храма, черезъ дорогу, монастырское кладбище, заросшее деревьями, съ трудомъ различимыми

Блаженная Евфросинія
Колопановская-Алексинская
и (Ум. 1855). Прославлена въ
1988 г.

холмиками могилъ. Сохранились нѣкоторые монастырскіе строения, которые вы можете увидѣть на присланномъ снимкѣ.

Вѣсной, если будемъ живы, надо вновь прѣхать на это мѣсто съ друзьями и навести порядокъ, а на мѣстѣ храма и кладбища установить кресты. На стѣндѣ надо помѣстить имена монаховъ этой обители, портретъ матушки Софій — для поминовения.

Въ Дугнѣ познакомился съ учительницей исторіи мѣстной школы, которая собираетъ материалы объ Иг. Софій, рассказывать о ней своимъ ученикамъ. Сейчасъ готовлю для нее материалъ объ Иг. Софій, опубликованный въ "РУССКОМЪ ПАЛОМНИКѢ" №16 — трудъ Елены Юрьевны Концевичъ. Намъ надо вмѣстѣ сотрудничать для благого дѣла.

4-го Декабря на Введеніе въ Жабинской пустыни будетъ освящаться престолъ Введенскаго храма. Къ сожалѣнію, поѣхать не могу, т. к. болѣнь простуднымъ заболеваніемъ. Начинается и внутренняя роспись храма художникомъ Геролакономъ, подвизающимся въ Жабани.

Въ Сергіевскомъ скиту близъ Тихоновой пустыни 4-го Ноября на Казанскую былъ установленъ крестъ, началось возрожденіе скита. Мыъ рассказывали, что якобы видѣли и купола восстановленнаго храма. Надо побывать тамъ и самому все увидѣть, сфотографировать.

Государство выдѣлило средства на восстановленіе обители Лаврентія Калужскаго. Сейчасъ будутъ сносить временныя жилия постройки, расположенныя на территории обители.

Закончились восстановительныя работы въ Тульскомъ Успенскомъ храмѣ, который Вы посѣщали. На прошедшей недѣлѣ, въ верхнемъ храмѣ стали снимать строительные леса. Возстановили всю роспись Васнецовской школы.

Владимиръ Сухопаровъ,

г. Тула

4. НЕИЗРЪЧЕННЫЙ СВѢТЬ

Отецъ Амвросій (Савченко) изъ Латвіи вспоминаетъ одинъ знаменательный случай. Онъ лично зналъ въ Тукумѣ одного

подполковника. У этого офицера былъ близкій другъ — военный летчикъ. Однажды во время полета надъ Балтійскимъ моремъ его самолетъ потерпѣлъ аварію. Было это гдѣ-то въ январѣ. Летчикъ замерзъ на маленькомъ надувномъ плотикѣ. Самолеты прекратили поискъ и вернулись на базу.

Надѣяться уже было не на что. Въ это время подполковникъ находился на радарной станціи. Когда онъ узналъ о несчастіи, которое случилось съ другомъ, то сильно опечалился. Покинувъ станцію, онъ сталъ всеми силами своей души молиться и просить Всевышняго о спасеніи друга. Онъ не былъ религиознымъ человекомъ и въ церкви бывалъ только въ дѣтствѣ. Внезапно его озарилъ какой-то необычный свѣтъ. Черезъ нѣсколько дней онъ узналъ, что друга спасло шведское судно.

Моряки были въ недоумѣніи: при абсолютно исправныхъ навигационныхъ приборахъ судно неожиданно сбилось съ курса на 30 (!) градусовъ и вышло прямо на плотикъ съ советскимъ летчикомъ. Когда нѣсколько дней спустя друзья встрѣтились, летчикъ рассказалъ, что онъ, видя свою неминуемую смерть въ ледяныхъ волнахъ моря, сталъ молиться, какъ его учила бабушка. Вдругъ показался какой-то неземной свѣтъ и онъ потерялъ сознание. Очнулся уже на шведскомъ кораблѣ.

Латвійская Православная Жизнь.

Май, № 5, 2010

5. ОГНЕННЫЙ ВЪНЕЦЪ

Въ другой разъ за софѣтомъ пришелъ мужъ съ женой. Владыка Антоній (Михайловскій) началъ молиться передъ иконами, они повторяютъ ему словъ вопросъ, а онъ не отвѣчаетъ. И вдругъ отецъ Сергій увидѣлъ, какъ на голову Владыки отъ иконъ сошелъ духовный благодатный свѣтъ

въ видѣ огненнаго вѣнца, послѣ чего онъ повернулся къ пришедшимъ и началъ говорить, какъ имъ поступить. И преобразился предъ ними: и просіяло лицо Его какъ солнце, одежды же Его одѣялись бѣлыми, какъ свѣтъ (Мф. 17, 2).

Свечи. Владимиръ Пакувецъ.

О молитвѣ Іисусовой.

Руководство въ дѣлани.

Игуменъ Герасимъ, основатель Сергіевскаго скита подл. Калугой. 1918 г.

Святитель Іоаннъ Шанхайскій и Святъ-Францискскій.

Построимъ Музей Іоанна Чудотворца!

— призывъ православныхъ г.

Ивангорода къ русскому народу.

6. СВѢТЬ НЕ ВО СНѢ

Въ 1995 году приснился мнѣ сонъ, будто стою я въ нашемъ храмѣ Казанскомъ и вдругъ со стороны, гдѣ наяву располагаются столы съ духовной литературой, прихрамывая идетъ человекъ въ черной рябѣ съ наперснымъ крестомъ на груди. Подходить ко мнѣ, посмотрѣвъ строго, благословляетъ. Потомъ быстро удаляется къ боковой двери, что ведетъ на улицу. На этомъ я проснулась.

Нѣсколько лѣтъ подрядъ я несла, съ Божіей помощью, послушание — чистила подсвѣчники въ нашемъ храмѣ. Подходить ко мнѣ наша алтарница, монахиня Марія, и протягиваетъ книгу: «Возьми, почитай!» Читаю название — «Блаженный Иоаннъ Чудотворецъ», издания «Русскаго Паломника». И вдругъ — глазамъ не могу повѣрить! — на обложкѣ фотографія человека, который благословилъ меня недѣлю назадъ во снѣ. Листаю книгу, просмотрѣвъ фотографіи, сомнѣній не остается — это онъ. Только теперь я знаю его имя, это не просто человекъ, а Святитель Иоаннъ Шанхайскій и Санъ-Францискій.

Книгу читала съ большимъ интересомъ, съ любовью, и такъ хотѣлось, чтобы и у меня была такая же. Наконецъ, книгу приобрѣла и я, перечитывала часто, давала ее читать знакомымъ, рассказывала о Блаженномъ Иоаннѣ съ радостью.

Есть у меня знакомая Людмила, женщина крещенная, но въ церковь ходила очень рѣдко. Мужъ у нее пилъ, что называется, по-черному. Игралъ все на гармоникѣ и буйствовалъ. Жила ихъ семья въ однокомнатной квартирѣ, съ двумя дѣтьми. И вотъ какъ-то встрѣчаю Людмилу, а на ней лица нѣтъ, вымотанная, вялая. Говоритъ, что силъ больше нѣтъ, мысли о самоубійствѣ каждый день приходятъ къ ней, не можетъ больше, устала жить. Я ее въ церковь отправила на исповѣдь и дала прочесть книгу о Блаженномъ Иоаннѣ Чудотворцѣ.

Черезъ нѣсколько дней Людмила, которая работала тогда воспитателемъ въ дѣтскомъ саду, пришла и рассказала: «Послѣ обѣда, уложила я дѣтей спать и сама прилегла съ книгой о Владыкѣ Иоаннѣ. Залилась слезами, положила книгу подъ голову и будто задремала. Вижу, въ спальню ходитъ священникъ въ облаченіи святителя. Идетъ ко мнѣ, а лицо его все никакъ не могу разглядѣть, такъ какъ свѣтится, смотрѣть трудно. Подходить, склоняется

Тула. Слѣва Преображенскій соборъ и Успенскій справа.

надо мной и начинать гладить по головѣ, какъ въ дѣтствѣ мама. И мнѣ такъ спокойно, радостно стало. Вдругъ я понимаю, что это не сонъ, и даже испугалась отъ этой мысли. Открыла глаза — никого нѣтъ, дѣти спятъ, а подъ головой моей книга о Блаженномъ Иоаннѣ. И такъ мнѣ ласково стало въ душѣ отъ одного взгляда на его фотографію».

Съ тѣхъ поръ мысли о самоубійствѣ Людмилу больше не посѣщали. Вскорѣ мужъ ее въ приступѣ горячки выбросилъ въ окно, но на смерть не разбился. Въ больницу отвезли, Людмила за нимъ ухаживала, а потомъ онъ умеръ. Господь отвелъ ему время для покаянія. Такъ, по молитвамъ и заступничеству нашего дорогого Иоанна Чудотворца не случилось самого страшнаго. И сколько еще такихъ чудесныхъ заступничествъ происходитъ съ нами — по молитвамъ святого!

Р. Божія Наталья,
г. Зеленогорск

7. СВѢТЬ ВЪ ТОЛПѢ

Я, не зная Владыку, написала ему письмо съ просьбой о помощи, но отвѣта не получила. Пропустила годъ. Владыка приѣхалъ въ Гонконгъ, и я была въ толпѣ, которая встрѣчала его въ храмѣ. Владыка обернулся ко мнѣ и сказалъ: «Вы та, которая написала мнѣ письмо!» Я была поражена, т. к. Владыка никогда меня до этого не видѣлъ. Когда пропѣли молебень, Владыка, стоя у аналоя, сталъ читать проповѣдь. Я стояла рядомъ съ матерью, и мы обѣ, какъ и многіе вѣрующіе въ храмѣ, видѣли свѣтъ, окружавшій Владыку — сияніе это было толщиной въ футъ.

Р. Божія Лидія Любо
г. Санъ-Франциско

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Древній Валаамскій Крестъ.

Возобновленный 53-й годъ изданія, послѣ перерыва съ 1917 года.
Журналъ обладаетъ правами Copyright by St. Herman of Alaska Brotherhood.

Печатается и редактируется
ВАЛААМСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ АМЕРИКИ — VALAAM SOCIETY OF AMERICA
P. O. Box 70, Platina California 96076 USA Факсъ: +1(530) 352-4432 тел.: +1 (530) 352-4430

ВАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ является миссионерскимъ движеніемъ, цѣль котораго сохраненіе и пространство древне-христіанской монашеской мудрости въ всякихъ церковныхъ раздѣленіяхъ, для всѣхъ юрисдикцій, исповѣдующихъ Православную Вѣру во всѣхъ странахъ міра. Основано въ 1983 году какъ результатъ 20-лѣтнихъ трудовъ Братства Преп. Германа Аляскинскаго, исходящаго съ благословенія Аримандрита-пустынника Герасима, что на Еловомъ островѣ (+1969), и утвержденаго Святителемъ Иоанномъ Максимовичемъ (+1966). Валаамское Общество Америки основано Епископомъ Маркомъ Ладожскимъ и Сан-Францисскимъ.

ЖЕЛАЮЩІЕ СТАТЬ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА ВНѢ РОССІИ призываются усердно молиться за Россію, Валаамское Общество и его миссионерскія цѣли. Каждый членъ Общества, кромѣ своей подписки на «Русскій Паломникъ», также автоматически оплачиваетъ одну годовую подписку, которая пойдеть въ Россію.

Годовое членство: 50 ам. дол. Пожизненное членство: 250 ам. дол.

Благословеніе Святѣйшаго Патриарха Алексія II. Статьи принимаются, но безъ полемики.

Посылать по адресу: P. O. Box 70, Platina CA 96076, U.S.A.

СОДЕРЖАНІЕ № 48, 2011

1. ЗАВѢТЫ ВЛ. ІОАННА.....	71
2. ПЕРЕСАЖЕННОЕ ДРЕВО
О. Владиміръ.....	72
3. ПАЛОМНИЧЕСТВО НА ЕЛОВЫЙ.....	88
4. ВАЛААМСКІЙ ПАТЕРИКЪ:
Схимонахъ Іоаннъ.....	104
5. ИНОЧЕСКАЯ ЛИРА
Алексій Апухтинъ.....	116
6. ИСПОВѢДНИКИ РОССІЙСКІЕ:
Автобіографія Архіеп. Леонтія.....	128
7. ПИСЬМА ПАЛОМНИКУ.....	138

ЧИТАТЕЛИ ВЪ РОССІИ!

Требуйте журналъ во
всѣхъ книжныхъ магазинахъ
Россіи.

Подписку
можно заказать:
А/я 9, г. Москва, 125412
тел.: (495) 77-111-75
факсъ: (926) 200-7650
E-mail:
rp@idrp.ru
www.idrp.ru

Представители
въ Ст. Петербургъ:
Леушинское подворье,
ул. Некрасова 31,
тел. (812) 273-9619.

На Украинѣ: А/я 4024, г. Львовъ, Украина, 79071

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ, Великій Князь.
Портретъ работы А. Рослена, подписной.
Находится въ Большомъ Дворцѣ въ Царскомъ Сельѣ.

МОЛИТВА ОБЪ УБИЕННОМЪ ИМПЕРАТОРЪ ПАВЛѢ I

Упокой, Господи, душу убійнаго раба Твоего, Императора Павла I,
и его молитвами даруй намъ во дни сія лукавыя и страшныя въ дѣлахъ мудрость,
въ страданіяхъ кротость и душамъ нашимъ спасеніе Твое.

Призри, Господи, вѣрнаго Твоего молитвенника о сирыхъ, убогихъ и
обездоленныхъ, Императора Павла I, и по молитвамъ его святымъ подай скорую и
вѣрную помощь просящимъ черезъ него, Боже нашъ. Аминь.

На задней обложкѣ: Парадный портретъ Императора Николая Второго
во время коронаціи. 1894 г.

